И. П. ПОТЕХИНА

ОТ РИМСКИХ ЕПИСКОПОВ К РИМСКИМ ПАПАМ

(I — СЕРЕДИНА VIII в.)

ЕВРАЗИЯ PARVUS LIBELLUS NOVUS

ЕВРАЗИЯ

И. П. Потехина

ОТ РИМСКИХ ЕПИСКОПОВ К РИМСКИМ ПАПАМ

(I – СЕРЕДИНА VIII в.)

2-е издание, электронное

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург
2025

УДК 27-9 /272
ББК 63.3(0)4/86.37
П64

Р е ц е н з е н т ы:
д-р ист. наук *Е. А. Ростовцев* (СПбГУ)
д-р ист. наук *А. А. Селин* (НИУ ВШЭ СПб)

Потехина, Ирина Павловна.
П64 От римских епископов к римским папам (I — середина VIII в.) / И. П. Потехина. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 226 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus novus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0759-6

История папства — специфического властного института, в течение долгого времени контролировавшего не только огромные массы верующих, но и значительную часть политических, экономических, социальных и культурных процессов, протекавших внутри католического мира, — уже не одно столетие занимает умы исследователей и читателей. Особого внимания в этом контексте заслуживают период поздней Античности и первые столетия Средневековья. Именно в это время, на волне крушения римской государственности начинает постепенно оформляться папская теократическая доктрина, закладываются основы притязаний Святого престола на духовную власть в мировом масштабе. Этой сложной эпохе и посвящается предлагаемая книга.

УДК 27-9 /272
ББК 63.3(0)4/86.37

Электронное издание на основе печатного издания: От римских епископов к римским папам (I — середина VIII в.) / И. П. Потехина. — Санкт-Петербург : Евразия, 2024. — 224 с. — (Parvus libellus novus). — ISBN 978-5-8071-0626-1. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0759-6

© Потехина И. П., 2024
© Лосев П. П., дизайн обложки, 2024
© Оформление, ООО «Издательство «Евразия», 2024

Введение

Ты — Петр, и на сем камне
я создам Церковь мою…
(Мф. 16:18)

История римских епископов (или иначе — пап) периода поздней Античности и Средневековья уже не одно столетие является предметом пристального исследовательского интереса. Сначала интерес этот был, главным образом, «антикварным» и полемическим. С одной стороны, основоположники европейской исторической науки — как духовного, так и светского звания — стремились собрать как можно больше свидетельств церковной и папской истории, методично выискивая их по разного рода архивам, библиотекам, руинам и усыпальницам. С другой стороны, идейные противники католической церкви (особенно из числа протестантских историков и мыслителей-рационалистов) с завидной дотошностью разоблачали реальные и мнимые злоупотребления клира и оспаривали властные притязания св. Престола, привлекая

для своих рассуждений все те же «остатки» церковного прошлого. На этой основе — в слиянии эрудитского и гиперкритического подходов — и суждено было зародиться современной нам историографии истории папства, позволяющей к настоящему моменту достаточно детально и с разных сторон рассмотреть процесс становления этого в высшей степени специфического властного института.

Сейчас мы уже знаем, что папский престол в Риме отнюдь не всегда обладал той властью и влиянием, с которыми само его название ассоциируется в контексте Высокого и позднего Средневековья (и даже отчасти Нового времени). Путь на вершину могущества — не только религиозного, но и политического и экономического — растянулся для римских епископов на несколько столетий. И наиболее сложным на этом пути, очевидно, оказалось самое его начало — этап, который некоторые современные исследователи не без оснований именуют временем «пап до папства» (подразумевая под этим последним конкретный, сложившийся набор духовных и светских властных прерогатив и полномочий). Именно этому этапу, простирающемуся ориентировочно от возникновения римской христианской общины, освященной авторитетом ап. Петра, первого среди учеников Христа, «*Камня*» в основании Церкви, до создания собственного светского государства

пап (*Патримония* св. Петра), и будет посвящена предлагаемая читателям книга. Что позволило епископам языческого Рима не только консолидировать собственную общину, но и начать оказывать влияние на жизнь других христианских общин римского государства? Как и благодаря каким внешним и внутрицерковным событиям созидалась идея верховенства римского епископа в рамках Вселенского христианства? Как к делам духовным в жизни пап на рубеже Античности и раннего Средневековья постепенно прибавились заботы сугубо мирского характера и во что вылился этот процесс? Какие препятствия возникали на пути расширения папской власти в эпоху так называемых Темных веков?

На эти и некоторые другие вопросы мы попытаемся дать ответ.

Глава I

Папы в период господства Римской Империи

§ 1. Римская церковь до провозглашения Миланского эдикта

Сложившаяся в первые века нашей эры римская община первохристиан по праву считается одной из древнейших и наиболее влиятельных христианских общин Империи. Точная дата и обстоятельства ее возникновения неизвестны. Однако, основываясь на сообщении Гая Светония Транквилла об одном из приказов императора Клавдия (41–54), изгнавшего из столицы чересчур беспокойных приверженцев некоего «Хреста», мы можем предположить, что адепты новой религии обосновываются в Риме уже в 40-е гг. I в. Это подтверждается и самими христианскими авторами, в частности ап. Павлом, который в ряде своих посланий упоминает выдворенных из Вечного города еврея-христианина Акилу и его жену Прискиллу[1].

---

[1] 1 Кор. 16, 19; 2 Тим. 4, 19; Рим. 16, 3–4.

Первоначально организация римской христианской общины мало чем отличалась от устройства других древних общин (Иерусалимской, Александрийской, Антиохийской). Как и в остальных древнейших *экклесиях* империи, основанных в I в., руководство ее, по всей видимости, базировалось на коллегиальном принципе. Духовными лидерами большинства общин выступали апостолы и их преемники — пророки, евангелисты, пастыри и учителя-харизматики — проповедовавшие христианское вероучение на основе устного предания, а позднее — на основе первых записей священных текстов. Наряду с ними в процессе постепенного расширения и усложнения социального состава первых церквей в общинах мало-помалу появлялись и специальные люди, отвечавшие за повседневную жизнь каждой экклесии, — это прежде всего старейшины-пресвитеры (от греч. πρέσβυς — старец) и епископы (от греч. ἐπίσκοπος — наблюдатель, хранитель), главные хозяйственные руководители общин, функции которых были, по-видимому, примерно одинаковы[2]. Помимо пресвитеров-епископов, рукополагавшихся апостолами или проповедниками-харизматиками, в общинах уже

[2] Слово πάππας (букв. — отец), от которого со временем и произошел титул папы, по-видимому, применялось представителями первых общин по отношению ко всем духовным руководителям, обладавшим правом благословения.

в I в. существовали и служители низшего ранга — диаконы и диаконисы (греч. διάκονος — слуга), — чьи обязанности состояли в прислуживании главе христианской экклесии во время совершения таинств и литургий. До определенного момента такая «демократическая» организация вполне удовлетворяла потребностям ранних общин и адекватно отражала характер проповеднической деятельности и положение христиан в обществе. Однако со временем распространение новой религии среди все более широких слоев римского населения и неоднозначное отношение к христианам со стороны имперских властей потребовали некоторых изменений в общинном руководстве. В первую очередь, нарождающейся церкви в этих условиях были необходимы единство и четкая функциональная дифференциация.

Уже во II — начале III в. в рамках древнего духовенства, шаг за шагом отделяющегося от основной массы верующих, начинает формироваться целый ряд так называемых низших церковных должностей (ordines minores): иподиаконов (ὑποδιάκονος), аколитов (ἀκόλυθος), экзорцистов (ἐξορκιστής), чтецов (ἀναγνώστης) и пр.[3]

---

[3] Точное время возникновения этих должностей неизвестно. Однако большинство из них упоминается в одном из сохранившихся посланий папы Корнелия. См.: *Задворный В. Л.* Сочинения римских понтификов эпохи поздней Античности и раннего Средневековья (I–IX вв.). М., 2011. С. 39.

12 Одновременно с этим определенные перемены наблюдаются и в составе ordines majores (или ordines sacri) — главного общинного руководства. Так, с конца I — начала II в. харизматические духовные лидеры христианских общин постепенно отходят на второй план или вовсе исчезают, а демократическое коллегиальное устройство первых экклесий все чаще вытесняется несмещаемым правлением выборных и рукополагаемых в сан пресвитеров-епископов[4]. Среди этих последних в продолжение II в. выделяется высшее должностное лицо — собственно *епископ*, — который, присваивая право совершения таинств (крещения, причащения, рукоположения и пр.), становится носителем высшего вероучительного и дисциплинарного авторитета в каждой общине.

Формирование такой единоличной епископской власти (нередко именуемой в исследованиях «монархическим епископатом») — уже во второй половине II в. почти повсеместно превратившее разрозненные общины империи в целую сеть централизованных епископий, — хронологически совпало с появлением в христианской литературе первых преданий, связавших возникновение древнейших экклесий с именами

[4] Рукоположение как символическая передача божественной благодати производилось в память о том посвящении, которое совершали в отношении своих преемников апостолы.

апостолов. Для римской епископии основным источником подобных сведений стало сочинение св. Иринея Лионского (ок. 130–202) «Обличение и опровержение лжеименного знания», или «Против ересей» («Adversus haereses», «Contra haereses»)[5]. Согласно сообщению Иринея (а также Тертуллиана, Дионисия Коринфского, Климента Александрийского и некоторых других христианских писателей[6]), в дальнейшем легшему в основу официального католического учения, основателем и первым руководителем (епископом) римской церкви был апостол Петр, который, прибыв в Рим из Антиохии около 40 г., будто бы организовал там первую христианскую проповедь[7].

Некоторое время спустя после мученической смерти ап. Петра (64/67 г.) епископом Римской церкви в соответствии с каталогом, приводимым

---

[5] Sancti Irenaei Episcopi Lugdunensis et martyris Detectionis et eversionis falso cognominatae agnitionis seu Contra haereses Libri quinque // PG. T. VII. Col. 453–1225; *Ириней Лионский*, *св*. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Пер. с лат., пер. с нем. СПб., 2008. С. 21–537.

[6] Список римских епископов, сходный с иринеевым, но меньший по числу имен, был составлен примерно в эти же годы (170–190-е гг.) малоазийским христианским автором Гегесиппом (Эгесиппом). Фрагменты его сочинений сохранились в составе трудов Евсевия Кесарийского.

[7] *Евсевий Памфил*. Церковная история. СПб., 2005. С. 69 (II, 14); *Ириней Лионский*, *св*. Против ересей… С. 222 (III, 2). См. также: Chronographus anni CCCLIIII // MGH. AA. T. IX. P. 73ff.

св. Иринеем, по завету апостолов был избран некий Лин — давний знакомый ап. Павла (2 Тим. 4, 21), который, если верить соответствующему жизнеописанию в «Папской книге» («Liber Pontificalis»), происходил из италийской области Тусции[8]. Преемником св. Лина (ум. 76/78 г.), взошедшим на условную римскую кафедру приблизительно в период между 76 и 78 гг., стал Анаклет (или Клет, как его называет Епифаний Кипрский). Наконец, последним руководителем Римской церкви I в., — а заодно и последним римским епископом, согласно традиции, лично знавшим апостолов, — был Климент I Римский (88/90–97/99), входящий в число так называемых апостольских мужей и благодаря своим вероучительным посланиям ставший одним из самых почитаемых древних пап[9]. В общей сложности в соответствии с официальным папским списком (основанным в том числе на данных Иринея и Гегесиппа) за период с середины I в. до кончины Мильтиада в 314 г. на римской кафедре сменилось 32 епископа. По крайней мере, трое из них (Климент I, Корнелий (251–253) и Марцелл I (308–309)) закончили свою жизнь в изгнании. Семеро — Петр, Телесфор (125–136/138), Антер (235–236), Фабиан (236–250),

[8] Liber Pontificalis / Texte, introd. et comment. par l'abbé L. Duchhesne. Paris, 1886–1892. T. I. P. 53, 121.

[9] *Ириней Лионский*, *св*. Против ересей… С. 223 (III, 3); Liber Pontificalis… T. I. P. 52, 53, 123.

Стефан I (254–257), Сикст II (257–258) и Марцеллин (296–304) — приняли мученическую смерть. А один из епископов, Понциан (или Понтиан) (230–235), будучи сослан на каторжные работы на Сардинию, отрекся от сана. Участь остальных епископов (несмотря на включение их уже с IV–V вв. в число мучеников и святых[10]), равно как и их происхождение и прочие приметы индивидуальности, остается по большей части неясной[11].

* * *

Причиной появления невероятного количества «белых пятен» в истории римских епископов домиланской эпохи оказались прежде всего *преследования*, которым христианская церковь почти

---

[10] В официальной церковной номенклатуре папских имен все папы от Петра до Феликса IV (526–530) (за исключением Либерия (352–366) и Анастасия II (496–498)) считаются святыми. Кроме этого, все папы от Петра до Мильтиада независимо от обстоятельств их смерти также провозглашены мучениками.

[11] Обращаем внимание, что датировки понтификатов домиланского периода приводятся на основании следующих изданий: Chart: Roman emperors and bishops of Rome and Alexandria // The Cambridge History of Christianity. Vol. I: Origins to Constantine / Ed. by M. M. Mitchell, F. M. Young. Cambridge, 2006. P. xxii–xxiii; Enciclopedia dei Papi. Roa, 2000. T. I; *Задворный В.* Папа римский // КЭ. Т. 3. 1248–1261.

постоянно подвергалась на протяжении первых трех веков своего существования. В основе враждебности, которую испытывали по отношению к христианам римские власти (а также до определенного момента и большая часть римского общества) лежало, в первую очередь, непонимание чисто спиритуалистического характера христианской религиозности. Христианство, в известном смысле, нарушало религиозную картину римского мира своей вненациональностью, внегосударственностью, отсутствием формализма, характерного для религиозной практики Рима, в которой обряды воспринимались как неотъемлемая часть публичной активности и государственной службы. Кроме этого, христианство попросту не пользовалось уважением со стороны языческого Рима, поскольку не было «древней» религией и в своей проповеди обращалось равным образом ко всем членам общества, независимо от их социального статуса и происхождения.

Впрочем, впервые столкнувшись с христианскими общинами на Востоке, да и в самом Вечном городе, римские государственные структуры вряд ли стали вникать в вероучительное своеобразие христианства. Первые репрессивные меры по отношению к представителям нового учения, по-видимому, были предприняты императором Клавдием, который, как уже было сказано ранее, особым указом изгнал из Рима «иудеев,

постоянно волнуемых Хрестом» («Judaeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Roma expulit»). «Гонение» это, однако, — несмотря на упоминание некоего проповедника *Хреста* — очевидно, не относилось к христианам в собственном смысле слова и отнюдь не имело целью уничтожение новой религии. Как полагает большинство исследователей, распоряжение Клавдия было направлено главным образом против евреев, чьи религиозные распри и мессианистские ожидания были непонятны и чужды римскому миру, а потому оказались нежелательными в столице империи[12].

Первым настоящим гонением на христиан в литературе принято называть репрессии, обрушившиеся на столичную общину в правление императора Нерона (54–68 гг.). Правда, согласно существующим источникам — прежде всего, сообщениям римского историка Корнелия Тацита, — причина этих первых преследований была сугубо случайной и частной.

В ночь с 18 на 19 июля 64 г. в Риме вспыхнул грандиозный пожар, в результате которого были полностью уничтожены 10 из 14 районов города. А спустя некоторое время среди пострадавшего римского населения начали распространяться

---

[12] *Светоний Транквилл*, *Гай*. Жизнь двенадцати цезарей / Изд. подг. М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман. М., 1966. С. 140 (Божественный Клавдий, 25 (4)).

18 упорные слухи о том, что город был подожжен по приказу самого императора, мечтавшего на месте сгоревших кварталов возвести новые строения по своему плану. Как пишет Тацит, пресечь эти слухи было невозможно «ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращениями за содействием к божествам». Тогда Нерон, «чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, изобличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому»[13]. Основываясь на этом сообщении римского историка, можно со всей очевидностью

[13] *Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. Том первый: Анналы. Малые произведения / Изд. подг. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. Л., 1969. С. 298 (Анналы XV, 44). Ср.: *Светоний Транквилл*, *Гай*. Жизнь двенадцати цезарей… С. 154 (Нерон, 16 (2)).

заключить, что решение Нерона обвинить в поджоге Рима именно христиан было обусловлено отнюдь не религиозными принципами императора, а в первую очередь тем, что эта малоизвестная, немногочисленная (и к тому же многими презираемая) община оказалась наиболее удобной и перспективной в качестве универсального «козла отпущения».

Сравнительно небольшие по продолжительности и ограниченные, по-видимому, одним лишь Римом, Нероновы гонения вместе с тем сыграли более чем заметную роль в жизни формирующейся христианской (и в том числе римской) церкви. Несмотря на неясность своего организационного и религиозного статуса, общины империи с этого момента оказались фактически a priori поставлены вне закона и вынуждены были почти повсеместно перейти к подпольной, тайной деятельности. Вдобавок к этому именно в ходе «следствия» и казней, запущенных с легкой руки Нерона, согласно церковному преданию, приняли свою мученическую смерть основатели Римской (и всей Западной) церкви — апостолы Петр и Павел[14]. Столичная община была обезглавлена.

---

[14] *Евсевий Памфил.* Церковная история… С. 85 (II, 25); *Сульпиций Север.* Хроника // Сульпиций Север. Сочинения / Пер. с лат., ст., коммент. А. И. Донченко. М., 1999. С. 71–72 (II, 29 (2–4)); Liber Pontificalis… T. I. P. 118; *Лактанций.* О смертях преследователей / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и пр. В. М. Тюленева. СПб., 1998. С. 53, 118–119 (II, 6).

Следующим этапом гонений стали преследования христиан и иудеев, инициированные императором Домицианом (81–96). Как и в случае с Нероном, эти непродолжительные (длившиеся чуть менее года) и сравнительно скромные в плане территориального охвата репрессии отнюдь не были проявлением систематической государственной политики в области религии. Причину их исследователи, как правило, склонны видеть в исключительной подозрительности императора, а также в его стремлении пополнить государственную казну за счет обложения иудейского населения (fiscus judaicus), к которому по привычке продолжали относить христиан[15]. При этом сложностей в жизнь адептов нового учения в это время все чаще добавляло то, что репрессивные меры властей встречали одобрение со стороны значительной части римского языческого населения (о чем можно догадаться уже на основании приведенного выше текста Тацита). Религия, не имевшая изображений божеств и апеллировавшая к бесплотным сущностям, вызывала недоумение и считалась как минимум проявлением безбожия. Эсхатологические ожидания христиан, их готовность принять смерть и даже определенная «тяга» к мученичеству, а также неучастие в публичных

---

[15] *Евсевий Памфил.* Церковная история… С. 110–112 (III, 17–20); *Сульпиций Север.* Хроника… С. 74 (II, 31 (1)).

мероприятиях и обрядах, — все это рассматривалось современниками как презрение к нормальной общественной жизни и пресловутая «ненависть к роду людскому» («odium humani generis»). А таинственные собрания (чаще проводившиеся под покровом ночи, в обстановке секретности) и смутные слухи о странных ритуалах и употреблении в пищу *Тела и Крови* и вовсе становились почвой для подозрений в причастности христиан ко всевозможным мерзостям и извращениям.

Положение христианских общин империи изменилось к еще худшему при императоре Траяне (98–117). Именно в его принципат христианство, ранее едва ли воспринимавшееся властями иначе как очередная секта в составе иудаизма (давно известной Риму, древней и «дозволенной» религии — religionis licitae), официально признается религией вредной и *недозволенной* (religio illicita), а его адепты — подлежащими наказанию как антигосударственные элементы. Поводом к формулированию такой официальной точки зрения стали знаменитые письма наместника Вифинии Гая Плиния Младшего, адресовавшего императору целый ряд вопросов, касавшихся того, как следует поступить с арестованными в его провинции христианами[16].

---

[16] Письма Плиния Младшего. Книги I–X / Изд. подг. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. М., 1982. С. 205–206 (X, 96–97).

Ответ (или Рескрипт) из Рима был краток: с одной стороны, император не видел смысла в организации специального розыска христиан, с другой — советовал строго карать их, если они, будучи арестованы по доносу, отказываются отречься от своей веры и поклониться римским богам[17]. Такая позиция Траяна, несколько непоследовательная на первый взгляд, в действительности как нельзя лучше отражала отношение римской государственной власти к религии вообще и к христианству в частности. Проблемы вероучения довольно мало волновали римских принцепсов, но *публичное неповиновение* христиан, отказывавшихся поклоняться и приносить жертвы языческим богам (в том числе гению императора) и тем самым нарушавших свой гражданский долг, должно было быть наказано.

Составленный около 112 г., Рескрипт не только спровоцировал новую волну гонений (затронувших в основном восточные провинции), но и со временем послужил основой для большинства антихристианских постановлений, принятых римскими императорами во II — начале III в. И хотя внятной юридической базы для ведения судебных процессов против христиан выработано не было, их продолжали преследовать и казнить фактически за само название их церкви. Самыми знаменитыми жертвами гонений при

[17] Там же. С. 206 (X, 97).

Траяне стали восточные епископы Симеон Иерусалимский и Игнатий Антиохийский (при этом последний, по словам христианских писателей, был отправлен для суда и казни в Рим). Позднейшее предание добавило к этим именам еще и папу Климента I, пострадавшего, правда, задолго до Рескрипта (предположительно между 99 и 101 гг.) и будто бы сосланного из Италии в далекие крымские каменоломни[18].

Преемники Траяна, принцепсы из династии Антонинов (Адриан (117–138), Антонин Пий (138–161), Марк Аврелий (161–180), Коммод (180–192)), в целом следовали его религиозной политике. Однако преследование христиан в их правление так и не обрело законченной юридической формы и по-прежнему оставалось в сфере частной инициативы местных властей, от произвола которых зависели не только масштабы и интенсивность провинциальных гонений (для их начала порой достаточно было даже доноса рабов), но и способы наказания уличенных и упорствующих в своей вере «преступников». Как следствие, мучениками эпохи Антонинов стали, в первую очередь, представители провинциальных христианских сообществ. Среди них следует отметить

---

[18] См.: *Евсевий Памфил*. Церковная история… С. 128 (III, 34), 129 (III, 36). Ср.: *Григорий Турский*. История франков / Пер. с лат. В. Д. Савуковой. М., 2023. С. 25 (I, 27); *Иаков Ворагинский*. Золотая легенда / Пер. с лат. М., 2017–2018. Т. II. С. 520–521.

епископа Поликарпа Смирнского (последнего из мужей апостольских), Иустина Философа, лионского епископа Пофина и др. Из числа римских епископов в этот период пострадал один Телесфор, погибший, согласно Иринею, в правление императора Адриана[19].

Разумеется, в череде гонений случались и периоды некоторого затишья. Так, конец II и первая половина III в. прошли для христианских общин империи в обстановке относительного мира и спокойствия — исключением стали лишь годы правления Септимия Севера (193–211), официально запретившего язычникам переходить в иудейскую или христианскую веру (202 г.), и Максимина Фракийца (235–238), жертвами которого в Риме оказались сразу два епископа: сосланный Понциан и казненный Антер[20]. Впрочем, впереди христиан ожидали новые репрессии — гораздо более жестокие, чем ранее. Апогеем языческих гонений, имевших место в III столетии, принято считать преследования, организованные императорами Траяном Децием (249–251) и Валерианом (253–260). При них репрессивные меры в отношении христианских церквей и общин

---

[19] *Ириней Лионский, св.* Против ересей… С. 223 (III, 3). См. также: *Евсевий Памфил.* Церковная история… С. 150–151 (IV, 10); Liber Pontificalis… T. I. P. 3, 56–57, 129.

[20] *Евсевий Памфил.* Церковная история… С. 237 (VI, 1), 265 (VI, 28); Liber Pontificalis… T. I. P. 4–5, 62–64, 65, 145–147; Chronographus anni CCCLIIII… P. 74–75.

окончательно переходят на новый качественный уровень — впервые инициатива их проведения исходит от императора как от представителя высшей политической власти, а в качестве обоснования выдвигается *опасность* христианства как такового для римского государства.

Началом активных массовых преследований против адептов христианского учения послужил принятый в конце 249 или начале 250 г. эдикт Траяна Деция, предписывавший всем гражданам империи в присутствии свидетелей принять участие в обязательных жертвоприношениях римским богам. Всякий, кто не мог предоставить специальной справки о совершении соответствующих обрядов (libellus), автоматически подвергался аресту и пыткам[21]. Преемник Деция, Требониан Галл (251–253), также не особо жаловал «сектантов» — хотя и с менее травматичными для них последствиями. Но подлинным продолжением антихристианской политики стали эдикты следующего императора — Валериана, — первый из которых под угрозой ссылки и каторги запрещал христианам собираться для богослужений и посещать кладбища (июль 257 г.), а второй однозначно предписывал казнить представителей христианского

[21] *Евсевий Памфил.* Церковная история… С. 271–272, 274–278 (VI, 39, 41, 42); *Лактанций.* О смертях преследователей… С. 55, 127 (IV, 1–2).

духовенства, отказывающихся отречься от своей веры и сотрудничать с властями (август 258 г.)[22].

Несколько ослабевшие лишь при Галлиене (260–268), гонения середины — второй половины III в. больно ударили по всем христианским церквям Империи и особенно по церкви римской, ставшей к тому времени уже достаточно крупным и влиятельным центром христианства. Именно в эти годы погибли трое из упомянутых ранее римских епископов-мучеников — Фабиан, Стефан I и Сикст II; изгнаны из Рима были друг за другом папы Корнелий и Луций I (253–254)[23]. Напряженная обстановка, сложившаяся вокруг христианской церкви в годы этих преследований, вдобавок также стала причиной первого в истории римской кафедры продолжительного периода седисваканции, наступившего после гибели папы Фабиана (с января 250 по март 251 г.)[24]. Следующее, почти годичное, «пустование» римского престола произошло уже через 7 лет,

---

[22] *Евсевий Памфил.* Церковная история… С. 297–304 (VII, 10–12); *Лактанций.* О смертях преследователей… С. 55, 128–129 (V, 1).

[23] Liber Pontificalis… T. I. P. 4–7, 64–69, 148–155; Chronographus anni CCCLIIII… P. 75. Ср.: *Иаков Ворагинский.* Золотая легенда… Т. I. С. 159, 381; Т. II. С. 137, 162–163, 293–294.

[24] К выборам нового епископа (которым стал упомянутый выше св. Корнелий) римская община смогла приступить лишь тогда, когда императора-гонителя Деция уже не было в живых.

когда в результате гонений Валериана был убит не только папа Сикст II, но и все семь его диаконов (6–10 августа 258 г.)[25].

* * *

Притеснения со стороны государственной власти (во многом обеспечившие первым христианам внимание и жалость, а позднее и некоторую симпатию со стороны римского общества) были далеко не единственной сложностью, с которой молодая церковь встретилась в рассматриваемый нами домиланский период. Одновременно с гонениями христианским общинам II–III вв. (и в том числе общине римской) предстояло столкнуться еще и с различными *догматическими и организационными спорами*, которые все чаще вспыхивали между представителями разных церквей по мере того, как эпоха апостолов уходила в прошлое. Причиной возникновения большинства подобных проблем была прежде всего крайняя неоднозначность первоисточников и идей самой христианской религии. В этом смысле христианство изначально несло в себе целый ряд особенностей, которые нельзя было не заметить уже на примере первых его адептов. Отсутствие каких-либо доказательств основного

[25] Liber Pontificalis… T. I. P. 155.

религиозного постулата (о божественном рождении и воскресении Иисуса Христа), отсутствие прямых литературных источников, исходящих от основателя религии, парадоксальность ее главных тезисов, не поддающихся рациональному толкованию (а зачастую и пониманию со стороны верующих), — все это (и многое другое) уже с первых десятилетий существования христианства неизбежно приводило к различного рода конфликтам и разногласиям в объяснении его положений, а значит, и к выделению наряду с условной ортодоксальной (или иначе — протоортодоксальной) доктриной и первых *гетеродоксальных учений* (т. е. ересей, от греч. αἵρεσις — выбор, избранный образ мыслей). Именно этой полемике II–III вв., призванной кристаллизовать и укрепить вероучительную ортодоксию, и суждено было стать пробным камнем для усиливающегося авторитета римского епископа.

Первым папой, начавшим высказываться по вопросам веры и общинного устройства и вмешиваться в дела других церквей, был Климент I Римский. И хотя его послание к расколовшейся коринфской церкви (так называемое «Первое послание Климента Римского к коринфянам»)[26]

---

[26] S. Clementis episcopi Romani epistola ad Corinthios I // PG. T. I. Col. 199–248; Послание св. Климента к коринфянам // Задворный В. Л. История римских пап. Т. I: От св. Петра до св. Симплиция. М., 1995. С. 20–71. См. также: *Ириней Лионский, св.* Против ересей… С. 223 (III, 3).

носило в большей степени «учительный», нежели полемический характер, именно этот эпизод, по-видимому, положил начало постепенному расширению религиозного и политического влияния столичных первосвященников. В продолжение II–III вв. преемники Климента активно включились в полемику как по дисциплинарным и каноническим вопросам (как, например, Виктор I (189–197/199), отлучивший от церкви малоазийских епископов, неправильно, по его мнению, отмечавших Пасху[27]), так и по основным догматическим проблемам, волновавшим христиан, — и первенствующее положение среди них занимали тринитарные и христологические вопросы, от решения которых зависело построение всего христианского понимания мира и всей церковной доктрины.

Одним из основных идейных соперников еще не вполне сформированной христианской ортодоксии в начавшихся спорах был

---

[27] Этот спор о Пасхе — отмечаемой 14 нисана (на Востоке) или в первое воскресенье после него (на Западе) — восточные епископы частным порядком пытались утрясти начиная со времен папы Аникета и Поликарпа Смирнского (специально прибывшего в Рим для консультаций). Папа Виктор, однако, проявил резкость и настойчивость и требовал от епископов Азии отказаться от их обычаев, слишком напоминающих об иудейском Песахе. Лишь вмешательство Иринея Лионского побудило папу отказаться от отлучения его малоазийских «коллег» и не жертвовать церковным единством из-за формальностей.

гностицизм (от греч. γνῶσις — знание) — специфическое и чрезвычайно многообразное религиозно-философское течение, развивавшееся во многом параллельно с христианством и, по сути, представлявшее собой синтез отдельных элементов христианского учения с наследием восточных религий (иудаизма, зороастризма и пр.) и античной философии. Общей особенностью многочисленных гностических «школ» можно назвать дуализм в восприятии и объяснении мира и действующих в нем сил (включая бога/богов, добро и зло, материю и дух), а также абсолютизацию идеи мистического знания (собственно, «гносиса») как необходимого условия для спасения от зла, воплощенного во всей и всяческой материи. Изначально центрами распространения гностического учения были восточные провинции империи — Сирия, Палестина, Египет, а также некоторые районы Малой Азии. Однако к середине II в. представители отдельных гностических систем, стремясь расширить число своих приверженцев, начинают все чаще обращать свои взоры на Рим — что вполне недвусмысленно свидетельствует о том, насколько большого влияния к этому времени достигла его община.

Среди первых ересиархов гностического (и окологностического) толка, организовавших проповедь своего учения в Риме, следует упомянуть прежде всего известного восточного

проповедника II в. Маркиона из Синопы, примкнувшего к римской общине около 139 г. (в епископство св. Гигина (136/138–140/142)), а затем, после изгнания из нее в 144 г., основавшего собственную, альтернативную церковь[28]. Не менее успешна поначалу, очевидно, была и проповедь так называемых александрийских гностиков — в первую очередь, Валентина из Александрии, который жил и «учил» в Риме начиная с 140 г. и даже, по некоторым сведениям, неоднократно претендовал на епископскую кафедру[29]. Вдобавок к маркионитам и валентинианам, долгое время считавшимся наиболее опасными противниками ортодоксии, свою проповедь в столице империи во II–III вв. осуществляло и множество других гностических групп: докеты, барбелиоты, карпократы (или карпократиане), а также ряд антиномистских сект (офиты, адамиты и пр.)[30]. Борьба с этими многочисленными гетеродоксальными течениями, ведшаяся как силами самой римской церкви начиная с епископа Аникета (153/157–165/168), так и с помощью некоторых восточных общин, была длительной и трудной, и стала причиной появления массы полемических сочинений (в том числе и упомянутого ранее трактата «Против ересей»).

---

[28] *Ириней Лионский, св.* Против ересей… С. 100–102 (I, 27).

[29] Там же. С. 24–49 (I, 1–8).

[30] Там же. С. 24–114 (I, passim).

32 Помимо гностиков в эти же годы римским епископам суждено было столкнуться и с целым рядом еретических учений, выросших непосредственно в недрах самого христианства и развивавшихся как раз в силу тех самых разночтений, которые неизбежно возникали в процессе фиксации тестов Св. Писания. Наибольшую опасность среди таких течений для церкви таил в себе монтанизм (по имени ересиарха Монтана из Фригии), проповедовавший возврат к аскетическим идеалам и харизматическому устройству первоначального христианства и во многом ставший реакцией не столько на догматические, сколько на организационные (и в том числе социальные) перемены в церкви[31]. Кроме того, существенную проблему представляло и зародившееся в середине II в. антитринитарное учение монархиан, которое в 190-е гг. было осуждено епископом Виктором I, однако не утратило популярности и со временем, в развитие основных своих направлений (динамизм и модализм), дало начало целому ряду новых ересей[32].

Еще большего внимания со стороны церковного руководства, более последовательных

---

[31] В полемических сочинениях приверженцев этой ереси также именуют квинтиллианами, пепузианами, катафригийцами и пр.

[32] См., напр.: *Евсевий Памфил.* Церковная история… С. 229–232 (V, 28).

и ясных решений требовал неизбывно актуальный (особенно для II–III вв.) вопрос об отношении к еретикам и отступникам (или «падшим» — lapsi), появление которых было неразрывно связано с императорскими гонениями. Наиболее острые разногласия среди римского духовенства, в частности, вызвала возможность повторного крещении «отпавших» и их возвращения в лоно ортодоксальной церкви. Полемика по этому вопросу (ставшему вообще основным содержанием внутрицерковных споров всей эпохи поздней Античности) уже в первые десятилетия III в. фактически расколола римское церковное руководство и привела к выделению в нем двух основных партий — «либералов» (выступавших за прощение еретиков и отступников) и «ригористов» (сторонников строгого и бескомпромиссного, «чистого» христианства). Противоборство этих двух группировок (хронологически совпавшее не только с самыми ожесточенными гонениями, но и с расцветом наиболее опасных ересей) заметно осложнило и без того трудную жизнь столичной общины, послужив причиной сразу двух схизматических (т. е. недогматических) расколов римской церкви. Первый из них начался около 217 г., когда ригористически настроенные слои духовенства и верующих в качестве альтернативы епископу Каликсту I (217/218–222) избрали своим лидером известного церковного писателя, блюстителя традиционных христианских

обычаев Ипполита Римского[33]. Вторая схизма (а следовательно, и второй случай «альтернативного епископства») имела место уже в начале 50-х гг. III в., когда в ходе очередных выборов наряду с официальным папой Корнелием меньшинством общины был выдвинут пресвитер Новациан (ум. 258)[34].

Схизма Ипполита, считающегося первым в истории антипапой, продолжалась около восемнадцати лет (то есть в продолжение трех (!) последовательных понтификатов) — вплоть до конца епископства св. Понциана, вместе с которым «альтернативный папа» был сослан на Сардинию, где и умер почти одновременно со своим соперником (осенью 235 г. или в начале 236 г.). Перед смертью Ипполит призвал своих приверженцев прекратить разногласия и признать избранного на место Понциана нового епископа Антера. Таким образом, говоря словами американского историка Ф. Шаффа, он «искупил раскол мученичеством» и впоследствии даже был канонизирован. По-иному сложилась судьба шедшего по его стопам Новациана — несмотря на аналогичную мученическую кончину (в гонение Валериана) его имя практически сразу же

---

[33] *Евсевий Памфил*. Церковная история… С. 259, 260 (VI, 20, 22).

[34] Там же. С. 279–283 (VI, 43); *Сократ Схоластик*. Церковная история / Сост. и коммент. И. В. Кривушина; отв. ред. М. А. Тимофеев. М., 1996. С. 196–197 (IV, 28).

стало ассоциироваться исключительно с гетеродоксией, а именно с ригористической сектой так называемых новатиан, распространившихся в период поздней Античности (и просуществовавших до VII в.) в Северной Африке, Сирии, Малой Азии.

* * *

Впрочем, все эти расколы и многочисленные споры, кипевшие в одной из древнейших имперских экклесий, отнюдь не означали снижения ее политического и религиозного значения. Напротив, влияние римского епископства — обусловленное как его апостольским происхождением, так и его центральным, столичным положением и его многочисленностью, — неуклонно возрастало. К середине III в. активное участие в разнообразных епископских съездах, соборах и диспутах по важнейшим вероучительным и организационным вопросам (таковы, например, соборы, на которых развивался упомянутый выше «пасхальный спор») фактически сделало преемника св. Петра одной из ключевых фигур во всей христианской церкви Империи. Рост влияния римского епископа в этот период проявился и в изменении руководящего статуса самой столичной епархии, которая начиная с 40–50-х гг. III в. постепенно подчинила себе

почти все епископии Апеннинского полуострова и прилежащих островов, образовав так называемый синодальный союз под контролем главной — римской — церкви (ecclesia principalis). Вслед за этим, к концу III в. влияние римской кафедры шаг за шагом распространилось почти на всю Северную Африку, Галлию и римскую Испанию — случаи обращения в Рим по спорным организационным и дисциплинарным вопросам из этих регионов зафиксированы, к примеру, в епископство св. Корнелия и св. Стефана I[35]. Внутренняя структура и управление столичной церкви также претерпели изменения. Начиная с епископства св. Фабиана римская община, по данным «Liber Pontificalis», была разделена на 7 районов (или приходов), объединивших к середине III в. в общей сложности около 30 000 верующих[36]. Управление этими административными единицами было четко структурировано. Согласно сообщению папы Корнелия (содержащемуся в одном из его посланий), римский городской клир этого периода состоял из нескольких иерархических ступеней и насчитывал «46 священников (пресвитеров. — *И. П.*), 7 диаконов, 7 иподиаконов, 42 аколуфа (аколита. — *И. П.*), 52 человека

---

[35] См., напр.: *Задворный В. Л.* История римских пап. Т. I. С. 100–103, 105–106.

[36] Liber Pontificalis… T. I. P. 4, 64, 65, 148. По другим оценкам численность христиан в Риме в середине — второй половине III в. составляла не менее 50 000 человек.

заклинателей и чтецов и привратников»[37] — то есть экзорцистов, анагностов, остиариев, ризничих и прочих помощников разного ранга, строго подчинявшихся епископу, главе столичной церкви. А в первое десятилетие IV в., при Марцелле I, церковное управление Рима получило еще бóльшую детализацию — согласно «Liber Pontificalis» община оказалась поделена на 25 округов (именуемых tituli) во главе с пресвитерами, ответственными за катехизацию новых верных[38].

Вдобавок ко всему в продолжение II–III вв. римская община — по мере расширения и усложнения своей социальной базы — сумела, по некоторым данным, сосредоточить в своих руках и довольно значительное имущество, переходившее к ней по завещаниям и в качестве добровольных даров и пожертвований со стороны верующих. Существующие источники позволяют говорить о том, что наряду с катакомбами и кладбищами (закрепленными за церковью как за collegia funeraticia — «кладбищенской» или «погребальной» коллегией) столичные христиане этого времени располагали собственной городской недвижимостью и, в частности, даже особыми молельными домами — одним из подобных домов, к примеру, могло служить сооружение, остатки которого были обнаружены археологами

---

[37] *Евсевий Памфил.* Церковная история… С. 281 (VI, 43).
[38] Liber Pontificalis… T. I. P. 74, 75.

в подземелье церкви Сан-Кризогоно в Трастевере. Кроме того, денежные средства, накапливаемые в «общей кассе» — т. н. arca, традиционной для римских коллегий, — уже в этот период позволяли церкви содержать за свой счет значительное число (до 1500) неимущих членов общины, а также заниматься обустройством и реставрацией отдельных кладбищ (как это делал Каликст I[39]).

Таким образом, к концу домиланского периода римская церковь превратилась в относительно прочную, влиятельную и, несмотря на терзавшие ее временами споры и разногласия, довольно-таки сплоченную и обеспеченную организацию. Именно в таком виде ей предстояло встретить последнюю в ее истории полосу языческих гонений — «Великое гонение», инициированное в конце 90-х гг. III в. основателем домината императором Диоклетианом (284–305).

Причиной массовых репрессий, организованных при Диоклетиане, был уже не столько отказ христиан от участия в языческих обрядах и соблюдения культа императора (что по-прежнему трактовалось как государственное

---

[39] Именно в честь папы Каликста были названы знаменитые катакомбы на Аппиевой дороге, ставшие местом захоронения как минимум девяти домиланских пап — их обустройством будущий римский епископ занимался в годы своей диаконии по поручению своего предшественника, Зеферина (198/199–217/218). См.: Ibidem… T. I. P. 141.

преступление), сколько сам церковный организм, в котором основатель домината, по-видимому, усмотрел организацию, параллельную государственной, а следовательно, мешающую укреплению государственного единства. Борьба нового императора с христианами началась с эдикта об изгнании их из армии, принятого в 299 г. За ним в период с февраля 303 по февраль 304 г. последовали еще четыре эдикта, всячески запрещавших отправление христианского культа и угрожавших арестом, пытками и казнями всем жителям империи, исповедующим христианство и отказывающимся от участия в языческих обрядах. Особенно яростным нападкам со стороны Диоклетиана подверглось христианское духовенство, члены которого в соответствии с императорскими постановлениями должны были быть лишены имущества и гражданских прав и незамедлительно арестованы[40].

Начавшиеся одновременно с принятием эдиктов гонения (302–305 гг.), в отличие от предшествующих императорских репрессий, затронули почти все провинции и диоцезы как западной, так и восточной частей империи. Наибольшие масштабы преследования христиан приобрели в Италии и Северной Африке, подконтрольных

---

[40] См.: *Евсевий Памфил*. Церковная история… С. 341–344 (VIII, 2–4); *Лактанций*. О смертях преследователей… С. 57–67, 132–165 (VII–XVI).

соправителю Диоклетиана Максимиану Геркулию (285–305), а также в восточных областях государства, где особым рвением в исполнении императорских приказов отметился еще один тетрарх — цезарь Галерий. Значительные имущественные и человеческие потери в это время, судя по сообщениям церковных историков, потерпела в том числе и община города Рима — главу которой, епископа Марцеллина, по словам Евсевия Кесарийского, также «настигло гонение»[41].

Враждебные римским епископам источники IV в. неоднократно обвиняли Марцеллина в том, что он, испугавшись репрессий, выдал властям богослужебные книги и совершил жертвоприношение языческим богам. Однако это обвинение (высказывавшееся в основном еретиками-монтанистами и донатистами, о которых речь пойдет впереди) вряд ли способно было пошатнуть репутацию епископа. Жизнеописание, помещенное в «Liber Pontificalis», рассказывает, что Марцеллин «по прошествии нескольких дней [после вынужденного языческого жертвоприношения. — *И. П.*], раскаявшись, вместе с Клавдием, Квирином и Антонием за веру Христову был обезглавлен и увенчался мученическим венцом»[42].

---

[41] *Евсевий Памфил.* Церковная история… С. 328 (VII, 32).

[42] Liber Pontificalis… T. I. P. 72, 73, 162; *Иаков Ворагинский.* Золотая легенда… T. I. С. 358–359.

Кровавые преследования Диоклетиана, а затем его отречение в 305 г. и развернувшаяся борьба за власть в Империи, трагическая смерть папы Марцеллина и продолжительное (примерно четырехлетнее) пустование кафедры св. Петра — все это в значительной мере дезорганизовало жизнь столичной общины. Возможность приступить к выборам нового епископа (уже упомянутого Марцелла I) появилась лишь с началом кризиса тетрархии, когда правителем Италии стал безразличный к религиозным проблемам узурпатор Максенций (306–312). Впрочем, и от него римской церкви не суждено было получить никакой особой милости — и Марцелл уже вскоре после своего избрания пополнил ряды пап-мучеников.

§ 2. Церковь и папство в последние века Античности

Преемники Диоклетиана, принявшие тетрархию после его отречения от престола в 305 г. (Констанций Хлор, Галерий (поначалу активно участвовавший в гонениях), Лициний и Константин), оказались гораздо дальновиднее, чем он. Осознав, что гонения против новой религии приводят к противоположному результату (и число адептов Христа неуклонно растет), они достаточно быстро убедились в тщетности

и бесперспективности всех попыток сломить и искоренить христианскую общину империи. К тому же последняя могла быть намного полезнее, находясь в союзе с властью, а не в оппозиции к ней.

30 апреля 311 г. в Никомедии престарелый правитель восточной части империи Галерий (293/305–311) от своего имени и от имени двух своих соправителей подписал распоряжение, в соответствии с которым отменил все предшествующие антихристианские постановления и фактически легализовал христианскую церковь, позволив христианам «оставаться христианами» и даже строить дома для своих собраний, «не нарушая только общественного порядка»[43]. А спустя некоторое время, в феврале (или марте) 313 г., победившие в гражданской войне императоры-соправители Лициний (308–324) и Константин (306–337) продолжили его начинание, опубликовав знаменитый Миланский (или Медиоланский) эдикт о веротерпимости. Согласно этому документу христианская религия получала полную свободу (liberam absolutamque facultatem) в отправлении своего культа и объявлялась равноправной со всеми другими религиями,

[43] Текст этого распоряжения (иногда именуемого в литературе «эдиктом Галерия») цитируется Евсевием Кесарийским. См.: *Евсевий Памфил.* Церковная история… С. 364–365 (VIII, 17). См. также: *Лактанций.* О смертях преследователей… С. 87–88, 211–213 (XXXIV).

существовавшими на территории Империи; имущество христиан и отдельных церковных общин, конфискованное у них в ходе последних гонений, должно было быть возвращено (или компенсировано) в полном объеме[44]. Принятие такого постановления стало, без сомнения, поворотным моментом в истории всей христианской церкви, которая отныне из преследуемой секты превратилась в свободную, уважаемую и в целом достаточно могущественную общеимперскую организацию, уже в скором времени сравнявшуюся по значимости со всем руководящим аппаратом римского государства.

Последующие меры, предпринятые Лицинием и Константином в развитие Миланского эдикта, шаг за шагом расширяли привилегии церкви. В октябре 313 г. христианское духовенство («те, кого называют клириками») было официально освобождено от всех личных повинностей в пользу государства. Вскоре от контроля имперского фиска (а значит, от уплаты государственных налогов) была освобождена и практически

---

[44] Важно подчеркнуть, что Миланский эдикт не объявлял христианство государственной религией, а лишь провозгласил его равноправие со всеми другими религиями, существовавшими на землях Империи. Населению при этом была дана полная *свобода* в выборе веры. Чуть ранее, в 312 г., соправителями, по-видимому, уже был издан указ на сходную тему. См.: *Евсевий Памфил*. Церковная история… С. 414–416 (X, 5).

вся накопленная к тому времени церковная недвижимость. А спустя несколько лет (321 г.) христианская церковь, официально обретшая статус юридического лица, получила возможность на законных основаниях наследовать завещанное ей имущество, покупать и освобождать рабов и т. д. Кроме того, особым императорским постановлением священнослужителям было назначено государственное жалованье. А начиная с 333 г. епископы (в соответствии с очередным эдиктом Константина) приобрели и собственные судебные полномочия, получив право рассматривать (наряду с вопросами вероучения и церковной дисциплины) некоторые гражданские дела.

Христианская церковь, как мы знаем, откликнулась на эти дружественные шаги со стороны государственной власти довольно быстро — уже в 314 г. священнослужители, съехавшиеся на I Арелатский собор, постановили отлучать от церковного общения уклоняющихся от военной службы и дезертиров, а также заявили об обязательности епископского благословения для тех представителей христианских общин, которые намеревались поступить на государственную службу[45]. А в 317 и 323 гг. в Риме предположительно появились и первые

[45] Concilium Arelatense I // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. II. Col. 471–472.

христиане-консулы (Овиний Галликан и Ацилий Север соответственно)[46].

Особое внимание император Константин (в 324 г. ставший единоличным правителем империи) уделял епископальной организации церкви, в которой не без основания видел одну из главных потенциальных опор своей власти. И хотя никто из руководителей имперских церквей не пользовался его особым личным расположением, он неизменно содействовал расширению власти и богатства епископата. Это, разумеется, относилось и к епископам города Рима — который хоть и потерял статус политической столицы Империи (а с 330 г. утратил и надежду на его возвращение), но сохранил значение старейшего и влиятельного религиозного центра. В 10–20-х гг. IV в. по приказу Константина в Риме было инициировано строительство сразу трех крупных церквей (в дальнейшем вошедших в число так называемых «великих базилик» — basilicae majores). Среди них церковь св. Спасителя на Латеранском холме (начата к конце 312 или начале 313 г. на месте снесенных казарм императорской конной гвардии)[47], церковь св. Петра

---

[46] Chronographus anni CCCLIIII… P. 60; Consularia Italica // MGH. AA. T. IX. P. 291, 292.

[47] Liber Pontificalis… T. I. P. 76, 78–80; *Joannes Diaconus*. Liber de Ecclesia Lateranense // PL. T. CXCIV. Col. 1543–1560. Позднее «Константинова базилика» была освящена как собор св. Иоанна на Латеранском холме.

на Ватиканском холме (начата ок. 319 г. по соседству с древним цирком Нерона), а также церковь св. Павла на Остийской дороге. Возведенные в рекордно короткие сроки, эти новые церкви отличались грандиозными масштабами и особой помпезностью и роскошью и наглядно свидетельствовали о том, что император, даже не вдаваясь в детали новой веры, всерьез нацелился на полноценное включение христиан в общественно-политическую жизнь Империи. Показательна в этом смысле сама форма церковных сооружений — *базилика*, — традиционно использовавшаяся имперскими зодчими для возведения административных и общественных зданий.

Помимо новых мест для отправления культа римской церкви — а точнее, папе Мильтиаду (311–314) — был подарен в качестве резиденции и находящийся по соседству с базиликой св. Спасителя дворец, относившийся к древнему имению римского плебейского рода Плавтиев Латеранов[48]. Вдобавок к этому некоторые из наиболее древних и значимых римских молельных домов и церквей получили от императора довольно щедрые земельные и денежные пожалования.

---

[48] Liber Pontificalis… T. I. P. 76, 78–80, 172–183. Латеранский дворец считался основной резиденцией римских епископов вплоть до начала Авиньонского пленения (1309 г.).

Впрочем, все эти подарки отнюдь не означали, что Константин (по крайней мере, до конца 320-х — начала 330-х гг.) намеренно выделял христианство среди других религий, практиковавшихся где бы то ни было в Империи. Будучи человеком весьма суеверным (и к тому же убедившись в действенности христианских ритуалов и символов накануне битвы с Максенцием 312 г.), он, скорее всего, стремился лишь к построению в своем государстве условий, необходимых для одинаково эффективной деятельности всех культов и всех возможных «высших сил», способных помочь ему как правителю.

* * *

Провозгласив себя защитником и покровителем христианской религии, римский император начала IV в. не мог не столкнуться с целым рядом проблем, касавшихся проповедуемого ею вероучения — единство и неприкосновенность которого с легализацией церкви автоматически стали вопросом государственной важности.

Основными врагами христианской церкви в IV в., как и прежде, были ереси. Однако состав их в сравнении с предшествующим периодом заметно обновился — на смену прежним проявлениям гетеродоксальной мысли (монархианам, монтанистам и разного рода гностикам) пришел

целый ряд новых учений. На западе Империи наибольшую опасность для единства церкви представляли так называемые донатисты — представители строгого ригористического течения монтанистского толка, получившие свое наименование в честь основателя секты, епископа Доната Карфагенского (ок. 270 — ок. 355). В основе донатистской доктрины (находившейся под сильным влиянием идей Новациана и Тертуллиана) лежало безоговорочное неприятие каких-либо отступлений от христианской морали и церковной дисциплины — которые, в частности, могли проявляться в рукоположении священников и епископов, обвиненных в предательстве церкви во время гонений. Возникшее в Карфагенской епископии как частная полемика по поводу поставления в сан епископа Цецилиана (311 г.)[49], движение донатистов сравнительно быстро охватило почти всю Северную Африку, а затем проникло и в некоторые районы Испании и Южной Галлии. К моменту единоличного воцарения Константина оно — несмотря на сопротивление ортодоксальных слоев клира — продолжало активно распространяться по территории Империи, маскируя под собой не только идейные и социальные противоречия внутри христианских

[49] S. Optati Milevitani libri VII / Ed. C. Ziwsa. Pragae; Vindobonae; Lipsiae, 1893. P. 19–21 (I, 18–19).

общин, но и локальный сепаратизм отдельных провинций.

Основные идеи, декларируемые донатистами, состояли в следующем: а) истинной может быть только та церковь, которая не допускает в свои ряды явных грешников; б) действенность совершаемых в церкви таинств обеспечивается святостью (или, по крайней мере, отсутствием тяжких грехов) священника; в) вне истинной Церкви (каковой донатисты считали собственную секту) не может быть действенных таинств. Базируясь на этих идеях, донатисты сформулировали и основополагающий принцип своего учения: таинства, совершенные впавшим в публичный грех или отлученным от церкви священником недействительны. Жертвой именно этого принципа и стал Цецилиан, чье рукоположение было произведено епископом, будто бы отступившимся от Церкви во время гонения Диоклетиана. Недовольные результатами епископских выборов, донатисты объявили Цецилиана низложенным и выдвинули собственного епископа, Майорина, что привело Карфагенскую епархию к многолетнему расколу и кризису.

Почти одновременно с донатизмом в *восточных* областях Империи возникло другое оппозиционное движение — арианство, которое вскоре стало одной из самых знаменитых антитринитарных ересей эпохи раннего христианства. Основателем арианского учения был александрийский

пресвитер Арий (ок. 260–336), главная доктринальная идея которого заключалась в отрицании единосущности Сына Божьего Богу Отцу. Исходя из единства и трансцендентности Бога Отца, Арий также заявлял об изначальном неравенстве лиц Божественной Троицы и ее субординационистской структуре (предусматривавшей соединение трех не равных и не подобных друг другу существ). Декларирование таких идей делало христианское учение гораздо более понятным для верующих и к тому же во многом возрождало уже знакомые положения древних монархианских ересей — прежде всего, динамизма, представлявшего собой одну из самых успешных попыток компромисса между христианством и античной философией. Как и донатизм, арианство в короткий срок привлекло к себе довольно большое число сторонников, что уже к концу 10 — началу 20-х гг. IV в. позволило еретикам de facto основать собственную церковь и почти повсеместно приступить к вытеснению из восточных епархий ортодоксально мыслящих епископов и священников.

Такая плачевная ситуация, сложившаяся вокруг только что легализованного учения, естественно, не могла не озаботить императора. Первым делом Константин (в то время управлявший только западной частью Империи) обратился к подавлению донатизма. Для этого в Риме в октябре 313 г. был организован епископский

съезд (или собор) под председательством папы Мильтиада, который при поддержке 3 галльских и 15 италийских епископов осудил донатистское учение, а самого Доната (к тому времени уже узурпировавшего Карфагенскую кафедру) отлучил от церкви. Новый собор, состоявшийся в Арле в августе 314 г. (уже при папе Сильвестре I (314–335)), повторил этот приговор и фактически дал отмашку преследованиям еретиков[50]. Несколько десятилетий приверженцы донатистского учения яростно сопротивлялись, рассылая своих агентов по провинциям Империи и открыто оспаривая авторитет «апостольских церквей» — и в том числе римской, в которой, по их мнению, обреталось немало «отступников»[51]. Впрочем, несмотря на подобные всплески активности (в 330-е, 360-е и 380-е гг.) донатизму как организованной церковной оппозиции суждено было остаться по большей части североафриканской проблемой.

Сложнее обстояло дело с устранением арианского раскола. Уже к 20-м гг. IV столетия масштабы распространения арианской ереси (с которой Константин впервые столкнулся после захвата владений Лициния) оказались настолько

---

[50] См.: Concilium Romanum sub Melchiade // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. II. Col. 433–442; Concilium Arelatense I… Col. 463–512 (особ. Col. 471–474); S. Optati Milevitani libri VII… P. 26 (I, 23); *Евсевий Памфил.* Церковная история… С. 417–418 (X, 5).

[51] См.: S. Optati Milevitani libri VII… P. 37–39 (II, 4).

52 значительными, что для ее искоренения императору понадобилось предпринять гораздо более серьезные меры, нежели простой поместный епископский съезд. В 325 г., задавшись целью восстановить единство церкви, Константин по совету харизматичного и уважаемого в церковных кругах епископа Осия (или Осии) Кордубского[52] объявил о созыве первого в истории христианства *Вселенского* церковного собора, призванного объединить *всех* без исключения епископов Империи. Собор состоялся в том же году в малоазийском городе Никее (I Никейский собор). Руководимые самим императором[53], его делегаты (насчитывавшие, по разным данным, от 230 до 318 человек[54]) сравнительно быстро разобрались с осуждением Ария и его приверженцев (представленных на соборе епископом Евсевием Никомедийским). Сам ересиарх, епископ Евсевий, а также наиболее влиятельные их сторонники (Феона Мармарикийский и Секунд Птолемаидский) были низложены, отлучены

---

[52] Именно Осий Кордубский первоначально был направлен Константином в Александрию для прояснения «дела Ария», но его миссия не увенчалась успехом.

[53] Примечательно, что даже в этот период Константин по-прежнему оставался язычником и продолжал поклоняться Непобедимому Солнцу, Аполлону и др. римским божествам.

[54] Ср.: Sanctum Concilium Nicaenum primum generale // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. II. Col. 692–696; *Сульпиций Север*. Хроника… С. 76 (II, 35 (4)).

от церкви и приговорены к ссылке. Для закрепления достигнутого результата соборные отцы в довершение разработали так называемый «Никейский символ веры» — ставший первой официальной формулировкой всех основополагающих догматов ортодоксального христианства[55].

Помимо догматики Никейский собор «приложил руку» и к решению ряда дисциплинарных вопросов[56]. Так, одним из первых соборных правил (канонов) стало постановление, упорядочившее местную церковную организацию в соответствии с существующим административным делением Империи. Основной структурной единицей имперской церкви становились епископства, образованные в столицах провинций — митрополиях. Возглавлявшие их епископы митрополий — митрополиты — должны были объединить под своим руководством всех епископов, несших службу в соответствующих провинциях, решая вопросы об их избрании и рукополагая их в сан. Таким образом, в рамках имперской церкви окончательно утверждалась развивавшаяся на протяжении предшествующих столетий система главных, митрополичьих

---

[55] Sanctum Concilium Nicaenum... Col. 665–668; Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви III–XX вв. / Пер. с фр. СПб., 2002. С. 16 и пр.

[56] Всего Никейский собор принял 20 различных канонов, большинство из которых было посвящено организационным вопросам, а также церковному календарю.

церквей, в дальнейшем давшая начало привычной нам архиепископальной организации. Высшее руководство христианской церковью империи Никейский собор в соответствии с церковной традицией (апеллировавшей к исконному духовному авторитету отдельных кафедр) поручил правителям наиболее древних и влиятельных епископий, у истоков которых стояли сами апостолы — т. е. епископам-митрополитам Рима, Александрии и Антиохии[57].

На какой-то момент арианство, казалось, было повержено, авторитет официальной церкви укрепился, конфликты канули в прошлое, а возмутители спокойствия понесли наказание… Однако на поверку победа «никейцев» оказалась лишь видимой. Принятые собором решения (как и в случае с донатизмом) отнюдь не означали, что ересь была окончательно и безоговорочно подавлена, и уже в скором времени христианским церквям Империи предстояло столкнуться с жесткой «антиникейской» реакцией.

Что касается римских епископов, то их интерес ко всем этим доктринальным и организационным спорам первых десятилетий IV в. поначалу (по понятным причинам) ограничивался лишь борьбой с донатизмом. Арианство же

[57] Почетный митрополичий статус Никейский собор также пожаловал древнейшей Иерусалимской церкви — однако без наделения ее соответствующей юрисдикцией над другими епископами.

до определенного момента представлялось им не более чем частной полемикой внутри погрязшей в оригенистских философствованиях восточной церкви. Такая безразличная позиция в известном смысле проявилась и в отношении кафедры св. Петра к I Вселенскому собору в Никее, в котором римский епископ — уже упоминавшийся Сильвестр I — не участвовал, формально сославшись на свою «глубокую старость» (вместо себя он направил двух пресвитеров, Виктора и Викентия, с правом, как пишет Феодорит Кирский, «соглашаться на постановления Собора»[58]). Но уже к концу 30-х гг. положение это коренным образом изменилось.

Новые догматические споры и столкновения вокруг арианства, вспыхнувшие на Востоке уже в конце 20-х — начале 30-х гг. IV в., были в значительной мере спровоцированы непоследовательной религиозной политикой самого императора Константина I, по милости которого Арий и большинство его сторонников оказались довольно быстро (уже к 328 г.) возвращены из ссылки и de facto реабилитированы (вплоть до восстановления их на соответствующих

---

[58] *Феодорит*, *еп. Кирский.* Церковная история / Пер. с греч. М., 1993. С. 39 (I, 7); Sanctum Concilium Nicaenum... Col. 692. Следует отметить, что Сильвестр в годы своего епископства вообще мало в чем участвовал, всем религиозным спорам, по-видимому, предпочитая обустройство только что полученной римской резиденции.

епископских кафедрах). От одного из этих реабилитированных иерархов — главного «антигероя» Никейского собора Евсевия Никомедийского — Константин под конец своей жизни даже принял крещение, дав тем самым повод для подозрений в арианстве и современникам, и историкам. Наследники Константина, также, по-видимому, не вполне четко сознававшие все богословские тонкости арианского спора, почти не стесняясь, использовали церковные конфликты для реализации своих политических интриг. Так, восточный император Констанций II (337–361) (средний из сыновей Константина), явно симпатизировавший арианам, опирался на этих последних для обеспечения «догматического единомыслия» и подчинения всей имперской церкви накануне объединения Империи под своей властью в 353 г.

Церковь тем временем пребывала в хаосе: в отдельных епархиях Востока сплошь и рядом случались вооруженные беспорядки, сопровождаемые изгнанием церковных иерархов с их кафедр, потоками взаимных (часто голословных) обвинений и т. д. За годы, последовавшие за возвращением Ария и С° в церковное общение, как «никейская» фракция, так и их соперники — условные ариане (иначе «евсевиане») — успели созвать около двух десятков поместных соборов, посвященных и частным физическим проявлениям конфликта (например, истории

с многократным изгнанием из Александрии епископа Афанасия), и общезначимым богословским вопросам. Участники этих съездов, действуя по принуждению императора или без такового, осуждали соперников, конструировали новые вероучительные формулы, символы веры, новые термины — так что в путанице сами рисковали впасть в новую ересь или воскресить уже давно осужденное «лжеучение» (вроде динамического монархианства).

Римские папы в сложившейся ситуации, несмотря на первоначальное отсутствие интереса к этим восточным проблемам, уже в 30-е гг. IV в. заняли вполне четкую принципиальную позицию — предполагавшую сохранение верности «Никейскому символу веры» и поддержку всех «никейцев», страдающих от притеснений со стороны ариан (истинных или даже мнимых), в частности, епископов Маркелла Анкирского, Асклепия Газского и, конечно, Афанасия Александрийского (ок. 295–373), «делу» которого было посвящено с десяток поместных соборов[59].

---

[59] Св. Афанасий был низложен и осужден арианским духовенством Александрии в 335 г. (Тирский собор). Вернувшись в родной город после амнистии 337 г., он, однако, уже вскоре вынужден был бежать оттуда и нашел убежище в Риме, при дворе епископа Юлия I (337–352). См. начало его длинной истории: *Сульпиций Север.* Хроника… С. 77 (II, 36 (1–7)); *Феодорит*, *еп. Кирский*. Церковная история… С. 67–72 (I, 26–31).

58 Таким образом, римская кафедра, никогда напрямую не сталкивавшаяся с арианством на Западе, оказалась втянута в догматические баталии в первую очередь из-за стремления отстоять свой апостольский авторитет и статус хранительницы «правильного вероучения», а также третейского судьи во всех церковных спорах. Как показали события середины 50-х гг., иногда подобная позиция — в условиях полной зависимости епископата от императорской власти — была более чем рискованной. Так, в 355 г. за отказ осудить все того же Афанасия Александрийского на Миланском соборе своей кафедрой и свободой поплатился папа Либерий (352–366), низложенный и вывезенный из Рима во Фракию по приказу Констанция II. Его место в Риме занял более сговорчивый (и готовый общаться с арианами) антипапа Феликс II (355–365)[60].

Спустя три года Либерий был возвращен в Рим и восстановлен в сане. Стало ли это результатом его вероотступничества и подписания т. н. «Сирмийской формулы» или же ответом Констанция II на волнения среди римлян,

---

[60] *Сульпиций Север.* Хроника… С. 80 (II, 39 (7)); *Феодорит, еп. Кирский*. Церковная история… С. 93–96 (II, 16–17); Vita, epistolae et decreta Liberii papae // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. III. Col. 195–196; Concilium Mediolanense // Ibidem. Col. 233–252.

неизвестно. Тем не менее, со временем подобная подозрительная снисходительность со стороны императора-арианина сослужила папе недобрую службу. Несмотря на массу ярких деяний на благо церкви Либерий стал единственным папой периода Античности, не канонизированным католической церковью. Тем самым папский престол дополнительно подчеркнул, что в отличие от большинства восточных кафедр никогда не поддавался давлению власти и продолжал сохранять верность Никейскому символу веры в борьбе с ересями.

Таким образом, постоянно подогреваемые светской властью религиозные распри и преследования ортодоксального духовенства и неуемное догматическое «творчество» соборов — лишь ненадолго прерванные в правление императора Юлиана Отступника (361–363) — продолжались почти до конца 70-х гг. IV в. При этом ситуация еще больше осложнилась из-за начала расколов внутри самого арианства[61], в результате чего к концу столетия в отдельных церквях Империи появился целый «букет» новых ересей, ставших либо неким компромиссом между арианской доктриной и ортодоксией, либо реакцией на их прихотливый, все

[61] К течениям арианства, отколовшимся от него в период между I и II Вселенским собором, следует относить евдоксианство, евномианство, евсевианство, а также секту агноитов.

более запутывающийся конфликт. Среди них и македонианство (или пневматомахия, отрицающая божественность Св. Духа), и фотинианство, и аполлинаризм, отчасти предвосхитивший переход от тринитарных споров IV в. к новой — христологической — полемике последующих столетий (V–VII вв.). Лишь с приходом к власти императора Феодосия I (379–395) сторонники «никейской ортодоксии» получили шанс на восстановление своих прав. В феврале 380 г. этот новый правитель восточной части Империи, совместно с действующими императорами-соправителями Грацианом и Валентинианом II (на Западе), издал эдикт «Cunctos populos» (также известный как «Фессалоникийский эдикт» или «О кафолической вере»), в котором потребовал, «чтобы все народы, которыми благоразумно правит Наша Милость, жили в той религии, которую божественный Петр Апостол передал римлянам <…> и которой ясно следуют понтифик [римский. — *И. П.*] Дамас и Петр, епископ Александрии»[62]. Год спустя, весной 381 г., Феодосий созвал в Константинополе II Вселенский собор (I Константинопольский), каноны которого подтвердили единство и незыблемость никейского вероисповедания, хранимого

[62] *Сильвестрова Е. В.* Первый титул шестнадцатой книги Кодекса Феодосия // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2009. № 2 (26). С. 14, 16.

Римом и Александрией, — тем самым окончательно предопределив участь арианства и отколовшихся от него сект[63].

* * *

Нанеся довольно сильный ущерб христианской церкви Империи, арианская полемика по иронии судьбы возымела для Рима вполне положительные последствия. Прежде всего, это относится к разнообразным внутрицерковным (каноническим) прерогативам римской кафедры, постепенное расширение которых (хоть и без соответствующего законодательного закрепления) началось, как мы помним, еще в домиланскую эпоху.

Отправной точкой для развития властных полномочий римского епископа в рамках имперской церкви стал уже рассмотренный нами I Никейский собор. Согласно 6-му соборному канону, епископы-митрополиты Рима, Александрии и Антиохии были возвышены над прочим епископатом[64].

---

[63] Concilium Primum Constantinopolitanum generale secundum // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio... T. III. Col. 559–568; Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии. Казань, 1910. Т. 1. С. 116–120.

[64] Впоследствии они получили звание *патриархов*, а первые двое — еще и почетные звания *пап*.

Каждый из них получал под свой контроль сразу несколько церковных провинций — так, за александрийским епископом закреплялось управление епархиями Египта; Антиохия получила верховенство над эллинистическим Востоком, Киликией и Кипром. А Рим, представлявший, по существу, единственную апостольскую кафедру своего региона, закономерным образом — по крайней мере, формально — распространил свою духовную и каноническую власть на всю западную часть Империи, включая Северную Африку.

Дальнейшее расширение прерогатив римского епископа (несмотря на безоговорочную зависимость от светских властей) не заставило себя ждать. Следующей вехой на пути к реализации римского примата стал созванный в 343 г. по инициативе папы Юлия I (337–352) собор в Сардике (Сардикийский, иначе Сердикский, собор), который впервые позволил первосвященникам расширить свою каноническую власть за счет духовных лиц, не входящих непосредственно в римскую митрополию. Принятые в самый разгар борьбы с арианством, каноны этого собора (3, 4, 5) — первоначально призванные ответить на сугубо частный вопрос (по делу все того же Афанасия Александрийского) — фактически официально разрешили всем ортодоксальным епископам жаловаться на действия своих митрополитов именно

в Рим[65]. Тем самым Сардикийский собор по сути декларировал (пусть и в одностороннем порядке) превращение римской кафедры в одну из основных апелляционных инстанций христианской церкви, что давало папам возможность раз от раза вовлекать в орбиту своего влияния все большее число епархий, как западных, так и восточных. В последующие десятилетия (350–380-е гг.) преемники Юлия I неоднократно пытались не только отстоять это свое приобретение, но и еще больше укрепить и преумножить свои прерогативы — да и вообще утвердить свое церковное «первенство». Впрочем, усилия эти, как видно на примере пострадавшего папы Либерия, подчас были сопряжены со значительным риском…

Одним из проявлений постепенного роста папского влияния, имевшего место в рассматриваемый нами период, стала активная политическая и религиозная деятельность папы Дамаса I (366–384)[66]. Правда, началось правление этого епископа в весьма сложных условиях.

---

[65] Concilium Sardiciense generale // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. III. Col. 7, 10, 23–24, 32; *Сульпиций Север*. Хроника… С. 77 (II, 36 (5–7)); *Сократ Схоластик*. Церковная история…С. 82–83 (II, 20).

[66] По сообщению «Liber Pontificalis» Дамас был родом из Испании, однако уже с раннего детства жил в Риме; его отец Лев был сначала диаконом Римской церкви, а затем стал субурбикарным епископом: Liber Pontificalis… T. I. P. 212.

64 Часть духовенства и римлян, недовольных результатами епископских выборов (осенью 366 г.), обвинила Дамаса в том, что он, будучи диаконом, в 355 г. признал антипапу Феликса II, поставленного императором Констанцием II на место сосланного Либерия. На этом основании церковная оппозиция, отвергнув уже избранного папу, провозгласила епископом римским некоего диакона Урсина. Последний с группой вооруженных сторонников обосновался в Базилике Юлия и начал совершать оттуда вылазки и распускать слухи об аморальности и преступных наклонностях Дамаса. Избранный папа не отставал и также собрал вокруг себя отряд приверженцев, чтобы осадить базилику и решить вопрос силовым путем. В конечном счете эпопея с рукоположением Дамаса вылилась в целую серию кровавых стычек с захватами храмов (в частности Базилики Либерия) и уличными беспорядками, прервавшимися лишь тогда, когда префекту Рима удалось на какое-то время изгнать Урсина и его последователей. Преодолеть эту схизму римская церковь смогла только после того, как Урсин оказался сослан в Галлию (осень 367 г.)[67].

Впрочем, наличие столь серьезного раскола в недрах римской епископии отнюдь не означало,

---

[67] *Сократ Схоластик*. Церковная история… С. 197–198 (IV, 29); *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. с лат. М., 2005. С. 417 (XXVII, 3 (11)).

что интересы первосвященника (тем более такого одаренного, как Дамас[68]) были сосредоточены исключительно на внутриепархиальных проблемах. Главной задачей для Дамаса оставалось дело общецерковной значимости — борьба с арианством, победа над которым, как уже успели заметить его предшественники, позволила бы заметно усилить влияние римской кафедры. Для восстановления никейского исповедания папа по меньшей мере трижды созывал поместные соборы в Риме: в 368, 371–372 и 378 гг.[69] При этом на последнем из них осуждению подверглись как сами ариане (со всеми их многочисленными сектами), так и представители учений, возникших в середине — второй половине IV в. на волне *борьбы с арианством*, — в первую очередь аполлинаристы (приверженцы Аполлинария Лаодикийского). Римская епископская кафедра выступила также против савеллианства, македонианства, евномианства (или аномейства),

---

[68] По выражению Феодорита Кирского, Дамас, «украшавшийся многочисленными видами добродетели» (*Феодорит, еп. Кирский*. Церковная история… С. 101–102 (II, 22), 175 (V, 2)).

[69] См.: Concilium Romanum sub Damaso // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. III. Col. 447–450; Concilium Romanum II sub Damaso // Ibidem. Col. 455–464; Concilium Romanum III sub Damaso // Ibidem. Col. 477–482. См. также: Sancti Damasi opuscula. Epistolae // PL. T. XIII. Col. 347–364, 369–372.

фотинианства, а спустя некоторое время и против синтетического гетеродоксального течения присциллиан[70].

Осужденный папой епископ Аполлинарий Лаодикийский (ок. 315 — ок. 392) с самого начала своей деятельности позиционировал себя как непримиримого противника ариан с их учением о неравенстве ипостасей св. Троицы — однако в своих собственных богословских построениях столкнулся с целым рядом еще более специфических вопросов, почти никак не раскрытых в рамках тогдашней церковной доктрины как «никейского», так и арианского толка. Рассуждая о лицах Троицы, он, в частности, пришел к мысли о невозможности *полного слияния* божественной и человеческой природы в Иисусе Христе. Что касается учения испанского ересиарха Присциллиана (ум. 385[71]), то оно, по-видимому, представляло собой компиляцию отдельных положений христианства, манихейства, гностицизма и местных кельтиберских верований. Признавая божественность Иисуса Христа, Присциллиан в то же время отрицал догмат о св. Троице (и в этом

---

[70] *Феодорит, еп. Кирский*. Церковная история… С. 102 (II, 22), 176–178 (V, 3–4), 186 (V, 10); *Сульпиций Север*. Хроника… С. 85 и далее (II, 46–48).

[71] Осужденный на поместных соборах в Сарагосе (380) и Бордо (384), Присциллиан оказался первым христианским мыслителем, *казненным* за свои еретические убеждения.

сближался с монархианами-модалистами), а также будущее воскрешение мертвых.

В борьбе за чистоту веры с ересями крупными и мелкими папа Дамас не оставлял без внимания и само ортодоксальное учение и его основные источники (Св. Писание), над фиксацией которых по его поручению работал св. Иероним Стридонский (347–420) — в конце IV — начале V в. создавший первый официальный латинский перевод Библии (Вульгату)[72]. Той же цели должно было служить и сформулированное на Римском соборе 382 г. определение веры (Confessio/professio fidei), заключавшее в себе основные вероучительные постулаты Никейского и I Константинопольского соборов и анафематствовавшее наиболее одиозные «заблуждения»[73]. Вся эта многообразная религиозно-политическая активность Дамаса, достаточно быстро склонившего на свою сторону императорскую власть, уже к концу 70-х — началу 80-х гг. IV в. позволила говорить о римском епископе как об одном из главных и самых ревностных защитников

---

[72] См.: Sancti Damasi opuscula. Epistolae… Col. 371–373.

[73] Христианское вероучение. Догматические тексты… С. 124–125, 183–184; Sancti Damasi opuscula. Epistolae… Col. 358–364, 373–374; Professio fidei, ex anathematismi adversus Apollinaris, Arii, Sabellii, Macedonii, Eunomii & Photini haereses // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. III. Col. 486–488; *Феодорит, еп. Кирский*. Церковная история… С. 187–188 (V, 11).

истинного христианского учения. Именно этот руководящий наставнический статус папы был подтвержден уже упоминавшимся эдиктом Феодосия I «Cunctos populos» (380 г.), который впервые *официально и письменно* на государственном уровне декларировал апостольское происхождение власти римских епископов и этим обусловил их верховенство в духовных делах христианского мира. Впрочем, ничто не помешало тому же Феодосию уже в скором времени провести на II Вселенском (Константинопольском) соборе (подтвердившем авторитет Дамаса) постановление о статусе епископа константинопольского — внезапно, с легкой руки правителя, оказавшегося «вторым по чести» после папы (3-е правило собора)[74]. Не приняв этот канон, Дамас отчасти компенсировал свое недовольство по поводу соборных новшеств тем, что при поддержке западного императора Грациана (375–383) потребовал для себя права контролировать все епископские выборы и утверждать кандидатов на все возможные епископские кафедры (в обход 2-го правила Константинопольского собора о невмешательстве епископов одних поместных церквей в дела других). Ранее, в 378/379 г. Грациан, вообще очень благоволивший к Дамасу, уже предоставил

[74] Concilium Primum Constantinopolitanum generale secundum… T. III. Col. 559. Таким образом, в рамках имперского христианства сформировалась т. н. «пентархия» — пятерка главных церквей христианского мира.

папам высшую судебную власть в церковных делах на территории западной части Империи (рескрипт «Ordinariorum sententias»)[75].

Расширению канонической власти римского епископа должно было способствовать и создание при Дамасе первого в истории западной церкви *викариата* (vicariatus) — особого административного подразделения, включающего в себя несколько обычных епископий и управляемого от имени папы специальным наместником — викарием (vicarius; позднее — vicarius apostolicus). Последний представлял собой епископа, который наряду с руководством собственной епархией также получал из рук римского первосвященника право управления целым рядом других епархий, входивших в ту или иную провинцию (или провинции). В отличие от прежних, временных папских представителей (легатов) викарий, назначавшийся как *постоянный* заместитель папы, располагал достаточно широкими полномочиями и по статусу был выше простого митрополита провинции. Благодаря этому первосвященник получал возможность фактически напрямую контролировать отдельные провинциальные епархии, не особо заботясь о возможных схизматических или сепаратистских

---

[75] Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab a. CCCLXVII ad a. DLIII datae Avellana quae dicitur collectio / ed. O. Gventher. Pragae; Vindobonae; Lipsiae, 1895. Pars I. P. 54–58.

тенденциях в митрополичьем руководстве. Именно с этой целью (а заодно и для демонстрации римского «могущества» перед восточными иерархами), по всей видимости, и был организован первый Фессалоникийский викариат в Иллирии, во главе которого по распоряжению Дамаса встал епископ Фессалоники Асхолий. Последующее развитие системы викариатов (V в.) стало основным шагом на пути к полноценной реализации того номинального примата над христианским Западом, который был закреплен за римским патриархом со времен Никейского собора. Чтобы дополнительно подчеркнуть свой статус и растущее влияние, папа Дамас — развивая идею своего менее удачливого предшественника Либерия — также начал вводить в письменный оборот новое наименование римской кафедры — «*Апостольский престол*» (Sedes Apostolica)[76]. И уже в скором времени это выражение — не в последнюю очередь благодаря подтверждению его со стороны императора Феодосия I — стало почти повсеместно признанным универсальным обозначением римского церковного центра.

Разумеется, столица римского епископа должна была соответствовать и новому пышному титулу, и авторитету своего руководителя — и потому одной из основных забот Дамаса, наряду

---

[76] См.: *Liberius Papa*. Epistolae et dicta // PL. T. VIII. Col. 1350.

со всеми перечисленными делами, стала окончательная «христианизация» Рима. Для этого папа инициировал широкомасштабные реставрационные работы и даже частичную реконструкцию в римских катакомбах, а также установил по всему городу множество памятных досок с элогиями (или эпитафиями) собственного сочинения, описывавшими пусть и не всегда достоверные подвиги многочисленных «страдальцев за веру»[77]. Рим на глазах превращался в один из главных западных центров почитания мучеников — а значит, и в постоянный объект паломничества (чем, к слову, остается и до сих пор).

Стремясь обустроить апостольскую столицу и быт своей кафедры, Дамас предпринял и еще целый ряд шагов, возымевших для церкви более чем заметные последствия. Так, при нем, по некоторым сведениям, начали формироваться собственные архивы папского престола, было положено начало будущей папской библиотеке и папскому *скринию* — со временем выросшему в знаменитую Апостольскую канцелярию. Закономерным следствием такого интенсивного развития папских прерогатив и институций папского двора стало становление в конце IV — начале V в. декреталий — особого вида папских

---

[77] Sancti Damasi opuscula. Carmina // PL. T. XIII. Col. 375–424; Liber Pontificalis… T. I. P. 212–213; *Задворный В. Л.* История римских пап. Том I… С. 187–190.

посланий, во многом похожих на императорские рескрипты (частные ответы на вопросы подданных или подчиненных, способные приобретать характер общеобязательных директив). Древнейшая подобная грамота, дошедшая до наших дней, была составлена в понтификат преемника Дамаса, Сириция (384–399)[78] — и в последующие столетия (V–X вв.) аналогичные документы стали наряду с постановлениями соборов одной из основных форм западного церковного законодательства.

* * *

Конец IV — начало V в. ознаменовались значительными изменениями в жизни античного римского государства. В 395 г., после смерти Феодосия I, оно было окончательно разделено на две половины: Восточную и Западную, — правителями которых стали сыновья умершего императора, Аркадий (395–408) и Гонорий (395–423). С этого времени части бывшей Римской империи развивались практически независимо друг

[78] S. Siricii Papae epistolae et decreta // PL. T. XIII. Col. 1131–1147; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia ad annum post Christum natum MCXCVIII / Ed. Ph. Jaffé; editionem secundam correctam et auctam… curaverunt S. Loewenfeld, F. Kaltenbrunner, P. Ewald. Leipzig, 1885–1888. T. I. P. 40–41 (n. 255).

от друга. Одна из них, располагавшая гораздо бóльшими жизненными ресурсами и в меньшей степени подверженная нападениям извне, смогла просуществовать еще без малого 1000 лет. Другая же, как показали дальнейшие события, доживала свои последние годы.

Основным фактором, приведшим к крушению Западной Римской империи, была внешняя угроза. Уже с конца IV в. римские пограничные валы на Рейне и Дунае практически перестали быть сколь-нибудь существенной преградой для Великого переселения народов, нараставшего по мере усиления натиска со стороны степных кочевников из Азии. При этом масштабы надвигающейся катастрофы, да и общий характер миграции отчасти были очевидны и самим современникам событий. Как писал Амвросий Медиоланский (чье сообщение не раз цитировалось в исторической литературе), «гунны поднялись на аланов, аланы на готов, готы — на тайфалов и сарматов. А беженцы из Готии выгнали нас из Иллирика — и это еще не конец»[79]. В короткий срок пограничные области Империи оказались заполнены самыми разными варварскими племенами: бургундами, аламанами, франками и пр.; в последние годы IV в. в балканских

[79] Sancti Ambrosii Mediolanensis episcopi Expositio Evangelii secundum Lucam libris X. comprehensa // PL. T. XV. Col. 1806–1807.

провинциях, в непосредственной близости от Италии, обосновался и племенной союз вестготов. А в 406–409 гг. территории Империи подверглись нашествию новых врагов — вандалов, аланов и свевов (квадов), которые к концу 20-х гг. V в., основательно разорив Галлию и Испанию, приступили к завоеванию Северной Африки. Таким образом, на месте некогда целостного и мощного римского государства менее чем за полвека возникла группа воинственных, но крайне неустойчивых варварских сообществ, не имевших подчас не только внятной политической организации, но и постоянных, четких географических границ. Под угрозой оказалось даже самое сердце Западной империи — Италия, которая начиная с 401–402 гг. неоднократно подвергалась нападениям варварских отрядов. В результате одного из таких набегов пострадал и сам Рим — 24 августа 410 г. после недолгой осады взятый и почти полностью разграбленный войсками вестготского правителя Алариха[80]. Ситуация внутри Западной Римской империи, истощенной этими постоянными военными столкновениями, еще более усугубилась после убийства в 455 г. императора Валентиниана III (423–455),

---

[80] *Сократ Схоластик*. Церковная история… С. 275 (VII, 10); *Павел Орозий*. История против язычников. Книги I–VII / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. В. М. Тюленева. СПб., 2004. С. 499, 501 (VII, 39 (1, 15)).

со смертью которого в государстве начался жесточайший политический кризис[81].

Единственным прочным центром имперского общества в эти годы, по существу, оставалась римская церковь. Авторитет ее руководителя — римского папы — несмотря на все трудности, выпавшие на долю его епархии, отнюдь не снижался. Напротив, влияние этого церковного иерарха в рассматриваемый период неуклонно возрастало, составляя тем самым очевидный контраст слабеющей власти западных императоров. Подобным ростом своего влияния (как в религиозной, так отчасти и в политической сфере) папы были обязаны прежде всего сравнительно быстрому превращению христианства в господствующую — государственную — религию Империи.

Начавшийся еще в 40-е гг. IV в. процесс постепенного отхода от декларированной Константином Великим веротерпимости к началу V столетия почти повсеместно перерос в открытые гонения против языческих культов и их

---

[81] Убийство императора Валентиниана III произошло в результате заговора, организованного начальником императорской дворцовой стражи, свевом Рикимером. После этого на престоле Западной империи (вплоть до ее падения) сменилось в общей сложности 9 правителей — ставленников италийской или галльской знати и самого Рикимера, а после его смерти (472 г.) — Константинополя, вандалов и бургундов.

приверженцев. В период между 381 и 392 гг. было издано сразу несколько специальных эдиктов, воспрещавших гражданам Империи возвращаться в языческую веру и угрожавших самыми серьезными наказаниями всем язычникам, независимо от их положения в обществе[82]. Отправление языческих обрядов (публичное или частное) категорически запрещалось, храмы и иные помещения, в которых происходили языческие жертвоприношения, закрывались и отнимались у их владельцев. Подобная политика императорской власти (особенно активно проводившаяся Феодосием I, а затем его сыном Гонорием) не только способствовала установлению религиозной монополии христианства, но и заметно обогатила церковные структуры, в пользу которых чаще всего и конфисковалось имущество языческих святилищ и жреческих коллегий[83]. В свою очередь, пополнение римской церковной кассы за счет такого конфискованного добра — вкупе с обширными пожертвованиями светской власти и частных лиц — уже в первые десятилетия V в. сделало римского епископа одним из

---

[82] Еще ранее, в 375 г., император Грациан отказался от традиционного титула pontifex maximus, сочтя его несовместимым со своим христианским вероисповеданием. Он же в 381 г. приказал убрать алтарь Победы из здания римского сената.

[83] *Феодорит*, *еп. Кирский*. Церковная история… С. 197–198 (V, 21).

крупнейших землевладельцев Италии и уж точно богатейшим жителем Рима. Об известном упрочении финансов римской епархии в этот период свидетельствуют, среди прочего, необычайно активные строительные и реставрационные работы, которые развернули в Риме такие епископы, как Целестин I (422–432), Сикст III (432–440), Илар (461–468) и даже Симплиций (468–483) — последний папа античной эпохи. Благодаря им, в частности, были восстановлены сооружения, пострадавшие от вестготов (церковь Санта-Мария-ин-Трастевере), реконструирована старая Базилика Либерия (превратившаяся в церковь Санта-Мария-Маджоре), отстроены церковь св. Сабины, Латеранский баптистерий и древнейший римский монастырь св. Себастьяна на Аппиевой дороге[84].

Церковно-политическая активность пап в это время, как и прежде, направлялась в основном на расширение влияния и властных прерогатив римской кафедры. Именно в этом ключе действовал, в частности, папа Зосим (417–418), инициировавший создание второго в западной церкви Галльского викариата с центром в Арле. Дальнейшее оформление этого нового церковного наместничества (имевшее особое значение в условиях постоянных варварских нашествий)

---

[84] Liber Pontificalis… T. I. P. 230, 232–235, 242–245, 249.

произошло в понтификат Илара, который в 465 г. утвердил своим викарием митрополита Арелатского Леонтия[85]. Примерно к этому же времени за папой был *окончательно* закреплен и самый первый Иллирийский викариат, права на управление которым в течение нескольких десятилетий (с 80-х гг. IV в. до 20-х гг. V в.) оспаривал патриарх «Нового Рима» — Константинополя. В дополнение к этим двум викариатам в самом конце рассматриваемого нами античного периода в непосредственную юрисдикцию Рима вошла также испанская церковь, викарием которой был назначен епископ Зенон Севильский (митрополит Бетики)[86].

В первые десятилетия V в., а точнее в понтификат Бонифация I (418–422), некоторые перемены организационного характера произошли и непосредственно при папском дворе. Они коснулись механизма выборов римского епископа, с древнейших времен избиравшегося на свой пост «клиром и миром». Поводом к внесению уточнений в эту старинную традицию стали события конца 418 — начала 419 г., когда после

---

[85] См.: Zosimi Papae epistolae et decreta // PL. T. XX. Col. 642–645; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 49 (n. 328, 333, 334); Epistolae Hilari Papae // PL. T. LVIII. Col. 22–32.

[86] Epistolae Simplicii Papae // PL. T. LVIII. Col. 35; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 44 (n. 285), 46 (n. 300).

смерти св. Зосима папский престол поразила очередная схизма[87].

Еще до завершения похорон умершего понтифика (26 декабря 418 г.) резиденция пап — Латеранский дворец — оказалась захвачена группой сторонников римского архидиакона Евлалия, который на следующий день провозгласил себя папой (27 декабря). Спустя сутки другая группа клира, поддержанная большинством римской паствы, выдвинула на апостольский престол еще одного кандидата — Бонифация (некогда служившего легатом при Иннокентии I (401–417)). И хотя подавляющее большинство епархиального духовенства и граждан высказалось именно за него, префект Рима Симмах (явно не симпатизировавший Бонифацию) поспешил отправить императору Гонорию письмо, в котором однозначно высказался в пользу Евлалия. Бонифаций вынужден был покинуть Рим, но успел послать в Равенну собственный запрос по поводу раскола. В ответ император Гонорий предписал созвать церковный собор в Равенне, а затем в Сполето (намечен на 13 июня 419 г.); оба претендента на римский престол до принятия решения должны были

---

[87] См. об этом: Liber Pontificalis… T. I. P. 227–228; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 52–53; S. Bonifacii I Papae epistolae et decreta // PL. T. XX. Col. 767–769; Rescriptum Honorii Augusti ad Bonifacium Papam I // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1760. T. IV. Col. 393.

покинуть Вечный Город. Однако Евлалий вопреки предписанию, не дождавшись сполетского синода, вернулся в Рим и попытался организовать там новый мятеж (март 419 г.) — именно это и решило исход дела. Разгневанный император приказал префекту изгнать Евлалия и восстановить в качестве единственного законного епископа Бонифация (3 апреля 419 г.).

По завершении этого раскола император Гонорий по просьбе папы Бонифация издал специальное постановление, согласно которому в случае спорного избрания римского епископа следовало провести новые выборы и повторять их процедуру до тех пор, пока не будет найдена единая, общая кандидатура на папский престол. Такое законодательное установление в дальнейшем не раз послужило поводом для вмешательства светской власти в дела церкви, но в целом заметно усовершенствовало механизм папских выборов, последующее (средневековое) развитие которого в известном смысле базировалось именно на этом, пусть и не вполне выгодном для пап, прецеденте.

Одновременно с этими организационными переменами папы начала V в. продолжали активно участвовать в догматическом строительстве церкви, основным пунктом которого, как и прежде, были споры о вероучении и борьба с многочисленными ересями, распространявшимися как в западной, так и в восточной части Империи.

На этот раз главными врагами ортодоксального христианства были еретические христологические течения несториан (отстаивавших тезис о разделенности и обособленности двух природ в Иисусе Христе) и евтихиан (или монофизитов — восходивших в своем учении к аполлинаризму и вовсе отрицавших двуприродность Христа), возникшие в самом сердце Восточной церкви — в Константинопольском патриархате. Для их осуждения на Востоке был созван не только ряд поместных епископских съездов, но и два вселенских собора — в 431 г. в Эфесе (III Вселенский) и в 451 г. в Халкидоне (IV Вселенский) — и некоторое время считавшийся «вселенским» II Эфесский («Разбойничий») собор (449 г.)[88].

Впрочем, интерес римских понтификов к подавлению всех этих сект, несмотря на присутствие папских легатов на всех упомянутых соборах, был, по-видимому, не слишком значителен. Участие в соборных прениях и письменная

---

[88] Осудив и предав анафеме заблуждения Нестория и Евтихия, соборы, однако, не смогли полностью победить основанные ими гетеродоксальные течения. Несториане, осужденные в Эфесе, переместили свою «альтернативную» церковь на территорию Персии, а затем, расколовшись на несколько групп, рассеялись по отдельным районам Индии и даже Китая, где сохраняются до сих пор. Что касается монофизитов, то они, несмотря на осуждение в Халкидоне, также продолжали существовать на Востоке, с течением времени образовав самостоятельные, так называемые дохалкидонские церкви.

полемика по поводу основных спорных вопросов, как и прежде, служили для римского престола средством утверждения и демонстрации своего вероучительного примата, при этом не только над Западной, но и над Вселенской церковью. Гораздо более близкую и насущную проблему среди гетеродоксальных учений для Рима в этот период представляло пелагианство (а также развившиеся на его основе разнообразные «гибридные» ереси).

Названные в честь основателя ереси, британского монаха Пелагия (ок. 360–418), пелагиане — основным принципом своего учения выдвигавшие свободу человеческой воли — в первую очередь отрицали существование тяготеющего над человеком первородного греха и особо подчеркивали внутренние, собственные возможности человека к нравственному совершенствованию и спасению. Согласно пелагианству, грех прародителя Адама нисколько не затронул и не извратил положительную природу людей, основным качеством которых с самого момента рождения является возможность выбора между добром и злом, независящая от нисходящей божественной благодати и божественного предопределения (praedestinatio) их участи.

Идеи, пропагандируемые Пелагием, входили в явное противоречие с принятой церковной ортодоксией, развивавшейся виднейшими богословами того времени — прежде всего,

св. Августином Гиппонским (354–430), другом и соратником таких римских пап, как Иннокентий I, Бонифаций I и Целестин I. Вдобавок к этому, отрицая значение божественной благодати (доступной верующим лишь при посредничестве клира), они во многом ставили под сомнение не только складывающуюся церковную доктрину, но и необходимость церкви как таковой. Именно поэтому учение пелагиан — довольно быстро распространившееся в Британии, Италии, а затем в Северной Африке и на Востоке — уже с первых лет своего существования привлекло к себе пристальное внимание церковных иерархов. Впервые официальному осуждению Пелагий и его последователи подверглись в 412 г. на соборе в Карфагене. Однако это не остановило их проповеди, и после реабилитации на соборе в Лидде (415 г.) они вновь были осуждены папой Иннокентием I (в январе 417 г.) и отлучены от церкви до тех пор, пока не раскаются в своих заблуждениях[89]. Аналогичные осуждения звучали и в постановлениях последующих пап (Бонифация I, Целестина I и пр.), а также в полемических сочинениях св. Августина («О деяниях Пелагия»,

---

[89] См.: Concilium Carthaginense contra Pelagianos I // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. IV. Col. 289–292; Concilium Diospolitanum // Ibidem. Col. 311–320; S. Innocentii I Papae epistolae et decreta // PL. T. XX. Col. 582–588; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 48 (n. 321–323).

«О благодати Христовой и о первородном грехе»), догматические рассуждения которого стали основной опорой римского престола в пелагианских спорах[90]. Впрочем, ни эти многочисленные анафемы и отлучения, ни даже антипелагианский императорский эдикт 418 г. не способны были полностью искоренить ересь. Остатки пелагиан — несмотря на определения Эфесского собора (431 г.) и жестокие преследования середины V в. — сохранились на землях бывшей Римской империи вплоть до VII столетия.

Помимо пелагианства, закономерную озабоченность апостольского престола вызывало и возрождение арианской угрозы, которое становилось все более очевидным по мере того, как территории бывших римских провинций завоевывались варварскими племенами. В особенно сложной ситуации оказались, в частности, земли Южной Галлии и Испании, захваченные вестготами (принявшими крещение от арианина Вульфилы), а также Северная Африка, в которой бесчинствовали ариане-вандалы. О беспокойстве пап за судьбу этих отторгнутых церковных провинций и их духовного руководства свидетельствуют материалы переписки, которую первосвященники

---

[90] См.: S. Aurelii Augustini Hipponensis episcopi de Gestis Pelagii liber unus // PL. T. XLIV. Col. 319–360; S. Aurelii Augustini Hipponensis episcopi de Gratia Christi et de peccato originali libri due // Ibidem. Col. 359–415; Zosimi Papae epistolae et decreta… Col. 646–661.

вели с епископами отдельных местных епархий на протяжении почти всего V в.[91]

Одним из действенных средств для борьбы с перечисленными ересями и лжеучениями — и одновременно важной сферой наставнической и вероучительной деятельности — для пап уже с начала V в. стало распространение христианства «вширь» (миссионерство). Оно способствовало не только насаждению «правильной веры» среди населения Западной империи, но и значительному расширению догматического и канонического влияния апостольского престола. Одним из первых направлений папского миссионерства, организованного в это время, стала периферия известного христианского мира — в первую очередь, Британия, в которой ортодоксальное христианство после оставления ее римскими войсками и администрацией (408 г.) грозило совсем исчезнуть. Именно туда в 429 г. папа Целестин I послал для «утверждения веры» одного из виднейших проповедников и организаторов монашеской жизни в Галлии — епископа Германа Осерского (ок. 378–448)[92]. Последний

---

[91] Обмен корреспонденцией (если он не был затруднен внешними обстоятельствами), к всему прочему, позволял папам в деталях контролировать повседневную жизнь и литургическую практику отдельных локальных церквей.

[92] Prosperi Tironis epitoma chronicon // MGH. AA. T. IX. P. 472; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 55; *Беда Достопочтенный*. Церковная история

в продолжение двух своих пастырских поездок (429 и 445 гг.) не только внес существенный вклад в борьбу с набравшим силу британским пелагианством и в обращение местных язычников, но и придал дополнительный толчок христианской проповеди в Ирландии — с 30-х гг. V в. христианизацией этого отдаленного острова занялся рукоположенный Германом в 432 г. епископ Патрик (будущий святой). Миссионерской деятельностью Рима к этому времени оказались «охвачены» и области обитания пиктов и скоттов, где с конца IV в. проповедовали сначала св. Ниниан, а с 431 г. — направленный все тем же Целестином I св. Палладий[93].

Говоря о миссионерской активности апостольского престола и распространении христианства, нельзя не отметить и той значительной роли, которую во внутрицерковной политике папства с начала V в. играло монашеское движение. Пришедшее из восточных областей Империи еще в середине IV в., монашество почти с самого начала прижилось на Западе в своей киновитской (общежитийной) форме[94], что было на руку

народа англов / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. В. В. Эрлихмана. СПб., 2003. С. 22–24 (I, XVII).

[93] См.: Prosperi Tironis epitoma chronicon… P. 473; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 56; *Беда Достопочтенный*. Церковная история… С. 20 (I, XIII).

[94] Основателем первой на Западе монашеской общины (но не монастыря в собственном смысле слова)

официальной церкви, по-видимому, усматривавшей в аскетах-отшельниках чрезмерную оппозицию существующей иерархии. Воплощая собой уже известный на Западе аскетический идеал, монашество в то же время несло в себе новый тип духовного служения, в котором задачи личного нравственного совершенствования и спасения сливались с задачами общецерковными и даже социальными. Уход монахов от мира и отказ от жизненных ценностей посредством принятия временных или постоянных обетов целомудрия, бедности и послушания сочетались со стремлением воздействовать на мир своим примером и проповедью. Благодаря этому монашеское движение могло стать не только основным проводником ортодоксального вероучения и надежной опорой пап в рамках локальных церквей, но и их главным рычагом воздействия на всю западноримскую паству. Наиболее известными среди западных основателей и идеологов монашеской жизни в рассматриваемый период — помимо упомянутых св. Германа Осерского и св. Патрика — были св. Павлин Ноланский, св. Гонорат Арелатский (ок. 365–430), св. Иларий Арелатский (403–449), св. Викентий

в настоящее время считается св. Евсевий Верчелльский (†370/371). Видными деятелями западного монашеского движения в IV в. стали св. Мартин Турский (основатель монастырей в Лигюже и Мармутье) и св. Иларий Пиктавийский.

Леринский (ум. 450). Покровительством папского престола также пользовались св. Иероним Стридонский и Иоанн Кассиан (Марсельский). Основанные ими монастыри, рассеянные почти по всей Западной Римской империи, как нельзя более способствовали развитию и проведению в жизнь зародившихся в Риме идей церковного универсализма и примата пап.

* * *

Апогеем развития папской власти в V в. стал понтификат Льва I Великого (440–461) — одного из наиболее выдающихся понтификов поздней Античности, сумевшего первым среди римских епископов в наиболее полном и ясном виде сформулировать в своих трудах идею верховенства римской церкви и придать своим властным полномочиям по-настоящему политический смысл.

Будучи уроженцем Италии[95], Лев, по-видимому, начал свою церковную карьеру довольно рано. Впервые в источниках мы встречаем его в качестве аколита римской церкви при папе

[95] Точных данных о месте рождения Льва нет, однако, отталкиваясь от беглого замечания в тексте «Liber Pontificalis» («Leo, natione Tuscus, ex patre Quintiano») исследователи предполагают, что он мог родиться либо в Тусции (Тоскане), либо в самом Риме — в семье выходцев из Тусции. См.: Liber Pontificalis… T. I. P. 238.

Зосиме, по поручению которого наш герой занимался доставкой послания с обличением пелагиан, составленного пресвитером Сикстом (также будущим папой), епископу Аврелию Карфагенскому (418 г.)[96]. Сам факт поручения подобной миссии наглядно свидетельствует о степени доверия папы по отношению к молодому Льву; а знакомство последнего с Сикстом (и, очевидно, прочими видными представителями римского духовенства) вполне объясняет его дальнейшее карьерное продвижение. В начале 20-х гг. V в. Льва рукополагают в диаконы; а в понтификат Целестина I он уже встречается нам в источниках в качестве архидиакона — одного из ключевых персонажей римской церковной администрации, отвечавшего за финансы и хозяйственную сторону жизни Апостольского престола. Впрочем, одним только папским хозяйством деятельность его вряд ли ограничивалась. Так, известно, что по поручению Льва видный западный богослов Иоанн Кассиан приступил к написанию трактата с критикой учения Нестория «О воплощении Господа» («De incarnatione Domini contra Nestorium»)[97]. О значимости фигуры римского архидиакона свидетельствуют и обращенные к нему в 430/431 г. личные просьбы

---

[96] См.: *S. Augustinus*, *Hipponensis episcopus*. Epistolae. Classis III // PL. T. XXXIII. Col. 867.

[97] См.: Joannis Cassiani De Incarnatione Christi contra Nestorium haereticum // PL. T. L. Col. 9–272.

епископа Кирилла Александрийского (пытавшегося не допустить присвоения Ювеналием Иерусалимским реальных, а не «почетных» патриарших полномочий), и его активное участие в деле о нереабилитации пелагианина Юлиана Экланского (436 г.). Накануне своего избрания на римский престол Лев по поручению императорского двора и вовсе оказался задействован в «дальней» дипломатической миссии — выступая посредником между полководцем Аэцием и галльским префектом Альбином. Именно в разгар этой поездки многолетний патрон Льва, папа Сикст III, скончался (19 августа 440 г.), и римское духовенство, памятуя о заслугах и авторитете отсутствующего архидиакона, единогласно выдвинуло его на освободившуюся кафедру[98]. Вернувшись в Рим, он 29 сентября 440 г. получил епископское посвящение.

С самого начала своего понтификата Лев I столкнулся с целым рядом сложнейших проблем, касавшихся как внутренней жизни церковных общин Западной Римской империи, так и внешних условий их существования. Прежде всего, став папой в эпоху Великого переселения народов и разрушения римских государственных институтов, он волей-неволей вынужден был принять участие в *политической* жизни Запада — тем самым отчасти компенсируя ослабление светской

[98] Prosperi Tironis epitoma chronicon… P. 478.

власти. В условиях царившего в Европе и Северной Африке хаоса и неуклонного сужения границ Империи Лев стремился по возможности ограничить разрушительные последствия варварских нападений и, по крайней мере, предотвратить набеги на Италию и сам Рим. Наиболее знаменитым из его политических достижений стало спасение Италии от гуннов, в 452 г. вторгшихся в северные области Апеннинского полуострова и разоривших земли от Аквилеи до Милана и Павии.

Узнав о приближении гуннских полчищ, возглавляемых Аттилой, император Западной империи Валентиниан III бежал из Равенны и укрылся в Риме, а навстречу Аттиле направил делегацию знатных римских граждан во главе с папой Львом. В результате переговоров, проходивших близ Мантуи, предводитель гуннов — по легенде, пораженный величием и самим обликом римского епископа — отказался от дальнейшего похода и, удовольствовавшись предложенной ему контрибуцией, покинул пределы Италии (свидетелем этому оказался секретарь папы и историк Проспер Аквитанский)[99].

Спустя три года, в 455 г., дипломатия папы также позволила заметно смягчить ущерб, нанесенный Риму вандалами Гейзериха, которые, хотя и подвергли город 14-дневному разграблению,

---

[99] Ibidem. P. 482; Liber Pontificalis… T. I. P. 239.

согласились оставить в живых население папской столицы и не тронули наиболее крупные из ее храмов[100].

Одновременно с этими конкретными политическими проблемами (которые папа решал, по сути, *за* императора) среди важнейших задач папской власти по-прежнему оставалась и консолидация локальных церквей, входивших в орбиту влияния римского престола. Основным ее средством в правление Льва стала постоянная переписка с епископами, которая давала папе возможность быть в курсе всех, даже самых незначительных, событий, происходивших в отдельных епархиях[101]. Именно с помощью переписки при Льве был, среди прочего, решен конфликт внутри Галльской церкви, вызванный чрезмерно активной пастырской деятельностью амбициозного папского викария Илария Арелатского, на которого в Рим пожаловались местные (галльские) епископы. В ходе полемики с Иларием Лев сумел добиться от императора Валентиниана III составления нового рескрипта, подтвердившего за папой высшую церковную

---

[100] Prosperi Tironis epitoma chronicon… P. 484. Ср.: *Прокопий Кесарийский*. Война с вандалами // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч., ст., коммент. А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 189 (Кн. I, V, 1–5).

[101] См.: Sancti Leonis Magni romani pontificis epistolae // PL. T. LIV. Col. 593–1218.

юрисдикцию над всеми западными провинциями (445 г.)[102]. С помощью писем приходилось папе поддерживать отношения и с церковью Испании, которая в рассматриваемый период одинаковым образом страдала как от завоевателей-ариан (вестготов), так и от рецидивов присциллианской ереси. Советы и рекомендации по церковным вопросам от Льва охотно принимали и оказавшиеся в аналогичном положении епископы Северной Африки (те самые, которые ранее, еще в 20-е гг. V в., всячески стремились выйти из-под папского контроля). Наконец, особое внимание Лев Великий уделял епископствам самой Италии, подавляющее большинство которых — включая Милан, ранее пользовавшийся широчайшей самостоятельностью — в его правление оказалось под строгим надзором Рима.

Позволявшая решать многочисленные канонические и организационные проблемы, папская корреспонденция в то же время составила и основную часть *экклезиологического* и *богословского* наследия Льва Великого. Именно в посланиях (а также в ряде проповедей) нашло отражение его видение апостольской преемственности и роли римского епископа как наследника первого из апостолов (principis apostolorum) в жизни

---

[102] Ibidem. Col. 636–640. Позднее, в 450 г. во избежание новых проблем Арелатская митрополия была канонически разделена между епископами Арля и Вьенна.

вселенской церкви. И именно этим текстам предстояло стать фактическим манифестом римского церковного примата, который Лев, методично отстаивавший всеохватное главенство Рима и своей кафедры, передал папам последующих столетий. Отдельное место в корпусе папских посланий заняли письма, посвященные различным ересям — борьба с которыми представляла собой еще одну важную сферу деятельности понтифика.

На первых порах основной заботой Льва были приверженцы манихейства, под давлением варваров-завоевателей мигрировавшие из провинций и образовавшие многочисленные тайные секты непосредственно в самом Риме. Против них уже в 40-е гг. V в. была направлена целая серия папских проповедей и посланий, в которых первосвященник, в частности, призывал светские власти возродить старые антиманихейские законы[103]. Немалые усилия папа Лев предпринимал также для искоренения остатков пелагианства (в особенности на территории Италии) — к чему вновь был привлечен император, по предложению римского епископа особым указом в очередной раз лишивший еретиков гражданских прав и изгнавший их из страны[104].

---

[103] См.: Ibidem. Col. 622–624. Первые эдикты против манихеев были изданы в правление Диоклетиана.

[104] См., напр.: Ibidem. Col. 593–598.

Естественно, не могли не заинтересовать Льва и кипевшие на Востоке монофизитские (или евтихианские) споры — тем более что катализатором для них по иронии судьбы стала жалоба в Рим со стороны самого основателя ереси, низложенного в 448 г. константинопольского архимандрита Евтихия. Разобравшись в деле, Лев направил в Константинополь самое знаменитое из своих вероучительных посланий — т. н. «Томос к Флавиану» («Tomus ad Flavianum», «Epistola ad Flavianum»), — в котором однозначно осудил Евтихия и изложил основные постулаты ортодоксального христологического учения (о двух природах Христа и их соединении в одном лице)[105]:

«Свойства и той, и другой природы были сохранены и встретились в одном Лице, так что величие облеклось смирением, сила — слабостью, вечность — смертностью. Чтобы оплатить наш долг, неуязвимая природа соединилась с природой, способной страдать. И так, поскольку это было нужно для нашего исцеления, „един и посредник между Богом и человеками, человек Иисус Христос“ [1 Тим 2, 5] смог, с одной стороны, умереть, а с другой — не умереть. Поэтому Бог родился с полной и совершенной человеческой

---

[105] Ibidem. Col. 755–782; Epistola ad Flavianum episcopum Constantinopolitanum contra Eutychis perfidiam et heresim = Послание к Флавиану, епископу Константинопольскому, против ереси Евтихия // Задворный В. Л. История римских пап. Т. I. С. 244–257.

природой, будучи полностью в Своей природе и полностью в нашей. Стало быть, Сын Божий входит в этот мир немощи, нисходя со Своего Небесного престола, но не покидая при этом славы Отца, придя в мир согласно новому порядку, согласно новому рождению. Новому порядку — ибо, будучи невидим в Своей природе, Он стал видимым в нашей; будучи непостижимым, восхотел стать постигаемым; существуя прежде всех времен, принял существование во времени»[106].

Между тем, созванный по инициативе императора Феодосия II (408–450) (находившегося под влиянием евтихиан) II Эфесский собор оправдал Евтихия и осудил его противников (в том числе Флавиана Константинопольского), к тому же полностью проигнорировав «Томос» Льва. В ответ папа, к которому на этот раз обратились за помощью уже ортодоксальные восточные иерархи, отверг эфесские решения (впервые обозначив собор как «Разбойничий») и потребовал созвать новый церковный съезд. Лишь в 451 г. с открытием IV Вселенского собора в Халкидоне вопрос об осуждении евтихиевой ереси был в основном разрешен (хотя развитие еретических группировок и сект так и не прекратилось). «Томос» папы Льва Великого был воспринят как основа

[106] Цит. по: Христианское вероучение. Догматические тексты… С. 188–189.

ортодоксальной христологии и на ближайшие десятилетия стал главным программным документом в борьбе с монофизитами — что, правда, не помешало ему в будущем подтолкнуть и целую волну новых догматических споров.

Преемники Льва — папы Илар и Симплиций — стремились всячески поддержать реноме св. Престола как оплота истинной ортодоксии (теперь уже не только никео-константинопольского, но и халкидонитского толка) и продолжать его политику. Это проявилось и в организации уже упомянутых Галльского и Испанского викариатов, и в активной полемике с ересями, по-прежнему разобщавшими имперское христианство. По мере возможностей (которые, впрочем, таяли почти на глазах) заботились эти папы и о собственной столице. Так, Илар вложил большие средства в украшение четырех из «великих базилик» и основал монастырь при церкви св. Лаврентия за стенами. А Симплиций освятил в Риме четыре новых церкви, причем частично переоборудовал для этого бывшие языческие храмы и общественные здания, расположенные уже не на окраинах (как во времена Константина Великого), а в самом настоящем центре города, на Эсквилине и Целии[107]. Однако сил и энергии для

[107] Liber Pontificalis… T. I. P. 242–245, 249. Церковным строительством к этому времени вообще оказались не затронуты только Капитолий и Палатин.

защиты города у этих епископов было уже значительно меньше, чем у Льва. К середине V в. дезинтеграция римской государственности на Западе оказалась уже необратимой; а в 60-е гг. положение западной части Империи ухудшилось настолько, что римскому первосвященнику нередко приходилось терпеть своих идейных противников даже в собственной епархии, где под покровительством начальника императорской гвардии свева Рикимера действовало полноценное арианское епископство (!). Неизменной оставалась и военная опасность — в июле 472 г. Рим в ходе гражданской войны был захвачен и разграблен Рикимером и его германскими наемниками, а осенью 476 г. государство, породившее римскую церковь, и вовсе перестало существовать, уступив место королевству германского военачальника Одоакра.

Глава II

Папы в эпоху «темных веков»

§ 1. Между Византией и варварами (конец V — конец VI в.)

Падение Западной Римской империи в 476 г. прошло незамеченным для большинства современников и в течение долгого времени практически не воспринималось как сколь-нибудь значимое событие в истории Европы. Вместе с тем для судеб западного христианства дата эта была весьма важной. Она знаменовала собой официальное и окончательное уничтожение того государства, порождением и «слепком» которого в известном смысле была вся тогдашняя христианская церковь. С наступлением новой эпохи — эпохи варварских королевств — церковным структурам Запада, в том числе и апостольскому престолу, предстояло влиться и в новую систему отношений, радикально отличавшуюся от знакомого им упорядоченного римского социума. Правда, такое изменение политической обстановки вокруг римской церкви и необходимость

приспосабливаться к новому окружению отнюдь не означали полного крушения идеи о верховенстве Рима. Утрата Вечным городом его традиционного политического значения, напротив, позволила ему окончательно превратиться в *духовную* столицу западного мира — стать тем *христианским* «Roma aeterna», о котором незадолго до свержения Ромула Августула рассуждал в своих посланиях и проповедях Лев I Великий, видевший в папском Риме подлинное воплощение «Града Божия» на земле. Впрочем, в начале рассматриваемого нами периода папский престол еще только готовился к этому превращению.

Еще задолго до смещения последнего западного императора по соседству с римскими епископами начали массово селиться адепты, казалось бы, давно побежденной арианской ереси. Так, около 409 г. на северо-западе Иберийского (Пиренейского) полуострова осел племенной союз свевов; в 413 г. на левом берегу Рейна в районе будущего города Вормс обосновались бургунды (впоследствии изгнанные гуннами); ариане-вестготы в 418 г. официально в качестве федератов заняли земли Галлии от Луары до Пиренейского хребта; наконец, в 435 г. имперские власти вынуждены были признать существование в Северной Африке самостоятельного королевства, основанного агрессивными и опасными (в том числе и для «никейской» церкви) вандалами. На фоне всего этого приход к власти в Италии еще одно-

го варварского правителя — тем более сравнительно либерально настроенного по отношению к ортодоксальному клиру — скорее всего, почти не вызвал у современников удивления. А единственным раздражающим обстоятельством для римских первосвященников на первых порах, по-видимому, стало восстановление в их столице арианского епископства. Лишь семь лет спустя, уже после смерти папы Симплиция (март 483 г.), италийский король Одоакр (476–493) предпринял попытку вмешаться в жизнь римской епархии, присвоив себе контроль за ходом папских выборов (и сделав это якобы с ведома и разрешения покойного папы)[1]. Такая беспрецедентная мера, к тому же законодательно закрепленная, без сомнения, сильнейшим образом ущемляла традиционные права римского духовенства. Однако сопротивляться светской власти — тем более, власти варвара-арианина, только номинально подчинявшегося восточному императору[2], — у пап того времени явно не было возможности.

---

[1] См.: Synodus Romana IV sub Symmacho alias Palmaris appellata // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi... evulgavit. Florentiae, 1762. T. VIII. Col. 264–265; Acta synhodorum habitarum Romae A. CCCCXCVIIII. DI. DII // MGH. AA. T. XII. P. 445.

[2] Сместив с престола малолетнего императора Ромула Августула (475–476), Одоакр отослал его императорские регалии в Константинополь и признал за императором Восточной империи Зеноном формальное верховенство над Италией.

Но гораздо большей проблемой, отвлекавшей и от короля-арианина в Равенне, и от церковной дисциплины в западных епархиях, было для пап положение восточных церквей, большинство которых — несмотря на постановления Халкидонского собора — в 70-е гг. V в. вновь погрузилось в христологические споры.

В 482 г. восточноримский император Зенон (474–475, 476–491), опасаясь религиозного и политического сепаратизма монофизитских провинций, совместно с патриархом Акакием Константинопольским (471–489) выпустил в свет специальный «примирительный указ» — «Энотикон» (иначе — Генотикон, Ἑνωτικόν, Henoticon)[3]. Основной целью этого документа — содержание которого не было согласовано ни с тогдашним папой Симплицием, ни с другими иерархами, — было составление компромиссной вероучительной формулы, которая позволила бы примирить монофизитов и ортодоксов, а главное, предотвратила бы их столкновения в будущем.

При написании «Энотикона» его авторы, император Зенон и патриарх Акакий, исходили из того, что унификация существующих христианских доктрин (ортодоксии и монофизитства)

---

[3] См. текст у Евагрия Схоластика: *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книги I–VI / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. И. В. Кривушина. СПб., 2010. С. 198–200 (III, 14).

должна происходить на основе *общего* вероучительного наследия, а то, что их разъединяет, следует попросту опустить. Таким образом, основное содержание указа заключалось в подтверждении постановлений Никейского, Константинопольского и (I) Эфесского соборов, а о соборе Халкидонском (равно как и о его *оросах*, основанных на христологии папы Льва) не было сказано ни слова. При этом на продолжение богословских споров и создание каких-либо новых догматических определений накладывался категорический запрет. Успех этого мероприятия, представлявшийся его инициаторам несомненным, на поверку оказался более чем скромным. Будучи компромиссным решением, документ, по существу, не удовлетворил ни ортодоксов, ни монофизитов, поскольку не внес в толкование христианской доктрины ни одного конструктивного определения, а лишь перечеркнул уже достигнутые результаты.

До апостольского престола «Энотикон» дошел уже после смерти Симплиция, когда кафедру св. Петра занял новый папа — Феликс III (II) (483–492), для которого появление этого эдикта было тем более удивительным, что его составление в течение долгого времени оставалось для Рима полнейшей тайной. Узнав о том, что догматическая формула «Энотикона» стала обязательной для всех восточных церквей, а Акакий уже приступил к смещению и вытеснению

ортодоксальных епископов[4], Феликс направил в Константинополь специальное посольство и письменно призвал патриарха объяснить свои действия. Попытка эта оказалась, однако, безрезультатной. Акакий на папские призывы не ответил, а римские легаты, епископы Виталий и Мизен, были введены в заблуждение и то ли под давлением властей, то ли в результате подкупа приняли участие в патриаршей службе, в ходе которой в церковные диптихи было внесено имя александрийского монофизита Петра Монга («альтернативного» местного епископа)[5]. В ответ папа созвал в Риме собор и 22 июля 484 г. отлучил патриарха от церкви[6]. Акакий со своей

---

[4] Так, например, из Александрии вынужден был бежать избранный патриарх Иоанн Талайя — его место занял монофизит Петр Монг (482), с которым Акакий и вступил в переговоры для выработки «компромисса». Иоанну же, как в свое время и св. Афанасию Великому, оставалось искать спасения в Риме.

[5] *Евагрий Схоластик*. Церковная история… С. 208–209 (III, 20–21). О подозрении в подкупе см., напр.: Liber Pontificalis / Texte, introd. et comment. par l'abbé L. Duchhesne. Paris, 1886–1892. T. I. P. 252.

[6] Concilium Romanum primum sub Felice III contra Acacium Constantinopolitanum & Petrum Fullonem // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1762. T. VII. Col. 1105–1110; Epistolae Romanorum Pontificum genuinae et quae ad eos scriptae sunt a S. Hilaro usque ad Pelagium II / Ed. A. Thiel. Brunsbergae, 1868. T. I: A S. Hilaro ad S. Hormisdam. P. 239–240, 243–250.

стороны ответил тем же и вычеркнул из своих диптихов имя папы. Эти события положили начало так называемой Акакианской (или Акакиевой) схизме — первому в истории расколу между восточной и западной церквями, который продлился без малого 35 лет (484–519 гг.) и уже вскоре после своего начала послужил причиной сразу нескольких конфликтов, затронувших не только церковную, но и гражданскую сферу (и основательно запутавших жизнь папам).

Вопрос о каноничности подобных действий папы Феликса до сих пор привлекает внимание исследователей[7]. Ведь осуждение и обвинение в ереси в адрес патриарха Акакия прозвучали весьма категорично и без широкого обсуждения с представителями прочих поместных церквей (не говоря уже о созыве *Вселенского собора*). Впрочем, непринятие римским престолом «Энотикона» и всех, кто так или иначе был с ним связан, в данном случае следует рассматривать скорее как еще одну возможность для пап постулировать свое верховенство в рамках христианской Церкви (и особенно верховенство над Константинополем) — возможность, которую они не без проблем, но все же смогли реализовать, и отчасти именно благодаря изменившимся политическим условиям на Западе.

---

[7] См., напр., работы современного отечественного историка М. В. Грацианского.

В 488 г. император Зенон в нарушение прежних договоренностей с Одоакром, предложил занять территории его королевства — Рецию, Норик и Италию — племенному союзу остготов (на правах федератов квартировавшему в Паннонии, Македонии и Мёзии). Формальным поводом для этого стала предполагаемая поддержка Одоакром мятежного восточноримского полководца Илла, неоднократно оспаривавшего власть Зенона[8]. С этого момента Италия стала ареной новой кровопролитной войны, которая продолжалась пять лет (488–493 гг.) и почти полностью разорила страну, повергнув ее в состояние жесточайшей разрухи. Крупные города, в том числе Рим, почти опустели, повсюду свирепствовал голод; большие потери понесло и местное духовенство, ряды которого за время боевых действий, судя по данным источников, существенно поредели. Никакой помощи италийскому населению с Востока организовано не было, так что мы можем предположить, что своей политикой Зенон мог преследовать сразу несколько целей: с одной стороны, его интриги позволяли удалить с территории Восточной империи опасных

[8] О версиях этого события см.: *Прокопий Кесарийский*. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева; вступ. ст. З. В. Удальцовой. М., 1950. С. 78 (I, 1, 9–13); *Евагрий Схоластик*. Церковная история… С. 221–222 (III, 27); *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб., 2000. С. 117.

и непредсказуемых варваров, с другой — должны были подтолкнуть упрямого папу к поиску поддержки ценой вероучительного компромисса. Но все оказалось напрасно. Ни какое-либо давление, ни бедственное положение Италии и самого Рима, к началу 90-х гг. V в. потерявшего около половины своих жителей, не могли заставить римского епископа пойти на попятную в вопросах веры. Более того, пришедший на смену инициатору раскола, Феликсу III, Геласий I (492–496) — бывший не только способным руководителем, но и видным богословом, — отстаивал халкидонскую теологию с еще бóльшим пылом, чем его предшественник. В своих посланиях и трактатах (таких как «Gesta de nomine Acacii», «De duabus naturis in Christo», «Tomus de anathematis vinculo»)[9] он последовательно рассматривал и опровергал главные тезисы учения монофизитов, что, естественно, не могло не задеть промонофизитски настроенное, лояльное императорам восточное духовенство. Со своей стороны, власти Восточной Римской империи — как и раньше, опасавшиеся провинциального сепаратизма — также не способствовали устранению раскола. Таким образом, несмотря на то, что к весне 492 г. все фигуранты изначального

[9] Gelasii Papae I epistolae et decreta // PL. T. LIX. Col. 102–110; Epistolae Romanorum Pontificum genuinae… P. 510–524, 530–570.

конфликта (патриарх Акакий, Петр Монг, император Зенон, папа Феликс и пр.) уже покоились в могиле, схизма, разделившая Вселенскую церковь, по-прежнему продолжалась.

Следует отметить, что в переписке с константинопольским двором папе Геласию I суждено было не только представить «римское видение» акакианской проблемы, но и во многом заложить основы для всех будущих (средневековых) спекуляций на тему примата римского престола как по отношению к другим церквям, так и по отношению к светским правителям. В этом смысле особый интерес для историков представляет папское письмо императору Анастасию I (491–518) от 494 г., в котором Геласий — в развитие мыслей своего великого предшественника Льва I (восприятие наследия которого отчасти и «подготовило» Акакианскую схизму) — рассуждает о соотношении прерогатив и полномочий мирской власти (regalis potestas) и власти епископской (auctoritas sacrata pontificum)[10].

Помимо досадного раскола и пререканий с Константинополем папе Геласию уже с первых дней понтификата пришлось решать и проблемы отнюдь не религиозного свойства — речь шла о восстановлении церковных владений, помощи пострадавшим от войны жителям Рима и его

[10] Речь идет о послании «Famuli vestrae pietatis». См.: Ibidem. P. 350–358 (особ. P. 350–351).

окрестностей, восполнении кадровых потерь италийской митрополии. В большинстве подобных дел залогом успеха служили обширные ресурсы, накопленные римской кафедрой в предшествующие десятилетия. Но не менее важным оказалось и политическое чутье папы. Именно оно уже в 493 г. (сразу же после устранения Одоакра) подтолкнуло его к безоговорочному признанию нового правителя Италии — остготского короля Теодориха (493–526). Последний, несмотря на свою принадлежность к арианству, отчетливо сознавал специфику завоеванного им региона и потому считал необходимым сохранять мир с местным ортодоксальным епископатом. Вдобавок между ним и Геласием со временем завязались вполне теплые, почти дружеские отношения, а это не только облегчило умиротворение Италии, но и во многом компенсировало папе отсутствие политической поддержки со стороны Востока, фактически «подарив» римскому престолу первого союзника (!) из числа варваров[11]. Такое начало позитивного общения с новыми обитателями Запада, без сомнения, стало очень важной вехой в истории раннесредневековой церкви и папства — однако

[11] О правлении Теодориха в Италии см., напр.: Consularia Italica // MGH. AA. T. IX. P. 322 (Anonymi Valesiani pars posterior. 12, 58–60). См. также письма папы к матери Теодориха, Эрелиеве: Epistolae Theodoricianae variae // MGH. AA. T. XII. P. 390.

ближайшие его последствия были несколько неоднозначными.

Со смертью Геласия I на римскую кафедру был избран менее искушенный в богословии и менее принципиальный Анастасий II (496–498), выдвижение которого, по-видимому, было продиктовано желанием какой-то части римского «клира и мира» вновь сблизиться с восточной церковью. Едва взойдя на престол, новый папа направил императору Анастасию I послание, в котором, среди прочего, выражал надежду на восстановление церковного единства («Epistola Anastasii Papae II Urbis Romae ad Anastasium Imperatorem»)[12]. Формально позиция Анастасия II по отношению к восточным раскольникам ничем не отличалась от позиции его предшественников — Феликса III и Геласия I, — однако *тон* его письма был менее категоричен, на что в Константинополе не могли не обратить внимания. Весьма многообещающим для восточных иерархов должно было выглядеть и возобновление в 497 г. контактов между папой и епископом Андреем Фессалоникийским (осужденным при Геласии за поддержку патриарха Акакия[13]). В то же время

---

[12] Vita, epistolae et decreta Anastasii Papae II // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. VIII. Col. 188–192; Epistolae Romanorum Pontificum genuinae… P. 615–623.

[13] Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia ad annum post Christum natum MCXCVIII / Ed. Ph. Jaffé; editionem secundam correctam et auctam… curaverunt

у большинства *римского* духовенства такие чрезмерно «примиренческие» порывы Анастасия II вызывали нарастающее раздражение[14]. Скандал разразился на фоне переговоров, для которых в Константинополь направились совместно папские легаты, епископы Кресконий и Герман, и посланцы Теодориха. Последние рассчитывали получить от императора подтверждение за своим правителем королевского титула и прав на Италию. Однако император Анастасий I увидел в ситуации более выгодные для себя перспективы. Он заявил, что готов признать Теодориха королем в том случае, если Рим в обмен подпишется под «Энотиконом». Реакция папских легатов на это предложение осталась неизвестной. Но возглавлявший светское посольство сенатор Руфий Постумий Фест, вступив с имперскими властями в тайные переговоры, поручился Анастасию I, что сумеет склонить папу к принятию предложенных условий[15]. Уверившись в скором торжестве своей религиозной политики, император подтвердил законность остготского

S. Loewenfeld, F. Kaltenbrunner, P. Ewald. Leipzig, 1885–1888. T. I. P. 55 (n. 393).

[14] См.: Liber Pontificalis… T. I. P. 258. Фессалоникийский диакон Фотин был принят в Риме, а затем и вовсе отправлен от имени папы в Константинополь для наблюдения за богословскими диспутами с александрийским духовенством.

[15] Excerpta ex Ecclesiastica Historia Theodoris Lectoris // PG. T. LXXXVI. Col. 191–194 (II, 17).

господства над Италией (498 г.) и начал ждать результатов сенаторской авантюры. Но едва послы папы и Теодориха, двинувшись в обратный путь, ступили на италийскую землю, как папа скоропостижно скончался.

Попытка примирения с еретиками-монофизитами не пошла папе Анастасию впрок. Его имя не было включено в римские мартирологи, а подозрение в сговоре с погрязшими в ереси восточными властями сделали его вторым после Либерия (попавшего в аналогичную ситуацию) не канонизированным папой. А сама его смерть (как и смерть его тезки императора Анастасия в июле 518 г.[16]) буквально сразу же обросла мифами и сплетнями, заставив народ говорить о знаках божественного провидения.

Сориентировавшись в ситуации, сенатор Фест, верный договоренности с императором, начал действовать сразу же после похорон папы Анастасия и с помощью привезенного из Константинополя золота подкупил часть римского клира с тем, чтобы преемником умершего был выдвинут римский архипресвитер Лаврентий — обещавший, со своей стороны, в благодарность подписать «Энотикон». В результате в день

---

[16] По легенде, император, впоследствии получивший за свои монофизитские предпочтения прозвище «Нечестивый», был убит ударом молнии: *Victor Tununensis ep.* Victoris Chronicon, continuans ubi Prosper desinit // PL. T. LXVIII. Col. 952.

епископских выборов, 22 ноября 498 г., римское духовенство разделилось надвое. Меньшая его часть (поддерживаемая Фестом и римской знатью) направилась в церковь Санта-Мария-Маджоре, где папой был избран Лаврентий (498–499; 501–506); бóльшая же часть (выступавшая против продолжения компромиссной политики Анастасия II) обосновалась в соборе св. Петра, где был выдвинут диакон Симмах (498–514)[17]. Так на период с 498 по 506 г. в Риме на Акакианскую схизму наложилась схизма Лаврентьевская…

События в Риме принимали все более драматический характер. Начавшиеся сразу же после двойных выборов отдельные уличные столкновения между приверженцами Лаврентия и Симмаха быстро переросли в открытую гражданскую войну, как и во времена Дамаса I, сопровождавшуюся кровавыми сражениями на улицах, погромами и захватом церквей. Прекратить беспорядки удалось лишь королю Теодориху, который в феврале 499 г. призвал обоих кандидатов к себе в Равенну и, изучив суть дела, оставил папский престол за Симмахом — за которого выступило *большинство* выборщиков (для обеспечения порядка остготский король также направил в Рим военный отряд и сам провел там около полугода).

На какое-то время обстановка вокруг апостольского престола вновь стала спокойной.

---

[17] Liber Pontificalis… T. I. P. 260.

114 Однако сенатор Фест и его провизантийски настроенные сторонники не оставляли своих намерений. Сфабриковав против Симмаха ложные обвинения в узурпации епископской кафедры и нарушении церковной дисциплины[18], они вновь обратились к Теодориху. Последний, впрочем, — к счастью для папы — не желал лично вмешиваться во внутренние дела Церкви и предоставил решать участь Симмаха синоду италийских епископов, который и был созван в октябре 502 г. Собравшиеся на нем иерархи были единодушны в оправдании своего несправедливо обвиненного патрона и уже 23 октября провозгласили его единственным законным папой, добавив к этому особое каноническое определение, согласно которому понтифик объявлялся неподсудным никакому земному суду («papa a nemine judicatur»). В подкрепление этого постановления в ходе дополнительного собора, созванного Симмахом в Риме в ноябре 502 г., римское духовенство также отменило принятый в 483 г. указ Одоакра[19] —

---

[18] Epistolae Romanorum Pontificum genuinae… P. 657–670; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 62. Среди прочего, папу обвиняли и в том, что он совершает Пасху не по официально принятому церковью александрийскому, а по старому римскому календарю (применение которого было прекращено после Никейского собора).

[19] Epistolae Romanorum Pontificum genuinae… P. 686–687; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 63.

тем самым официально освободив папские выборы от вмешательства светской власти.

Впрочем, торжествовать эту новую победу папе также предстояло недолго. Удаление из Рима остготского военного отряда фактически открыло ворота Вечного Города для антипапы Лаврентия, который, вернувшись к своим сторонникам, вновь принялся за организацию уличных волнений и беспорядков. Таким образом, римская схизма, несмотря на свое формально зафиксированное прекращение, по-прежнему продолжалась. И только по прошествии четырех лет, в 506 г., благодаря посредничеству диаконов Эннодия (будущего епископа Павийского) и Диоскора Александрийского, а также самого короля Теодориха — решившегося, наконец, открыто поддержать Симмаха[20], — папская столица начала понемногу возвращаться к мирной жизни.

Что касается Акакианской схизмы, послужившей изначальным толчком для всех этих бед и треволнений, то ее развязка наступила лишь в понтификат преемника Симмаха, папы Гормизда (514–523). Правда, самые первые «примирительные» инициативы (в середине 510-х гг.) вновь исходили от Константинополя — император Анастасий I в тот момент был озабочен

[20] Окончательный переход Теодориха на сторону папы Симмаха был во многом обусловлен охлаждением отношений с Восточной империей, ставленником которой выступал антипапа Лаврентий.

борьбой с мятежным полководцем Виталианом и снова нуждался в установлении хотя бы формального церковного единства и желательно на основе «Энотикона»[21]. Но со смертью этого правителя и восшествием на византийский престол приверженца никео-халкидонской ортодоксии Юстина I (518–527) расстановка сил в Империи и церкви изменилась. В ответ на обращение нового императора папа Гормизд (предварительно обсудив все с Теодорихом) направил в Константинополь дипломатическую делегацию во главе со своим ближайшим помощником, диаконом Диоскором Александрийским, — и 28 марта 519 г. в столице Империи была торжественно подписана так называемая «Формула Гормизда» («Formula Hormisdae» или «Libellus Hormisdae»), положившая конец Акакианскому расколу[22].

Завизированная константинопольским патриархом Иоанном, а также многочисленными епископами и игуменами восточных монастырей,

---

[21] См.: Epistolae Romanorum Pontificum genuinae… P. 741–742, 761–765; *Victor Tununensis ep.* Victoris Chronicon… Col. 950–951. Первые попытки прийти к соглашению оказались обречены на неудачу — причиной тому были прежде всего жесткость требований, высказываемых папскими легатами, и неуступчивость монофизитских иерархов.

[22] Epistolae Romanorum Pontificum genuinae… P. 754–755, 852–854; Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab a. CCCLXVII ad a. DLIII datae Avellana quae dicitur collectio / Ed. O. Gventher. Pragae; Vindobonae; Lipsiae, 1898. Pars II. P. 520–522, 605–610; Liber Pontificalis… T. I. P. 270.

«Формула», по сути, отражала все изначальные требования папского престола. При этом в документе не только декларировалась истинность отстаиваемой понтификами халкидонской христологии, но и утверждалось, что именно в Риме с древнейших времен сохранялась истинная христианская вера во всей ее апостольской чистоте[23]. В соответствии с «Формулой Гормизда» авторы и сторонники «Энотикона» — патриарх Акакий и императоры Зенон и Анастасий I — были преданы анафеме, а их имена навсегда исключались из диптихов.

Победа над расколом, прекратившая первое в истории разобщение между двумя главными христианскими церквями, стала самым ярким достижением папы Гормизда, который — несмотря на сохранение монофизитской угрозы — не только сумел отстоять ортодоксальное учение, но и еще раз подтвердил вероучительный авторитет Рима. Не менее значимо для папского престола было и примирение с властями Восточной империи, в которой часть римского и италийского общества по привычке видела если не воплощение старого римского государства, то, по крайней мере, его наследницу. В то же время, увлекшись на целых 35 лет догматическими спорами с Востоком, папы почти

---

[23] Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви III–XX вв. / Пер. с фр. СПб., 2002. С. 244.

позабыли о проблемах христианского Запада. А между тем, за это время в западных епархиях приключилось множество событий. Вспыхнули и растворились до лучших времен новые еретические движения (например, традуционизм в Галлии); крещение — и сразу же по ортодоксальному образцу — приняли франки (между 496 и 508 гг.)[24]; сместились в результате войн границы недавно образованных варварских королевств; в любимом детище пап, Арелатском викариате, наметился кризис епископской дисциплины. И если с некоторыми из этих вопросов папам удалось каким-то образом разобраться (например, назначив викарием подвижника и богослова Цезария Арелатского в 514 г.[25]),

---

[24] См. в этом контексте: Vita, epistolae et decreta Anastasii Papae II… Col. 193; Epistolae Romanorum Pontificum genuinae… P. 623–624. См. также: *Григорий Турский*. История франков / Пер. с лат. В. Д. Савуковой. М., 2023. С. 78–79 (II, 31).

[25] Epistolae Arelatenses genuinae // MGH. Epistolae. T. III. P. 35–36 (25). Цезарий также удостоился особой чести — папа вручил ему епископский паллий (лат. pallium — отличительная деталь облачения епископа-митрополита, вытканная из белой шерсти широкая лента, украшенная шестью крестами из черного сукна, которая надевается через плечо). Это был первый паллий, полученный от апостольского престола митрополитом, провинция которого лежала за пределами Италии. См.: Vita Caesarii episcopi Arelatensis libri duo… // Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici et antiquiorum aliquot / Ed. B. Krusch. Hannoverae, 1896. P. 473 (I, 42).

то с другими — такими, как гонения на ортодоксов в вандальской Северной Африке, — сделать что-либо было уже невозможно. А впереди св. Престол ждали новые сложности, и причиной им, как ни парадоксально, было восстановление отношений с Византией…

* * *

В определенном смысле предвестие новых проблем в жизни папского престола можно было усмотреть еще в событиях Акакианского и Лаврентьевского расколов. После 476 г. в римском и италийском обществе (особенно в среде знати) в течение долгого времени сохранялось довольно заметное число людей, которые ратовали за восстановление прежних государственных порядков. Восточная же империя, по-видимому, и вовсе никогда не воспринимала падение Запада как *потерю* территорий — и рассматривала варварское господство над западными провинциями как сугубо временное явление. Разумеется в период ожесточенных догматических споров, осложненных к тому же политической нестабильностью на Востоке, говорить о каком-либо полноценном их возвращении под императорскую власть было затруднительно. Но с формальным восстановлением религиозного единства (519 г.) надежды на «реставрацию»

великого государства вновь поселились в умах наиболее памятливых и честолюбивых граждан как Рима, так и Константинополя. К числу таковых относился и молодой амбициозный политик и полководец Юстиниан, с начала 20-х гг. VI в. ставший главным советником, а потом и соправителем своего дяди Юстина I. С именем этого человека будет связана первая в истории попытка восстановления христианской Римской империи, — а заодно и целая череда злоключений для римских епископов.

Завязкой будущих драматических событий с участием римской кафедры, Восточной империи и Остготского королевства стал изданный в 523 г. эдикт императора Юстина, предписывавший преследовать ариан по всей территории Империи. С этого момента против восточных приверженцев арианства — среди которых было немало готов — начались настоящие гонения: их лишали руководящих должностей, конфисковывали их храмы, принуждали их к принятию ортодоксального исповедания. В ответ на это остготский король Теодорих — уже в достаточной мере ознакомленный с настроениями подвластного ему населения и потому не без оснований опасавшийся измены не только по политическим, но и по религиозным мотивам — заявил, что предпримет аналогичные меры против ортодоксальной церкви в своем государстве. В последней попытке разрешить проблему дипломатическим

путем он вынудил папу Иоанна I (523–526) отправиться с посольством на Восток (начало 526 г.) с тем, чтобы добиться от императора отмены злосчастного антиарианского постановления[26].

В Константинополе папа был встречен с большим почетом и даже совершил там публичную пасхальную службу по латинскому обряду (на которой присутствовал весь императорский двор и многочисленные восточные иерархи). Однако выговорить у Юстина желаемое законодательное послабление для ариан ему так и не удалось. В мае 526 г. Иоанн I возвратился из Константинополя в Равенну, и Теодориху стало ясно, что, несмотря на некоторые уступки со стороны императора, основная задача задуманного им посольства осталась нерешенной. Заподозрив папу в сговоре с восточным правительством, король — ранее уже осудивший по аналогичному обвинению сенаторов Альбина и Симмаха и своего министра Боэция[27] — приказал арестовать его и заключить в тюрьму, где Иоанн, и без того больной и изнуренный

---

[26] Liber Pontificalis… T. I. P. 275; Consularia Italica… P. 328 (Anonymi Valesiani pars posterior. 15, 88–89).

[27] Поводом для их осуждения стал анонимный донос, обвинявший одного из них (Альбина) в тайных переговорах с константинопольским двором с целью свержения власти остготов в Италии. См., напр.: *Прокопий Кесарийский*. Война с готами… С. 80–81 (I, 1, 32–35); Liber Pontificalis… T. I. P. 276.

долгой дорогой, по прошествии нескольких дней скончался (18 мая 526 г.).

Стремясь избежать подобных инцидентов в будущем и укрепить свою власть за счет лояльного готам римского епископа, Теодорих начал тщательно готовиться к новым папским выборам. В результате через два месяца после кончины Иоанна I на римскую кафедру оказался выдвинут представитель проготски настроенной части римского духовенства — Феликс IV (III) (526–530). Однако воспользоваться этим союзом с церковью Теодориху было не суждено — в августе 526 г. он скоропостижно умер. Новым королем остготов был провозглашен его малолетний внук Аталарих (526–534), от имени которого страной начала править его мать Амаласунта. Отношения, сложившиеся между этой правительницей и Феликсом IV, были вполне дружескими — Амаласунта покровительствовала строительству церквей в Риме и способствовала уточнению судебных полномочий римского престола, для чего был издан специальный эдикт, объявлявший все судебные дела, связанные с клиром, исключительной прерогативой понтифика[28]. Вместе с тем, будучи достаточно опытным и дальновидным политиком, папа не мог не отметить

[28] Это постановление также оговаривало возможность передачи таких дел в светский суд — но лишь в том случае, если папа официально откажется от их рассмотрения.

ее явной непопулярности — при этом как среди римлян (и италийцев), так и среди ее соплеменников-готов. Положение регентши, в самом деле, было весьма шатким, и ее власть в королевстве — несмотря на определенную поддержку со стороны папского престола — уже к концу 20-х гг. VI в. начали все чаще оспаривать не только родственники покойного Теодориха, но и другие представители готской знати. И по иронии судьбы как раз в это время на троне Восточной Римской империи появился новый император — племянник умершего Юстина, Юстиниан I (527–565), — с самого начала правления объявивший своей основной целью восстановление Римской империи в ее прежних границах…

На рубеже 20-х — 30-х гг. напряжение, неуклонно нараставшее в римском обществе, постепенно передалось и Римской церкви. Это отчетливо проявилось уже в момент смерти Феликса IV, когда перед римским клиром встал вопрос о выдвижении нового епископа. И хотя покойный папа постарался максимально обезопасить церковь, заранее (!) назначив себе преемника[29], скандала и разногласий избежать все же не удалось. 22 сентября 530 г. на кафедру

[29] Формальным основанием для Феликса являлось постановление Симмаха от 499 г., позволявшее действующему понтифику выбирать себе преемника. См.: Synodus Romana I sub Symmacho papa // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. VIII. Col. 231–232.

св. Петра оказались выдвинуты сразу два кандидата: проготски настроенный ставленник Феликса, Бонифаций II (530–532) (сам по происхождению гот) и фаворит провизантийской фракции римского духовенства (и сената), знаменитый сподвижник папы Гормизда, диакон Диоскор. Схизма эта, правда, продлилась недолго — спустя три недели после своего избрания Диоскор умер (14 октября 530 г.), и его сторонники, принеся покаяние, вернулись под власть законного папы[30]. Однако сам факт разделения церкви по политическим мотивам был весьма показателен. На следующих епископских выборах волнения среди духовенства возобновились с прежней силой, так что новый папа — взошедший на престол под именем Иоанна II[31] (533–535) — был избран лишь через два с половиной месяца после смерти своего предшественника (январь 533 г.).

Тем временем грезивший о воссоединении Империи Юстиниан перешел от декларативных заявлений к делу. Первой его жертвой стало североафриканское королевство вандалов, которое было полностью разгромлено имперскими

---

[30] Liber Pontificalis… T. I. P. 281.

[31] В действительности папу звали Меркурием, однако, взойдя на римскую кафедру, он, очевидно, не пожелал сохранять свое чрезмерно яркое языческое имя. Это был первый случай переименования вновь избранного римского понтифика.

войсками уже в 534 г. Следующим полем битвы, очевидно, должна была стать Италия, и повод для начала войны не заставил себя долго ждать. В декабре 534 г. королева Амаласунта была отстранена от власти, а весной 535 г. убита по приказу своего двоюродного брата Теодахада[32]. Этого оказалось достаточно для того, чтобы полководцы Юстиниана выступили против остготов сразу на двух фронтах — в Далмации и на Сицилии. Стремясь не допустить дальнейшего развития боевых действий, Теодахад, пребывавший в состоянии паники, по примеру Теодориха направил в Константинополь посольство во главе с новым папой Агапитом I (535–536), которому в случае невыполнения своих требований пригрозил смертью. Впрочем, угрозы эти были столь же бессмысленны, как и дипломатическая миссия понтифика. В Рим Агапит I больше не вернулся. Прибыв в Константинополь в феврале 536 г., он успел вступить в догматические прения с самим императором и поучаствовать в диспуте со столичным патриархом Анфимом, в результате которого последний был уличен в «евтихианстве» и низложен[33]. Вскоре после этого папа заболел и умер (22 апреля 536 г.).

---

[32] *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов… С. 120; *Прокопий Кесарийский*. Война с готами… С. 88–90 (I, 4, 12–28).

[33] Liber Pontificalis… T. I. P. 287; *Marcellini V. C.* Comitis Chronicon // MGH. AA. T. XI. P. 105 (XIV, 10).

К тому времени императорская армия под командованием Велизария уже начала свое планомерное продвижение по землям Южной Италии. Несмотря на то, что наступление византийского войска порой сопровождалось проявлениями невероятной жестокости (как, например, в случае с взятием Неаполя[34]), италийцы с энтузиазмом встречали эту очередную смену власти, с которой большинство населения связывало свои мечты о возвращении «великого прошлого», восстановлении прав и привилегий. 9 декабря 536 г. отряды Велизария торжественно и почти без сопротивления вступили в Рим. Однако до полного подчинения Италии было еще далеко, и папы вскоре в полной мере осознали, насколько опрометчивыми с политической точки зрения были некоторые их шаги.

В самом начале весны 537 г. из Константинополя поступил приказ о немедленном низложении и заключении под стражу тогдашнего римского епископа — Сильверия (536–537). Официальной причиной этого ареста называлась попытка государственного переворота, для осуществления которого понтифик якобы вступил в тайные переговоры с готами, замышлявшими вернуть себе Рим и истребить весь его греческий гарнизон, включая наместника

---

[34] *Прокопий Кесарийский*. Война с готами… С. 109–110 (I, 10, 29–35).

Велизария[35]. Подобное объяснение произошедшего, содержащееся в *официальных* исторических сводах юстинианова периода (Прокопий Кесарийский, Марцеллин Комит)[36], представлялось весьма правдоподобным — в особенности, если учесть изначальную проготскую ориентацию Сильверия, в июне 536 г. буквально *силой* навязанного римской церкви королем Теодахадом («Qui Theodatus <…> talem timorem indixit clero ut qui non consentiret in huius ordinationem gladio puniretur»)[37]. Однако некоторые из современников трактовали ситуацию совершенно по-иному. Так, по сообщениям Виктора Туннунского, Либерата Карфагенского и того же Прокопия Кесарийского в его «Тайной истории», основной предпосылкой для удаления папы стала неприязнь императрицы Феодоры — скрытой сторонницы монофизитов («Theodora Augusta Chalcedonensis synodi inimica»), мстившей Апостольскому престолу и за защиту канонов Халкидонского собора, и за смещение с патриаршей кафедры ее фаворита, патриарха Анфима, и за отказ пересматривать дело о его

---

[35] Остготы под командованием Витигеса осаждали Рим с марта 537 по март 538 г. (*Иордан.* О происхождении и деяниях гетов… С. 121).

[36] *Прокопий Кесарийский*. Война с готами… С. 153 (I, 25, 13); *Marcellini V. C.* Comitis Chronicon… P. 105 (XV, 1).

[37] Liber Pontificalis… T. I. P. 290.

ереси[38]. В результате ее интриг 11 марта 537 г. епископ Сильверий оказался схвачен и, будучи переодет в простое монашеское одеяние, вывезен в ликийский городок Патара (на юге Малой Азии), а затем опять в Италию — на остров Пальмария в Лигурийском море. Там по прошествии восьми месяцев с момента ареста его вынудили отречься от престола, а спустя три недели (2 декабря 537 г.) он скончался — по словам Прокопия Кесарийского, вновь не без «помощи» со стороны Феодоры[39].

Узнав об изгнании Сильверия, римское духовенство в ужасе разбежалось («audientes fugerunt omnes»)[40], и византийское правительство Италии в лице полководца Велизария смогло беспрепятственно возвести на папский престол нового епископа. Им стал лояльный восточному двору Вигилий (537–555).

Церковная карьера нового папы — во многом обусловившая его появление на римском

---

[38] *Victor Tununensis ep.* Victoris Chronicon… Col. 956; *Liberatus Carthaginensis diac.* Breviarium causae Nestorianorum et Eutychianorum, collectum a Liberato archidiacono Ecclesiae Carthaginensis // PL. T. LXVIII. Col. 1039–1040; Liber Pontificalis… T. I. P. 292. См. также: *Прокопий Кесарийский.* Тайная история // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч., ст., коммент. А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 318.

[39] *Liberatus Carthaginensis diac.* Breviarium… Col. 1040; *Прокопий Кесарийский.* Тайная история… С. 318, 319.

[40] Liber Pontificalis… T. I. P. 293.

престоле в таких драматических обстоятельствах — началась еще в 20-е гг. VI в. Будучи диаконом при Бонифации II, Вигилий — очевидно, мечтавший о быстром карьерном росте, — добился, чтобы папа (по примеру Феликса IV) указал его своим официальным преемником, что было подтверждено даже соответствующими постановлениями Римского собора 531 г. Однако по прошествии некоторого времени Бонифаций, постепенно убеждаясь в неканоничности подобных назначений, отменил свое решение (и торжественно сжег составленный ранее документ перед гробницей ап. Петра)[41]. Так что Вигилию пришлось довольствоваться должностью апокрисиария — постоянного представителя папы при константинопольском дворе. Пользуясь своим положением, он вошел в близкое окружение императрицы Феодоры, которой пообещал в случае своего избрания папой пересмотреть отношение римской кафедры к монофизитам и восстановить в должности низложенного патриарха Анфима. Расположение Феодоры, игравшей в Империи роль едва ли не бóльшую, чем сам император, принесло свои плоды. И хотя предотвратить в июне 536 г. избрание Сильверия Вигилию не удалось, менее чем через год он сам вступил в Рим и сразу же в явочном порядке, без каких-либо

[41] Ibidem. P. 281.

консультаций с местным клиром и вдобавок при живом предшественнике, был *назначен* папой (29 марта 537 г.).

* * *

Первые десять лет своего понтификата ставленник Византии, Вигилий — поначалу весьма враждебно воспринятый италийским духовенством, — провел в Риме в обстановке относительного спокойствия (хотя и не предпринял ничего из обещанного им императрице Феодоре). Однако его преданность византийскому правителю отнюдь не означала, что он — в отличие от своего злосчастного предшественника — был застрахован от дальнейших интриг и конфликтов с Константинополем. Обострение отношений с восточным двором началось уже в 544 г., когда император Юстиниан для примирения вновь вспыхнувших религиозных споров опубликовал так называемый эдикт о «Трех главах» («In damnationem Trium Capitulorum»), в котором предлагал осудить за приверженность несторианской ереси трех богословов V в.: Феодора Мопсуестийского (ум. 428), Феодорита Кирского (ум. 458/466) и Иву Эдесского (ум. 457)[42].

[42] Текст эдикта фрагментарно сохранился в составе сочинения североафриканского богослова Факунда

Основная претензия к этим (уже давно умершим) христианским мыслителям заключалась в их сомнительных с точки зрения церковной ортодоксии высказываниях, которые можно было интерпретировать как пропаганду несторианского учения. Однако осуждены они в свое время — накануне и в период Халкидонского собора — так и не были. Это обстоятельство не укрылось от внимания монофизитов Империи, которые начали открыто заявлять, что притесняющая их официальная церковь сама по себе впала в ересь (несторианскую) и что недостатки халкидонских соборных оросов (по-прежнему способствующих расколу христианского мира) давно следовало бы «подчистить». Прекращению подобных спекуляций, по мысли авторов «Трех глав», императора Юстиниана и епископа Кесарии Феодора Аскиды и должен был служить новый «примирительный» эдикт. Таким образом, имперское правительство второй раз за 60 лет попыталось добиться догматического единомыслия, религиозной «монолитности» страны простым и понятным способом — перечеркнув «лишнее» прошлое.

Решив во что бы то ни стало добиться подписания этого очередного компромиссного

Германского «В защиту Трех глав». См.: Facundi Hermianensis episcopi pro defensione Trium Capitulorum Concilii Chalcedonensis libri XII ad Justinianum imperatorem // PL. T. LXVII. Col. 527–852.

постановления, Юстиниан вызвал в Константинополь папу Вигилия, авторитет которого должен был повлиять на колеблющихся восточных иерархов. Но Вигилий, сам слабо ориентировавшийся в богословии, после консультаций с западным духовенством принял решение отвергнуть эдикт. Такое неповиновение со стороны римского епископа, ранее всецело поддерживавшего императорскую власть, всерьез разозлило Юстиниана и Феодору. 20 ноября 545 г. в Рим прибыл имперский чиновник Анфимий с вооруженным отрядом и приказом схватить папу, а 22 ноября Вигилий был похищен в разгар службы из базилики св. Цецилии в Трастевере[43]. Правда, к константинопольскому двору его доставили лишь в начале 547 г., после почти годичного домашнего ареста на Сицилии.

Оказавшись в византийской столице, папа Вигилий действовал непоследовательно и сумбурно, то отказываясь от подписания эдикта и отлучая патриарха Мину, то вступая в переговоры с императором с тем, чтобы потом вновь начать сопротивляться. В конечном итоге угроза очередного ареста (прямо в алтаре константинопольской церкви св. Петра in Ormisda[44])

---

[43] Liber Pontificalis… T. I. P. 297.

[44] Ныне не существующая церковь, располагавшаяся рядом с акведуком императора Валента и «Дворцом Плацидии», который служил резиденцией папских апокрисиариев.

вынудила его бежать и скрыться в Халкидоне (23 декабря 551 г.).

К этому времени новости о странном поведении Вигилия и его возможном отступничестве от халкидонской ортодоксии уже достигли западных епархий и даже успели посеять раскол — в 550 г. его отлучил от церкви синод североафриканских епископов, брожения начались и среди духовенства Галлии и самой Италии[45]. По-прежнему не утихала и византийско-готская война, так что Юстиниану, не имевшему возможности «подыскать» себе нового, более послушного папу, пришлось вновь уговаривать беглого Вигилия вернуться в Константинополь. Рассмотрение вопроса о «Трех главах» решено было передать в руки Вселенского собора, открытого по настоянию императора в мае 553 г. (V Вселенский, II Константинопольский собор). Однако папа Вигилий снова не пожелал идти на компромисс и отказался посещать соборные заседания, мотивируя это отсутствием делегатов от западных церквей и неразумностью пересмотра постановлений предшествующих Вселенских соборов[46]. Неучастие папы фактически лишало собор его номинального вселенского статуса, так что в ответ на заявление Вигилия соборные

---

[45] См., напр.: *Victor Tununensis ep.* Victoris Chronicon… Col. 958–959.

[46] См., напр.: Vigilii Papae epistolae et decreta // PL. T. LXIX. Col. 67–114 (Constitutum de Tribus Capitulis).

отцы (под влиянием Юстиниана) постановили низложить его и вместе с некоторыми другими противниками эдикта о «Трех главах» отправить в ссылку. Ситуация разрешилась лишь по прошествии нескольких месяцев (в декабре 553 г.), когда Вигилий, изнуренный условиями своего очередного ареста (на одном из островов Мраморного моря), признал в послании к патриарху Евтихию, что ему не следовало отказываться от участия в обсуждении императорского эдикта. В особом постановлении, известном как «Constitutum II», папа подтвердил все решения II Константинопольского собора и поддержал анафематствование Феодора Мопсуэстского, а также отдельных подозрительных сочинений Феодорита Кирского и Ивы Эдесского (23 февраля 554 г.)[47]. После этого он был наконец освобожден из-под стражи и получил разрешение вернуться в Рим. Однако вновь увидеть Вечный Город ему так и не посчастливилось — он умер 7 июня 555 г., успев добраться только до Сицилии.

Нового папу Юстиниан — минуя все и всяческие выборные процедуры — назначил, по-видимому, довольно быстро. Выбор его пал на уже известного при дворе диакона Пелагия, после 536 г. служившего папским апокрисиарием, а затем управлявшего делами римской епархии

[47] Ibidem. Col. 143–178 (Vigilii Papae Constitutum pro damnatione Trium Capitulorum, editum a. c. 554).

в отсутствие Вигилия (545–555)[48]. Однако с его посвящением пришлось повременить до середины апреля 556 г., поскольку из-за разорения Италии и сумятицы, царившей среди местного духовенства после историй с Вигилием, достаточного числа епископов для участия в этой процедуре было попросту не найти[49].

Ситуация вокруг римской кафедры в это время и в самом деле была очень сложной. Неоднократный захват Рима войсками остготского короля Тотилы (541–552) и возвращение византийской армии привели к тому, что папская столица и ее окрестности почти обезлюдели. Население Рима страдало от голода, разрухи и постоянных грабежей, к которым не стеснялись прибегать ни готы, ни греки; не улучшила положение и знаменитая «Юстинианова чума», «заглянувшая» в Италию уже в середине 540-х гг. и периодически вспыхивавшая до конца столетия. Обширные владения апостольского престола, расположенные на Сицилии и в Южной Италии, были почти полностью разорены, а то и вовсе утрачены. Заметно

---

[48] По сообщению Либерата Карфагенского, Пелагий был рукоположен диаконом еще при Агапите I, которого он сопровождал в 535–536 гг. в Константинополь. Исполняя должность папского апокрисиария, он, по словам Прокопия Кесарийского, «стал близким другом императора Юстиниана» (*Liberatus Carthaginensis diac.* Breviarium… Col. 1039; *Прокопий Кесарийский.* Война с готами… С. 300–301 (III, 16, 5–8)).

[49] Liber Pontificalis… T. I. P. 303.

испортились и отношения римской кафедры с провинциальными церквями Запада, представители которых в большинстве своем крайне негативно отреагировали на действия Вигилия на Востоке и с еще бóльшим неприятием встретили подтверждение решений V Вселенского собора, которого Юстиниан потребовал от Пелагия I (556–561). С наиболее жесткой оппозицией римская церковь встретилась в самой Италии, а точнее на севере Апеннинского полуострова, где уже с IV в. существовали два крупных и влиятельных епископства — Милан и Аквилея. Узнав об осуждении «Трех глав» на Константинопольском соборе, руководители этих епархий — несмотря на отсутствие в соборных декретах каких-либо явных противоречий халкидонской христологии — тотчас же разорвали церковное общение с Римом. А епископ Павлин Аквилейский, считая себя единственным оставшимся главой *истинной* христианской церкви, и вовсе демонстративно принял титул патриарха — началась так называемая «Аквилейская схизма» (554 г.)[50].

---

[50] Concilium Aquilejense contra Quintam synodum coactum anno Domini DLIII // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1763. T. IX. Col. 659–660; Chronica patriarcharum Gradensium // MGH. SS rer. Langobard. T. I. P. 393. Интересно, что Пелагий I пытался бороться со схизматиками даже при помощи «административного ресурса» (Нарсеса). См.: Pelagii Papae I epistolae // PL. T. LXIX. Col. 397.

Таким образом, к концу византийского завоевания Италии (и, по существу, в результате него) римская церковь не только лишилась значительной доли своих людских и денежных ресурсов, но и в известном смысле утратила былой канонический авторитет. И если с первой проблемой папе Пелагию удалось хоть как-то справиться — за счет реорганизации церковных владений, запрашивания субсидий у провинциальных церквей или за счет конфискации имущества арианского духовенства[51], — то вторую апостольской кафедре предстояло решать еще на протяжении многих лет.

Апогеем папского «унижения» со стороны Юстиниана — по-прежнему верного своей жесткой цезарепапистской политике — стало специальное постановление, согласно которому посвящение каждого нового понтифика впредь должно было осуществляться только после (!) одобрения его кандидатуры имперскими властями. Первым папой, взошедшим на престол

---

[51] Право на имущество и недвижимость арианских церквей папе давала «Прагматическая санкция» императора Юстиниана («Pragmatica sanctio pro petitione Vigilii») — документ, устанавливавший основные принципы управления византийской Италией в соответствии с нормами права Восточной Римской империи. См.: Corpus Juris Civilis. Volumen tertium: Novellae / Recogn. R. Schoell; opus Schoellii morte interceptum absolvit G. Kroll. Ed. quarta. Berolini, 1912. P. 799–802 (II. Appendix constitutionum dispersarum)).

на таких условиях, выступил ближайший преемник Пелагия I Иоанн III (до принятия сана Кателин) (561–574). Впрочем, в его понтификат эти обязательные требования — как и четырехмесячная задержка с искомым императорским утверждением, — по-видимому, оказались для Рима наименьшей из проблем. Три года спустя после смерти Юстиниана (и через семь лет после назначения папы) Северная Италия подверглась нападению лангобардов, мигрировавших из Паннонии. В короткий срок захвачены и разорены были Виченца, Верона, Брешиа, Милан (569 г.), после чего потоки варваров разделились и хлынули в Среднюю и Южную Италию, так что к 571 г. оказались в опасной близости от Рима. В отчаянии Иоанн III запросил помощи у бывшего (до 568 г.) наместника Италии, престарелого Нарсеса, поселившегося Неаполе. Однако реакция римлян на появление этого персонажа (успевшего навлечь на себя всеобщую неприязнь за время предыдущей войны) оказалась настолько бурной, что папе пришлось временно перенести свою резиденцию из Латерана в небольшую церковь свв. Тибуртия и Валериана (в районе катакомб Претекстата на Аппиевой дороге) — и оттуда руководить всеми делами епархии[52].

[52] Liber Pontificalis… T. I. P. 305–306; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 89. О ненависти римлян к Нарсесу см., напр.: *Павел Диакон.* История лангобардов / Пер. с лат. Ю. Б. Циркина. СПб., 2008. С. 69 (II, 5).

К этому времени Византийская империя, охваченная жесточайшим внутриполитическим кризисом, была уже не в состоянии вести активные боевые действия в своих отдаленных провинциях. Военная и финансовая помощь, оказываемая Константинополем Равенне и Риму, была более чем скудной. Таким образом, брошенная на произвол судьбы Италия, еще не восстановившая свои силы после византийско-готского конфликта, вновь погрузилась в хаос. А римский епископ — в отсутствие сколь-нибудь существенной поддержки со стороны императора Юстина II (565–578)[53], — как и его предшественники в V столетии, был оставлен фактически один на один с захватчиками. Между тем, лангобарды к середине 570-х гг. уже успели захватить львиную долю италийских территорий, за исключением Равенны с окрестностями, Рима, ряда прибрежных областей (Византийский Пентаполь, Неаполь и Амальфи, Калабрия и пр.), а также островов. В июле 579 г. их отряды в ходе третьей по счету осады (после 574 и 577 гг.) взяли и разграбили Рим. В результате из-за начавшегося голода (famis nimia) умер преемник Иоанна III, папа Бенедикт I (575–579).

---

[53] Преемник стратига-автократора Нарсеса, префект Италии Лонгин не смог организовать отпор лангобардам, а сменивший его Бадуарий (зять императора), ввязавшись в боевые действия, вскоре погиб (577 г.).

Новый папа, Пелагий II (579–590), взошедший на престол наскоро (июль–август 579 г.), без соответствующего императорского подтверждения[54], вновь предпринял попытку добиться помощи со стороны светских властей — и на этот раз направлял послания не только к константинопольскому двору, но и северным соседям-франкам[55]. Однако желаемого эффекта ответные действия этих папских «помощников» не возымели. И хотя византийские правители Тиберий II (578–582) и Маврикий (582–602) попытались прибегнуть к реорганизации оставшихся италийских владений (сначала в сеть «эпархий», а затем в «экзархат»), а австразийский король Хильдеберт II (575–596) трижды отправлял войско в Северную Италию, устранить лангобардскую угрозу так и не удалось.

* * *

За первое столетие Средневековья жизнь в Риме претерпела более чем заметные изменения. Из-за продолжительных военных конфликтов

---

[54] Liber Pontificalis… T. I. P. 309; *Павел Диакон*. История лангобардов… С. 102 (III, 20). Послания об императорском утверждении в Риме дождались только к ноябрю 579 г.

[55] См., напр.: Pelagii Papae II epistolae et decreta // PL. T. LXXII. Col. 705–706; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 90 (n. 684).

из блестящего мегаполиса, предоставлявшего своим жителям все возможные по тем временам удобства (и даже излишества), он превратился в полуразоренное захолустье, а немногочисленные оставшиеся горожане[56] подчас были лишены самого необходимого. Разрушение системы водоснабжения города в конце 30-х гг. VI в. (не замедлившее сказаться на санитарной и эпидемиологической обстановке), нарушения с поставками продовольствия из других регионов бывшей Империи (и даже с Сицилии), физическое уничтожение или бегство части городского населения (прежде всего сенаторской аристократии) — все это с неизбежностью способствовало крайнему оскудению римского быта[57]. Не могли эти новые условия не отразиться и на церкви, италийские владения которой, основательно разоренные в 530–550-е гг., несмотря на усилия папы Пелагия I, так и не удалось в полной мере восстановить до прихода очередных варваров (лангобардов).

---

[56] По оценке исследователей, к середине VI в. население Рима составляло не более 30–40 тысяч человек. Для сравнения: на *начало* V в. количество жителей равнялось примерно 800 тыс. человек (а к концу V в. снизилось до 100 тыс.)

[57] Об истреблении части населения, разрушении римских акведуков и проблемах с продовольствием см., напр.: *Павел Диакон*. История лангобардов… С. 84–85 (II, 31–32); *Прокопий Кесарийский*. Война с готами… С. 137 (I, 19, 13–14), 139 (I, 20, 5), 299–300 (III, 15, 9–13).

Наглядной иллюстрацией ухудшающегося положения Рима в продолжение VI в. стала ситуация с монументальным строительством — в том числе с возведением церквей и разного рода вспомогательных зданий (госпиталей, гостиниц для паломников и пр.). Последним крупным «строителем» среди пап, по иронии судьбы, оказался Симмах, в пору умиротворения римской епархии (после Лаврентьевской схизмы) сумевший заложить по крайней мере четыре новых церкви (в честь ап. Андрея Первозванного, св. Мартина Турского, св. Панкратия на Яникуле и св. Агаты в пригороде Рима), три госпиталя при «великих базиликах» и ксенодохий, а также отреставрировать и расширить базилику св. Петра[58]. В конце 20-х гг. VI в. в сфере строительства отметился папа Феликс IV. Правда, основанная им (при поддержке Амаласунты) церковь свв. Косьмы и Дамиана между Римским форумом и форумом Веспасиана представляла собой скорее результат удачной реконструкции — поскольку объединила три отдельных здания античной постройки (включая Templum Romuli и Templum Urbis Romae)[59].

---

[58] Именно при папе Симмахе около базилики появился первый фонтан.

[59] Liber Pontificalis… T. I. P. 279. Церковь свв. Косьмы и Дамиана стала первым христианским храмом на Форуме (т. е. в самом сердце Рима). А сохранившаяся в ней апсидная мозаика содержит первое дошедшее до нас *портретное* изображение папы римского (Феликса IV).

Следующий небольшой всплеск папской строительной активности произошел лишь спустя тридцать лет, когда при папах Пелагии I и Иоанне III, на фоне относительного мира, закрепленного «Прагматической санкцией» Юстиниана, началось возведение церкви свв. Филиппа и Иакова Алфеева в округе Via Lata (VII). Поводом для ее закладки стало желание польстить восточным властям и увековечить победу Нарсеса над арианами (остготами). Однако и человеческих, и материальных ресурсов, необходимых для реализации этого замысла, катастрофически не хватало. Как и последний монументальный проект рассматриваемого периода — реставрация и расширение базилики св. Лаврентия при Пелагии II — церковь свв. Апостолов финансировалась по большей части из личных средств пап и сооружалась из материалов, добытых при разборке древних римских построек[60].

Что касается финансового положения римской кафедры, то оно к середине VI в., судя по всему, было весьма плачевным. Значительная часть имений, полученных св. Престолом в предшествующие столетия — в первую очередь в материковой Италии и Далмации — оказалась разорена войнами. Другие сплошь и рядом страдали

---

[60] «Сырьем» для церкви свв. Филиппа и Иакова, напр., послужили термы Константина, расположенные по соседству. Церковь впоследствии была перестроена и освящена во имя Двенадцати апостолов.

от злоупотреблений со стороны светских властей (как, например, патримонии в Северной Африке) и даже со стороны управляющих, назначенных самими папами. В результате денежные поступления римской церковной казны (arca) в 540–550-е гг. неуклонно снижались. Для примера, доход от владений в Пицене (современный регион Марке на Адриатическом побережье) ко временам Пелагия I сократился более чем вчетверо. А между тем, бедственное положение в Риме требовало от понтифика *постоянного* финансового участия — так что выделения традиционной четверти папских прибылей на нужды благотворительности (quadripartitum)[61] было уже явно мало.

В попытке преодолеть хотя бы часть этих проблем Пелагий I приступил к совершенствованию рычагов управления патримониями — благодаря ему утвердилась традиция руководства церковными имениями с помощью так называемых «ректоров» (rectores); связь между этими должностными лицами и папской казной поддерживалась посредством агентов-акционариев (actionarii). Правда, эффективность подобной системы все равно оставляла желать лучшего — и главным образом из-за сравнительно слабого контроля над местными «управленцами» (многие

[61] См., напр.: Epistolae Romanorum Pontificum genuinae… P. 177, 381.

из которых были мирянами) со стороны центральной церковной администрации. Последняя, в свою очередь, даже продолжая развиваться под воздействием новых социальных и политических условий, сохраняла массу архаических черт, позаимствованных у позднеантичного римского государства, и, сверх того, была слабо приспособлена к самостоятельному функционированию без поддержки светских властей. Основным принципом ее организации была коллегиальность, распространявшаяся как на обладателей духовного сана, так и на собственно чиновников. Свои коллегии образовывали и пресвитеры, отправлявшие службы в 25-и титульных церквях, и диаконы, со времен папы Фабиана руководившие семью «регионами» (regiones) Рима — во главе их корпораций стояли, соответственно, архипресвитер и архидиакон (на плечи которых, среди прочего, частично ложилось руководство церковью в период седисваканции). В собственные коллегии объединялись и «младшие» духовные чины, и многочисленные нотарии, появившиеся в римской церкви еще в античный период и окружавшие как диаконов (notarii regionarii), так и самого папу (на службе в скринии) — над ними властвовали примицерии (primicerii)[62].

[62] О папском примицерии нотариев и его функциях совместно с архипресвитером и архидиаконом см. в частности: Liber Diurnus Romanorum Pontificum /

Наконец, в отдельную коллегию в продолжение VI в. начали выделяться администраторы папской резиденции в Латеране («patriarchium Lateranense», позднее «sacrum palatium Lateranense»), со временем получившие наименование «дворцовых судей» (judices palatini). Именно к этой группе относился, в частности, первый зафиксированный в раннесредневековых источниках *финансовый* чиновник папского престола — аркарий (arcarius qui praeest tributis), трудившийся в административном подразделении под названием «rationes ecclesiastici»[63]. Впрочем, принадлежность к той или иной коллегии отнюдь не предполагала *строгого* закрепления или разграничения должностных обязанностей и в среде духовных лиц, и в среде администраторов. Так, например, пресвитер мог быть назначен управляющим Латеранского дворца на время отсутствия папы (так появилась должность «vicedominus»)[64]. Диаконы римской церкви зачастую выполняли не только хозяйственные, но и ответственные дипломатические поручения (не говоря уже о назначении их апокрисиариями при Восточном дворе), а также служили ректорами

Gesamtausg. von H. Foerster. Bern, 1958. P. 113, 118, 211, 217, 328, 330.

[63] Pelagii Papae I epistolae… Col. 417–418.

[64] Первое подобное назначение произвел папа Вигилий в период своего вынужденного отъезда в Константинополь (Liber Pontificalis… T. I. P. 297).

в наиболее важных папских патримониях[65]. Такими же «универсалами» с точки зрения должностных обязанностей представлялись, очевидно, нотарии и дефенсоры (изначально занимавшиеся защитой прав церкви и неимущих членов христианской общины), к тому же сплошь и рядом состоявшие в чине иподиаконов.

Основным направлением развития этой дробной и временами неповоротливой администрации стала ее нарастающая клерикализация — стараниями пап уже к 590-м гг. большинство должностей, по крайней мере, в центральном аппарате митрополии замещалось клириками, которые постепенно отделялись от остального римского и италийского населения как самостоятельная профессиональная и социальная группа. Этому способствовали и политические условия (общее ослабление светской власти и оставление Италии на произвол судьбы перед лицом лангобардов), и привилегии в сфере управления, дарованные епископам «Прагматической санкцией» Юстиниана от 554 г.[66] К концу VI в. римская церковь оказалась, по существу, единственной силой, способной хоть как-то защитить и поддержать обитателей Рима и прилежащих

---

[65] Количество задач, выполняемых диаконами, за VI в. возросло настолько, что число диаконов было увеличено с семи до девятнадцати.

[66] Corpus Juris Civilis. Volumen tertium: Novellae… P. 799–802.

территорий. А это закономерным образом требовало дальнейшего усиления и модернизации церковных управленческих структур, «работавших» отныне не только на римскую кафедру, но и на массу зависящего от пап римского населения. Формально сохраняя зависимость от Империи, папы должны были превратиться в фактических правителей Римской области.

§ 2. На пути к светской власти: папский престол в конце VI — середине VIII в.

Рассказ о папах этого сложного «переходного периода» был бы немыслим без рассмотрения понтификата Григория I (590–604) — одного из трех римских епископов, удостоившегося в историографии эпитета «Великий». Его правление по праву считается одним из самых выдающихся эпизодов в истории папства вообще и папства раннесредневекового в частности. В определенном смысле именно с его понтификата для римской епископской кафедры и начинается этот самый период Средневековья, в продолжение которого западная церковь превратилась в мощнейшую социально-политическую силу, способную влиять на дела не только духовные, но и мирские.

Родившийся в Риме около 540 г., будущий папа Григорий принадлежал к одному из самых

богатых и влиятельных местных родов — роду Аниciев, — уже успевшему подарить римлянам не только целую вереницу политиков и администраторов разного ранга, но даже и двух пап, Феликса III и Агапита I. Получив лучшее по тем временам образование, наш герой сравнительно рано по примеру своих предков обратился к государственной службе и уже в возрасте тридцати лет стал префектом (то есть высшим должностным лицом) города Рима. Однако в 574 г. он неожиданно оставил свой пост и, основав в своих сицилийских и италийских поместьях несколько монастырей, добровольно принял монашеский постриг — в «собственной» обители св. Андрея на Целийском холме[67]. Такая решимость в пропаганде аскетических религиозных идеалов и обширный организаторский опыт новоиспеченного монаха, разумеется, не могли не привлечь внимания церковного руководства. В конце 578 г. по распоряжению Бенедикта I Григорий был произведен в диаконы, а спустя год, уже при Пелагии II, получил назначение на должность папского апокрисиария в Константинополе, откуда вернулся лишь через шесть лет (в конце 585 или в начале 586 г.) — по настоятельной просьбе понтифика[68].

---

[67] Sancti Gregorii Magni vita, a Joanne Diacono scripta libris quatuor // PL. T. LXXV. Col. 65 (I, 5–6).

[68] Ibidem. Col. 72 (I, 25, 26). О задачах Григория-апокрисиария в Константинополе см., напр.: Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 90 (n. 685).

В сфере ответственности Григория как советника Пелагия II находились в основном богословские и канонические вопросы — в частности, связанные с продолжающейся Аквилейской схизмой[69]. Тем не менее, за годы своей диаконской службы он получил возможность в полной мере оценить и иные сложности, волновавшие тогдашнюю римскую церковь. Главной такой «головной болью», без сомнения, являлись лангобарды, защититься от которых было тем более трудно, что византийское правительство и его представитель в Италии (экзарх) фактически оставили Рим на произвол судьбы. Из-за этого, едва взойдя на папский престол (после скоропостижной смерти своего патрона Пелагия[70]), Григорий почти сразу же вынужден был заняться вопросами обороны города и тем самым взвалить на себя обязанности не только церковного,

---

[69] *Павел Диакон*. История лангобардов… С. 102 (III, 20); Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 90 (n. 686, 687, 688).

[70] Пелагий II умер 7 февраля 590 г. от чумы, вспышка которой произошла на фоне сильнейшего наводнения в Риме (*Павел Диакон*. История лангобардов… С. 103 (III, 24); Sancti Gregorii Magni vita, auctore Paulo Diacono monacho cassinensi // PL. T. LXXV. Col. 45–46; *Григорий Турский*. История франков… С. 407 (X, 1)). Григорий в силу закрепившейся за ним репутации был избран на папский престол сравнительно быстро и единодушно, однако императорское подтверждение своего избрания получил лишь 3 сентября 590 г.

но и гражданского и военного руководства. В 592 г. ему посчастливилось добиться перемирия с осаждавшим Рим Сполетским герцогом Ариульфом. Зимой следующего года (593/594) ценой большого выкупа и обещания ежегодной дани было достигнуто соглашение и с королем Агилульфом (590–615/616) (также осадившим Рим в ответ на военные «поползновения» греков). Таким образом, несмотря на явное недовольство императора Маврикия (никак не желавшего мириться с варварами) и даже противодействие его экзарха Романа, папа смог на какое-то время обезопасить свою столицу. В 599 г. по его инициативе и при посредничестве лангобардской королевы Теоделинды — главного «агента папского влияния» в Павии — с Агилульфом наконец удалось заключить мир, рассчитанный на целых тридцать лет[71]. К вящей радости Григория следствием этого примирения оказалось не только прекращение прямой военной угрозы, но и начавшийся в скором времени постепенный отказ лангобардских правителей от арианства.

---

[71] См.: Gregorii I Papae Registrum epistolarum. Tomus II. Libri VIII–XIV / Ed. L. M. Hartmann // MGH. Epistolae. T. II. P. 85–86 (IX, 66), 87–88 (IX, 67). В действительности мир продержался лишь до 601 г., когда боевые действия возобновились из-за провокации экзарха Каллиника. См.: *Павел Диакон*. История лангобардов… С. 125 (IV, 20).

Разумеется, подобное взаимодействие с варварами, все чаще решавшееся не столько войсками, сколько дипломатией и деньгами, вряд ли было бы возможно без восстановления папской финансовой независимости и платежеспособности. Именно поэтому еще одной большой заботой Григория I с самого начала его правления стала реорганизация церковных патримониев, разбросанных по Италии (с островами), Далмации, Галлии, Северной Африке. В первую очередь этим владениям предстояло измениться структурно. Начиная с 90-х гг. VI в. каждое из папских имений (patrimonium), находившихся, как и прежде, под управлением «ректоров», разделялось на части, именуемые massae; последние, в свою очередь, управлялись арендаторами-эмфитевтами, известными как «кондукторы» (conductor), и делились на еще более мелкие фрагменты — fundi. Обитавшие на землях «массы» колоны и мелкие свободные субарендаторы выплачивали своему кондуктору заранее оговоренные денежные взносы (pensio), которые вместе с его собственной рентой собирались фискальными агентами ректора (actionarii) и отправлялись в папскую «приходную кассу» (rationes ecclesiastici)[72]. Особое внимание

[72] См., напр.: Gregorii I Papae Registrum epistolarum. Tomus I. Libri I–VII / Ed. P. Ewald et L. M. Hartmann // MGH. Epistolae. T. I. P. 61–69 (I, 42), 311–312 (V, 31) etc.

в ходе своих преобразований папа Григорий уделил *ректорам* церковных владений — если раньше эти должности нередко доверялись мирянам (со всеми вытекающими отсюда последствиями для римской казны), то начиная с его понтификата управляющих патримониями, отныне строго подотчетных центральной церковной администрации, стали избирать исключительно из рядов клира (преимущественно из иподиаконов, диаконов, нотариев)[73]. В целях дополнительного контроля на местах папа также усилил контингент дефензоров, впервые объединив их в самостоятельную коллегию (schola defensorum) и добавив к их обязанностям периодическую инспекцию патримониев. Все эти меры позволили достаточно быстро наладить эксплуатацию земельных владений церкви и обеспечить римского епископа средствами, столь необходимыми и для возобновления регулярных продовольственных поставок в Рим, и для выкупа пленных, и для выплаты дани лангобардам, и для восстановления римских укреплений, — словом, для всего того, что ранее всецело входило в компетенцию светских властей. Впрочем, несмотря на такую активность Григорий никоим образом не стремился *узурпировать* светские политические прерогативы и демонстрировал неизменную

---

[73] См.: Sancti Gregorii Magni vita, a Joanne Diacono scripta… Col. 93 (II, 15), 110 (II, 53), 112–113 (II, 55).

лояльность по отношению к константинопольскому престолу вне зависимости от того, кто его занимал (давно знакомый папе Маврикий или свергнувший его мятежник Фока[74]).

Большую часть проблем, возникавших как в отношениях со светскими правителями, так и в делах сугубо церковных, папа Григорий I предпочитал решать посредством диалога и переписки — вновь, как и при Льве Великом, ставшей главным инструментом воздействия в руках св. Престола. Интенсивная переписка связывала Рим не только с Константинополем, но и с варварскими королевскими дворами Европы — с ее помощью папа общался с вестготским королем Реккаредом I (586–601)[75], с лангобардскими правителями Агилульфом и Теоделиндой, с королем Австразии Хильдебертом II и его матерью Брунгильдой и т. д. Постоянными корреспондентами Григория, разумеется, были крупные местные прелаты (например, Леандр Севильский)

[74] Бывший сотник Фока пришел к власти в результате военного мятежа, организованного расквартированными на Дунае византийскими легионами. Свое правление он начал в 602 г. с убийства прежнего императора и всей его семьи, а затем организовал жесточайший террор против сановной землевладельческой знати, что стало причиной длительной и кровопролитной гражданской войны, продолжавшейся вплоть до свержения Фоки в 610 г.

[75] Особое внимание Григория к этому вестготскому правителю, в частности, было обусловлено тем, что в 587 г. его подданные официально перешли от арианства к ортодоксальному никейскому исповеданию.

и папские викарии (Виргилий Арелатский), институт которых папа стремился всячески развивать и поддерживать, дабы хоть как-то восстановить влияние римской кафедры, пошатнувшееся в результате церковных споров середины VI в. Вообще, письма Григория I к различным церковным деятелям Европы и Северной Африки, отложившиеся в папских архивах, наглядно свидетельствуют о том, что он стремился тщательнейшим образом следить за состоянием поместных церквей (даже весьма условно признававших каноническое верховенство Рима), за соблюдением церковной дисциплины, за возможными случаями симонии и иных злоупотреблений[76]. Не меньший интерес с его стороны вызывало и распространение монашества (что вполне понятно, коль скоро папа и сам был монахом) — при этом основным предметом его «пастырской заботы» были монастыри именно западного образца, жившие по уставу св. Бенедикта Нурсийского. Монахов систематически привлекали для службы при папском дворе и выполнения различных ответственных поручений, ими же заполняли многочисленные вакансии римской церковной администрации[77] — так что и сам Латеранский дворец, по словам биографов, при Григории начал

[76] Gregorii I Papae Registrum epistolarum… T. I–II.

[77] См.: Sancti Gregorii Magni vita, a Joanne Diacono scripta… Col. 92 (II, 11, 12).

больше напоминать монастырь, нежели епископскую резиденцию.

Но, пожалуй, самым ярким проявлением организаторского таланта Григория I — и самым значительным элементом его наследия — оказались его инициативы в сфере миссионерства. Как когда-то и папы первой половины V в., Григорий обратил свое внимание на северо-запад Европы, — а точнее на бывшую римскую Британию, церковная жизнь в которой пришла в упадок за десятилетия господства варваров.

С приходом на земли Британии германских племен англов, саксов и ютов, исповедовавших язычество (20–40-е гг. V в.), многие островные церковные центры попросту перестали существовать. Христианство сохранялось по большей части в среде потомков романизированного населения — и преимущественно в западных областях острова, почти утративших контакты с материковой Европой. В этой ситуации большое влияние на британские христианские общины приобрели миссионеры из соседней Ирландии, чья церковная организация и традиции давно уже развивались самостоятельно, вне какой-либо связи с Римом. Различия между этой ирландской («кельтской») церковью и церковью римской, созидаемой и «окормляемой» папами, были в значительной мере формальными (вычисление даты Пасхи, форма монашеской тонзуры и пр.), но все же не позволяли думать о Британии как

о полноценной части западного христианского мира, объединяемого вокруг престола ап. Петра.

В 595 г. на британские берега была направлена большая группа миссионеров (около 40 человек), призванная восстановить местную епископальную церковь, катехизировать христианское население по римскому образцу и крестить местных язычников. Как и во многих других начинаниях Григория I, основную роль в ней играли монахи (воспринимавшиеся как наиболее последовательные и ответственные «передатчики» папского замысла), а во главе миссии стоял аббат папского «домашнего» монастыря св. Андрея Августин — будущий св. Августин Кентерберийский[78]. Свои результаты эта поездка принесла уже в 597 г., через несколько месяцев после высадки Августина и его товарищей в Кенте. За сравнительно короткий срок крещение здесь принял не только король Этельберт I (591–616) (и ранее вполне терпимо относившийся к христианству)[79], но и множество

[78] *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. В. В. Эрлихмана. СПб., 2003. С. 27–29 (I, XXIII–XXV).

[79] В современной литературе выдвигается предположение, что инициатором миссии мог быть и сам король, женатый на христианке — принцессе Берте из франкского дома Меровингов. См.: *Григорий Великий.* Послание святителя Григория Великого Берте, королеве Кента / Вступ. ст., пер. с лат., коммент. Ю. М. Прогуновой, Н. Ю. Гвоздецкой // Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2013. № 5. С. 175–178.

его подданных, которое папа Григорий в своих письмах не без пафоса и некоторого преувеличения описал внушительными числом 10 000[80]. Дальнейшее распространение веры, восстановление церквей и основание новых монастырей и епархий шло своим чередом; между Кентербери и Римом наладилась постоянная переписка; а в 601 г. в Британию прибыли новые «миссионерские силы», среди прочего доставившие Августину Кентерберийскому *паллий*, что означало возведение его в сан архиепископа. Таким образом, «григорианская миссия» конца VI — начала VII в. положила начало постепенной интеграции Британии в мир западной церкви — и вдобавок в значительной степени предопределила *религиозную* консолидацию британских регионов, продолжавшуюся на протяжении нескольких последующих десятилетий.

Разумеется, далеко не все и не всегда в рамках этой сложной и многогранной церковной политики развивалось, как, по-видимому, рассчитывал Григорий. Так, неудача постигла его в очередной раз в попытках преодолеть Аквилейскую схизму. Несмотря на возобновление общения с некоторыми из епископов, подчиненных

---

[80] Gregorii I Papae Registrum epistolarum. Tomus II. Libri VIII–XIV… P. 30–31 (VIII, 29). Среди исследователей принято считать, что цифра в данном случае несколько завышена, хотя факт *массового* крещения жителей Кента сомнению не подвергается.

Аквилее, с самими новоявленными патриархами, базировавшимися с 568 г. на острове Градо, примириться так и не получилось. Не смог Григорий избежать и некоторых трений с Константинополем, которые возникали как из-за традиционного цезарепапизма византийских императоров (в частности, Маврикия, запретившего принимать постриг военным и государственным служащим), так и из-за амбиций восточного духовенства. Так, к примеру, вполне закономерное недовольство понтифика вызвало принятие константинопольским патриархом Иоанном IV Постником (582–595) титула «*Вселенского* патриарха», что явно нарушало канонические определения большинства предшествующих соборов, именовавшие главным иерархом христианской церкви именно папу — преемника ап. Петра[81]. В ответ Григорий I, — которому патриархи Александрии предлагали в отместку присвоить себе

[81] См.: Gregorii I Papae Registrum epistolarum. Tomus I. Libri I–VII… P. 320–323 (V, 37), 326–328 (V, 39), 331–335 (V, 41), 338–343 (V, 44) etc; *Грацианский М. В.*, *Мигальников А. В.* Полемические письма папы Григория Великого о титуле «Вселенский» Константинопольского патриарха // Причерноморье в Средние века. Сборник статей / Под ред. С. П. Карпова. СПб., 2021. С. 9–67. Наименование «вселенского патриарха» Иоанн Постник впервые присвоил еще в 587 г., против чего безрезультатно протестовал тогдашний папа Пелагий II. Официально этот пышный титул был закреплен за константинопольским иерархом (и его преемниками) в 595 г., когда новая номенклатура получила одобрение поместного собора и самого императора.

титул «Вселенского папы», — защищая свои представления о собственной высокой миссии, начал именовать себя «рабом рабов Божиих» (servus servorum Dei). Сформулированная таким образом концепция руководства церковью как *служения* богу стала достойным противовесом номинальному примату византийского патриарха, чей церковный авторитет, как неустанно указывали папы, покоился не на апостольском преемстве, а главным образом, на политической власти восточного императора и потому, по мысли Григория, не имел самостоятельной ценности. Ко всему прочему, такая позиция римского первосвященника — на контрасте с гордыней, охватившей константинопольских епископов, — заметно возвышала его в глазах западного духовенства и верующих, при этом не вовлекая его в какое-либо противоборство с восточными властями и клиром.

Весьма значимым оказалось для богословской и канонической традиции латинского Запада и литературное наследие Григория. В него вошли написанные папой в разные годы экзегетические сочинения (такие, как «Моралии, или Толкование на книгу праведного Иова», «Гомилии на Евангелие», «Гомилии на пророка Иезекииля»)[82],

---

[82] Sancti Gregorii Magni Romani pontificis Moralium libri, sive Expositio in librum b. Job // PL. T. LXXV. Col. 509–1162; T. LXXVI. Col. 9–782; Sancti Gregorii Magni Romani pontificis Homiliarum in Ezechielem Prophetam libri duo // Ibidem. T. LXXVI. Col. 785–1072; Sancti Gregorii Magni Romani

первый западный патерик «Диалоги о жизни и чудесах италийских Отцов и о бессмертии душ»[83], многократно изданное (и переведенное на греческий еще при жизни Григория) руководство по епископскому и священническому служению «Пастырское правило»[84]. Не будучи, по общему признанию исследователей, самостоятельным оригинальным мыслителем, Григорий, вместе с тем, популяризируя богословские построения выдающихся предшественников (в первую очередь св. Августина Гиппонского), сумел заложить авторитетный базис практически для всей теологической литературы Средневековья, авторы которой без устали цитировали и толковали его тезисы.

Резюмируя все сказанное о Григории Великом, можно с уверенностью утверждать, что несмотря на многочисленные внутрицерковные и политические сложности к концу своего понтификата этот выдающийся церковный деятель сумел добиться более чем заметных перемен в положении не только папского престола, но и всей

---

pontificis XL Homiliarum in Evangelia libri duo // Ibidem. Col. 1075–1312.

[83] Sancti Gregorii Papae Dialogorum libri IV de vita et miraculis partum Italicorum et de aeternitate animarum // PL. T. LXXVII. Col. 149–429.

[84] Sancti Gregorii Magni Romani pontificis Regulae pastoralis liber, ad Joannem episcopum civitatis Ravennae // PL. T. LXXVII. Col. 13–128.

западной церкви. Значение его идей и инициатив для последующего развития папской власти в самом деле трудно переоценить. Его многочисленные достижения в церковно-политической, экономической и административной областях, а также в области христианского просвещения, направленные сначала на преодоление кризиса римского епископального управления, а затем и на создание единой общеевропейской церковной системы, подчиненной св. Престолу, поставили его в ряд величайших деятелей в истории средневековой Европы.

* * *

Преемники Григория I, которые управляли церковью в первой трети VII в., — за исключением Сабиниана (604–606), ухитрившегося своими коммерческими нововведениями навлечь резкое недовольство римлян[85] — стремились в основном продолжать политику своего великого предшественника. Это проявилось как во внимании к церковной организации и администрации патримониев, так и в решении внутрицерковных конфликтов, поддержке миссионерской

[85] В нарушение традиций Сабиниан в условиях голода 605 г. решил не раздавать горожанам хлеб из запасов церкви, как это делал Григорий Великий, а *продавать* его (Liber Pontificalis… T. I. P. 315).

деятельности и в сравнительно мирных отношениях с византийскими властями. Вместе с тем, отсутствие соответствующих организационных талантов и системного видения основных церковных проблем не всегда позволяли им в полной мере развить григориевы начинания.

Одним из заметных достижений пап этого периода стало долгожданное налаживание контактов с Аквилеей, осуществленное при деятельной поддержке Равеннского экзарха. Предположительно в 607 г. папа Бонифаций III (краткий понтификат которого по иронии судьбы целиком уложился в этот год) восстановил евхаристическое общение с новым епископом Градо Кандидианом, выдвинутого духовенством, базировавшимся в *византийской* части Аквилейского патриархата. Однако к полному прекращению схизмы это, вопреки папским ожиданиям, не привело. Сторонники продолжения раскола — ригористы из числа епископов, остававшихся в *лангобардских* регионах патриархата, — не без интриг со стороны короля Агилульфа и герцога Гизульфа избрали себе альтернативного главу (патриарха Иоанна I)[86]. Таким образом, схизма поразила уже самих раскольников, разделившихся отныне на примирившуюся с Римом

---

[86] *Павел Диакон*. История лангобардов… С. 129 (IV, 33); *Ughelli F.* Italia Sacra, sive de episcopis Italiae et insularum adiacentium. Tomus quintus. Romae, 1653. Col. 38.

«Новую Аквилею» (с центром в Градо) и «Старую Аквилею» (с центром в Кормонсе, а позднее в Чивидале). Впрочем, дипломатические усилия св. Престола все же не прошли даром — уже к понтификату Гонория I (625–638) между двумя церквями (римской и староаквилейской) наметились тенденции к окончательному воссоединению.

Весьма значимо с точки зрения престижа апостольской кафедры было и формальное подтверждение примата римского епископа над остальными вселенскими иерархами, которого папа Бонифаций III (ранее бывший ближайшим и наиболее ценным сотрудником Григория I) добился от императора Фоки. Для уточнения процедуры передачи епископской власти и, вероятно, для спасения римской церкви от возможных схизм (что также сказывалось на папском влиянии и репутации) тот же Бонифаций в ходе Римского поместного собора подписал распоряжение, запрещавшее вести какие-либо переговоры (и разговоры) о возможных кандидатах на епископскую кафедру при здравствующем епископе, а также предписывавшее приступать к выборам нового папы (и других епископов) не ранее, чем через три дня после смерти предшественника[87].

---

[87] Concilium Romanum sub Bonifacio III // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1764. T. X. Col. 501–502.

Наконец, свое продолжение в деятельности преемников Григория Великого нашли и его миссионерские начинания. Такие папы, как Бонифаций IV (608–615), Бонифаций V (619–625), Гонорий I, активно переписывались с британскими иерархами и консультировали их по вопросам обустройства местной церкви (при этом иногда и в очном порядке — например, при посещении Рима епископом Меллитом Лондонским в 610 г.)[88]. Разумеется, не иссякали и ставшие традиционными потоки корреспонденции между Латераном и прочими адресатами — духовенством Галлии и Испании, лангобардскими королями, правителями Гептархии (например, королем Нортумбрии Эдвином[89]). Эта переписка позволяла папам вновь и вновь напоминать о своем вероучительном авторитете,

---

[88] *Беда Достопочтенный*. Церковная история… С. 53 (II, IV). Кроме Меллита (первого епископа Лондона, рукоположенного еще Августином Кентерберийским), корреспондентами пап были Лаврентий Кентерберийский (ум. 619), епископ Рочестера и позднее Кентербери Юст (ум. 627/631) и пр. Достоверно известно, что и Лаврентию, и Юсту при вступлении их на Кентерберийскую кафедру (в 604 и 624 гг. соответственно) папы посылали из Рима паллий.

[89] Эдвин был обращен в христианство Паулином — представителем второй григорианской миссии (601 г.) и первым епископом Йорка. Появление этого проповедника на землях Нортумбрии было одним из условий женитьбы Эдвина на принцессе Этельбурге, дочери Этельберта Кентского.

вмешиваться в отдельные политические вопросы и т. д.

Таким образом, дело Григория I продолжало жить… Прервать этот процесс постепенного распространения папского влияния на регионы Западной Европы в конце 30-х гг. VII в. удалось лишь византийским императорам, которые на фоне внешнеполитических проблем (арабских завоеваний) вновь озаботились вопросом религиозного единства Империи и по примеру Юстиниана I выдвинули новые требования к христианским церквям, включая по-прежнему подвластный им Рим. Для папского престола выход из этого очередного инспирированного властями кризиса затянулся на долгие годы. Тем не менее, по прошествии примерно двадцати лет, когда наиболее ожесточенные догматические споры на Востоке (да и карательные мероприятия властей) пошли на убыль, понтифики снова смогли со всем возможным вниманием обратиться к делам Запада. К середине 60-х гг. VII в. «в активе» апостольской кафедры оказалось долгожданное признание римских богослужебных практик и верховенства св. Престола над церквями Британии (в результате синода в Уитби, состоявшегося в 664 г. по инициативе нортумбрийского короля Освиу). В середине 80-х гг., в краткий понтификат Иоанна V (685–686), подтверждение получила юрисдикция пап над епархиями Сардинии

и Корсики. В 689 г. — в развитие все той же григорианской миссии — в Риме состоялось крещение еще одного англосаксонского правителя, короля Уэссекса Кэдваллы[90] — так что можно было сказать, что христианство и церковные отношения римского образца уже всерьез «пустили корни» в сознание британских властителей и населения. При этом в своем поощрении миссионерства папы отнюдь не ограничивались одной лишь Британией. Так, папа Конон (686–687), по некоторым данным, в 686 г. рукоположил в епископы ирландского монаха Килиана, отправившегося проповедовать христианство на землях Франконии. Не отставал от предшественника и деятельный и энергичный папа Сергий I (687–701), креститель Кэдваллы. В начале 690-х гг. он благословил на проповедь среди язычников-фризов бенедиктинского монаха из Нортумбрии Виллиброрда, действовавшего под покровительством франкского майордома Пипина II Геристальского (688–695)[91].

---

[90] Liber Pontificalis… T. I. P. 366; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 170, 171; *Беда Достопочтенный*. Церковная история… С. 101–104 (III, XXV), 125 (IV, XII), 158–159 (V, VII); Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. З. Ю. Метлицкой. СПб., 2010. С. 56.

[91] *Беда Достопочтенный*. Церковная история… С. 163–164 (V, XI). В 695 г. Виллиброрд был провозглашен епископом фризов и получил от папы паллий (Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 172).

Подобные начинания, что очевидно, позволяли не только распространить папское влияние до самых границ известного прежде «римского мира», но и продемонстрировать заинтересованность св. Престола в расширении и процветании франкского королевства (способного в перспективе стать для Рима надежным партнером). Единственным, что заметно омрачало эту череду папских успехов во второй половине VII в., была ситуация с церквями самой Италии — в частности, продолжающаяся «частичная» Аквилейская схизма, а также кризис в отношениях с Равеннской епархией, которая в 666 г. обрела автокефалию по решению императора Константа II (641–668). Впрочем, к самому концу столетия справиться в основном удалось и с этими многолетними проблемами: в 693 г., с торжественным рукоположением в Риме епископа Дамиана, был восстановлен подчиненный статус Равенны, а в 700 г. под давлением лангобардского короля Куниперта (688/689–700) вернулась под контроль пап и Старая Аквилея[92].

По иронии судьбы именно в это время «у руля» римской церкви друг за другом встали несколько пап восточного происхождения — сирийцев и греков — главным образом из числа

[92] Liber Pontificalis… T. I. P. 376; *Павел Диакон*. История лангобардов… С. 187 (VI, 14).

беженцев, вынужденных покинуть земли имперских провинций из-за приближения новых, доселе невиданных завоевателей — арабов. Однако к возвращению папства в орбиту влияния Восточной империи это отнюдь не привело. Напротив, при сохранении относительной «тактической лояльности» Константинополю основные церковно-политические интересы «восточных» пап неуклонно смещались на Запад. Это проявлялось и в описанных выше попытках распространения веры на неизведанных варварских территориях, и в интенсивных контактах с королевскими дворами, и в насаждении новых (идущих от Григория Великого) и общих для всех западных церквей литургических традиций, и даже в возобновлении церковного строительства в апостольской столице. Свое будущее преемники св. Петра, очевидно, связывали уже не с уходящей в прошлое Римской империей в ее восточном варианте, а с новыми народами и государствами Европы.

* * *

Тем временем, пока понтифики искали пути развития и применения наследию Григория I, Восточная Римская империя вновь, как и в VI в., погрузилась в религиозный кризис. По своей сути он был продолжением все тех же догматических

дискуссий, которые разразились еще в пору Халкидонского собора (451) и со временем послужили причиной целого ряда церковных расколов и политических катаклизмов. На этот раз поводом для возобновления христологической полемики стало стремление властей сплотить имперские провинции перед лицом внешней угрозы. На рубеже 20–30-х гг. VII в. император Ираклий (610–641), теснимый врагами сразу на нескольких направлениях, решил навсегда положить конец спорам между подвластными ему диафизитами-халкидонитами и миафизитами-антихалкидонитами. Основой для компромисса между ними должны были стать идеи константинопольского патриарха Сергия I (610–638), рассуждавшего в своих сочинениях сначала о «двух природах, но одной энергии» (моноэнергизм), а затем — после соответствующей критики со стороны других иерархов — об одной «*воле*» Иисуса Христа. Подобная формула (вошедшая в историю как доктрина монофелитства) позволяла разом привлечь на сторону официальной церкви, — а значит, привести к повиновению властям — большое число монофизитов в Сирии, Египте и Армении и потому была с восторгом встречена императором (даже несмотря на возражения таких деятелей, как Софроний Иерусалимский). В 638 г. учение патриарха Сергия было облечено в форму императорского эдикта, известного как «Эктесис» или «Изложение

веры» («Ἔκθεσις»), и направлено главам основных христианских церквей.

В Рим императорский эдикт был доставлен с некоторым опозданием — в самом конце 638 или начале 639 г. — и почти сразу же вызвал грандиозный скандал, поставивший под угрозу не только общение с Константинополем, но и репутацию самого св. Престола. Дело в том, что папа Гонорий I, к которому константинопольский патриарх обращался еще до публикации «Эктесиса», по всей вероятности, не придал значения очередным богословским построениям восточных отцов или же стал жертвой не совсем точного перевода с греческого — и потому не выразил несогласия с планами Сергия и Ираклия, de facto «пропустив мимо ушей» их явные еретические идеи. Однако его преемник Северин, который уже получил возможность ознакомиться с «Эктесисом» (после смерти Гонория), по-видимому, отнесся к тексту гораздо более критично (хотя и находился под сильным давлением со стороны экзарха Исаака)[93]. Такого же мнения оказался

---

[93] Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 159 (n. 1581); Concilium Romanum in quo Heraclii Ecthesis a Severino pontifice damnata // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. X. Col. 679–680. Выдвинутый на папский престол в октябре 638 г., Северин ждал подтверждения своего избрания почти полтора года. За это время солдаты экзарха Исаака Армянина при молчаливом попустительстве императора Ираклия разграбили

и следующий папа, Иоанн IV, специально созвавший в Риме собор для осуждения не только самого императорского эдикта, но и его ярого сторонника, патриарха Пирра I (преемника Сергия I)[94]. Наконец, в защиту ортодоксальной доктрины (а заодно и Гонория, посмертно страдавшего из-за своей невнимательности[95]) выступил и папа Теодор I (642–649) — грек по происхождению и земляк Софрония Иерусалимского. Едва взойдя на престол, этот понтифик написал юному императору Константу II (641–668) письмо с требованием немедленной отмены «Эктесиса» в соответствии с предписанием Иоанна IV и последней волей Ираклия (который перед смертью ухитрился дезавуировать собственный эдикт (!)). Аналогичное послание было направлено и новому константинопольскому патриарху Павлу II (641–653), которого папа вдобавок отказывался признавать без официального низложения

папскую казну и сам Латеранский дворец. См.: Liber Pontificalis… T. I. P. 328–329.

[94] Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 160; Concilium Romanum sub Joanne IV celebratum anno redemptoris nostri DCXL quo Ecthesis Heraclii & Monothelitarum haeresis condemnantur // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. X. Col. 697–700; Vita, epistolae et decreta Joannis Papae IV // Ibidem. Col. 682–686.

[95] Послания Гонория, *не* уличившего патриарха Сергия в ереси, стали для сторонников монофелитства основным аргументом в пользу их вероучительной правоты.

его предшественника (бежавшего в Африку Пирра I)[96]. В этой ситуации, видя, что религиозные инициативы его предшественников повлекли за собой только новые расколы и путаницу среди церковного руководства, император Констант попытался урегулировать сложившуюся ситуацию и в 648 г. опубликовал очередной догматический эдикт — «Типос» («Τύπος») — отменявший «Эктесис» и навсегда запрещавший любые дискуссии о волях и энергиях Христа. Однако и это новое постановление не принесло желаемого религиозного мира…

По своему характеру эдикт Константа II был во многом подобен «Энотикону» (482 г.), отношение к которому со стороны Апостольского престола (да и со стороны других христианских кафедр) было общеизвестно. Но константинопольская администрация не желала признавать очередного провала своей церковной политики. Отказавшийся подписать «Типос» папский апокрисиарий Анастасий был схвачен и выслан в Трапезунд. А латинская часовня во дворце Плацидии (официальной резиденции папских

---

[96] См.: Liber Pontificalis… T. I. P. 332; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 160–161; Vita, epistolae et decreta Theodori Papae I // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. X. Col. 702–708. Патриарх Пирр вынужден был оставить свою кафедру и бежать, поскольку в Константинополе его обвиняли в соучастии в отравлении сына Ираклия I, императора Константина III (февраль–май 641 г.).

представителей) была закрыта — что также не способствовало примирению с Римом. Что касается отношения к «Типосу» самого папы Теодора I, то оно, скорее всего, было сугубо отрицательным, но довести его до сведения константинопольского двора он, по-видимому, так и не успел.

Преемник Теодора I, Мартин I (649–653, †655), попытался отстоять свою точку зрения на христологическую догматику уже не столько в полемической переписке, сколько путем открытого игнорирования имперских властей. Взойдя на римскую кафедру без соответствующего утверждения константинопольского двора (в июле 649 г.)[97], решительный и принципиальный папа уже через пару месяцев (в октябре 649 г.) организовал в Латеране церковный собор, призванный изучить и осудить доктрину монофелитов, а также императорский «Типос». При этом в соборе приняли участие не только 105 западных церковных иерархов, но и группа греческих клириков, изгнанных из Империи за свои догматические убеждения (например, св. Максим Исповедник)[98]. Конфликт

---

[97] В дальнейшем этот шаг дал константинопольским властям повод заявить о незаконности избрания и посвящения этого папы.

[98] Liber Pontificalis… T. I. P. 336–337; Concilium Lateranense Romanum… // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. X. Col. 863 et seq.

с Византией еще более обострился, когда определения Латеранского синода, вместе с посланиями самого Мартина, были переданы в Константинополь. В ответ на призывы отказаться от ереси разгневанный Констант II приказал арестовать папу и с этой целью направил в Италию нового экзарха, Олимпия. Впрочем, из-за сопротивления поддерживавшего Мартина I италийского клира полицейская операция на территории Римского дуката оказалась весьма непростой[99]. И лишь летом 653 г. экзарху Феодору Каллиопе удалось, наконец, захватить упрямого понтифика (17 июня) — он был арестован и переправлен на остров Наксос, а затем в Константинополь, где и предстал перед императорским судом. Обвиненный в незаконном захвате римской епископской кафедры и государственной измене, папа оказался вскоре сослан в Херсонес (март 654 г.)[100].

---

[99] Прибыв в Италию, экзарх Олимпий обнаружил, что мятежный папа пользуется активной поддержкой со стороны местного населения и потому его арест представляет немалые сложности. В конце концов, придя к взаимопониманию с Мартином, Олимпий и сам выступил против императора и поднял в Италии антивизантийское восстание (Liber Pontificalis… T. I. P. 337–338).

[100] Там папа и умер 15 сентября 655 г. — а через несколько десятков лет (несмотря на осуждение на VI Вселенском соборе) был канонизирован и признан мучеником и исповедником.

Напуганное участью Мартина I римское духовенство не решилось идти на дальнейшую конфронтацию с Константинополем и, пользуясь тем, что папа был осужден как простой уголовный преступник, уже в августе 654 г. единодушно одобрило предложенную императором кандидатуру нового понтифика — им стал престарелый римлянин Евгений I (654–657). Избранный в нарушение канонов еще при жизни предшественника (и к тому же под давлением имперских властей), этот новый первосвященник практически сразу же после своего выдвижения выразил готовность принять любую компромиссную вероучительную формулу, предложенную восточной церковью. Однако, несмотря на такую примиренческую позицию римского престола, все попытки унифицировать догматику вновь с треском провалились[101].

Долгожданное примирение между Востоком и Западом стало возможным лишь в конце 50-х гг. VII в. К этому времени резкое изменение внешнеполитического положения Византии и целый ряд поражений, нанесенных ей арабами, привели к тому, что религиозные проблемы, по сути, отошли для восточных властей на второй план.

---

[101] На этот раз принятию очередной компромиссной формулы, предложенной патриархом Петром, помешало возмущение римского духовенства и населения, которые не смогли по достоинству оценить туманные концепции восточного иерарха (Liber Pontificalis… T. I. P. 341).

Не располагало к эскалации церковного конфликта и фактическое отторжение от Империи большинства ближневосточных провинций, население которых, собственно, и составляли безуспешно замиряемые правительством монофизиты. Все это в совокупности делало дальнейшую догматическую полемику — и, тем более, репрессии в отношении римского клира — абсолютно бессмысленной и бесперспективной. В 657 г. в Константинополь прибыло посольство нового папы Виталиана (657–672), которое было, если не с энтузиазмом, то, по крайней мере, благосклонно принято как императором Константом II, так и патриархом Петром (654–666). Папские дипломаты получили от константинопольского двора щедрые подарки, а имя понтифика — впервые со времен Гонория I — было торжественно включено в церковные диптихи.

Впрочем, до *полного* взаимопонимания с Константинополем было еще довольно далеко — и это проявилось уже во время ответного визита Константа II в Рим, когда подручные императора в буквальном смысле разграбили папскую столицу, вывезя из нее практически всю медь и бронзу[102]. Примирение с папой также не остановило Константа от того, чтобы — в русле традиционной

[102] От императорской «охоты за металлом» пострадал даже римский Пантеон, превращенный при Бонифации IV в христианскую церковь (609) (Ibidem. P. 343–344).

цезарепапистской политики византийских властителей — попытаться нарушить папскую юрисдикцию на севере Италии, в марте 666 г. признав за Равеннской церковью автокефалию. Впрочем, терпеть подобные притеснения со стороны светской власти папе предстояло недолго. В сентябре 668 г. император Констант был убит в Сиракузах в результате заговора. Новый правитель Византийской империи Константин IV Погонат (668–685) — пришедший к власти не без поддержки со стороны римской кафедры — заметно изменил свою политику по отношению к Риму и церкви в целом. Это не замедлило сказаться на внутренней жизни Апостольского престола, позволив папам (таким как Адеодат (II) (672–676) и Домн (676–678)) наконец-то отвлечься от конфликтов с Востоком и вернуться к западным церковным делам.

Окончательное восстановление отношений между церквями Востока и Запада последовало в понтификат Агафона (678–681), которого император Константин IV пригласил к участию во всецерковной епископской встрече, призванной раз и навсегда решить вопрос о монофелитской ереси. После предварительных консультаций с западным духовенством и целого ряда поместных синодов — в том числе в Хетфилде и в Риме (март 680 г.)[103] — делегация св. Престола

[103] Concilium generale Anglicum Hedtfeldae celebratum // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio /

отбыла в Константинополь, где и были организованы заседания очередного церковного съезда, вошедшего в историю как III Константинопольский собор.

Постановления созванного таким образом VI Вселенского собора, отличавшегося от всех предыдущих своей исключительной продолжительностью (с ноября 680 г. по сентябрь 681 г.), — носили двойственный характер[104]. Главным результатом этого представительного собрания стало полное и безоговорочное осуждение всех восточных иерархов, способствовавших созданию и распространению монофелитского учения (константинопольских патриархов Сергия I, Пирра I, Павла II, Петра, а также Кира Александрийского, Макария Антиохийского, Феодора Фарранского и др.). Анафеме подвергся и папа Гонорий I — правда, не как ересиарх, а как предстоятель, не организовавший должного отпора ереси. В то же время об истинных виновниках

Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1765. T. XI. Col. 175–180; Concilium Romanum, quo CXXV episcopi Orthodoxam Fidem confirmarunt, Monothelitarum haeresim condemnarunt, atque legationem Constantinopolim ad synodum oecumenicum decreverunt, anno domini DCLXXX sub Agathone papa // Ibidem. Col. 185–188; *Беда Достопочтенный*. Церковная история… С. 130–131 (IV, XVII (XV)).

[104] Sancta Synodus Sexta Generalis, Constantinopolitana Tertia // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio… T. XI. Col. 189–922.

появления монофелитства — императорах Ираклии и Константе II — собор по какой-то причине умолчал. Обошли вниманием соборные отцы и вопрос о мученичестве таких защитников ортодоксальной веры, как папа Мартин I и Максим Исповедник…

* * *

Решения III Константинопольского собора, хотя и не изменили зависимого положения римской церкви, официально по-прежнему остававшейся в подчинении Империи, — вместе с тем ознаменовали собой начало нового периода относительно мирного сосуществования папства со светской властью, которое в продолжение последующих тридцати лет было нарушено лишь дважды: в 692 и 711 гг. Связаны эти «тревожные моменты», как обычно, были не столько с догматическими и каноническими вопросами, сколько с желанием полного контроля над церковью со стороны правителей, воцарившихся в Византии в очередной ее «смутный» период. Первый из них — Юстиниан II Ринотмет (685–695, 705–711) — попытался принудить римских епископов сначала к участию в так называемом Трулльском соборе (691/692), а затем и к подписанию его постановлений, призванных дополнить определения II и III Константинопольских

соборов[105]. Со своими требованиями выступил и свергнувший Юстиниана (во второй раз) узурпатор Филиппик Вардан (711–713) — ярый приверженец монофелитства, который выступал за немедленное принятие своей еретической веры представителями всех христианских церквей Империи. Однако все репрессивные меры, направлявшиеся этими василевсами против папского престола — включая и военные операции равеннских экзархов и поездку протоспафария Захарии — как правило, оказывались безрезультатными. Подобные неудачи византийских властей вполне отчетливо свидетельствовали об уже совершившейся политической переориентации не только самого римского престола, но и значительной части римского и италийского общества, за полтора столетия основательно уставшего от прихотливого и деспотичного «восточного стиля» руководства и теперь почти неизменно становившегося на защиту папы перед

---

[105] Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии. Казань, 1908. Т. 6. Поскольку указанные II и III Константинопольские соборы одновременно являлись V и VI Вселенскими, епископский съезд, инициированный Юстинианом II для их дополнения, уже вскоре получил наименование «Quinisextum» — буквально «Пято-шестой». «Дополнить» деяния предшествующих соборов предполагалось, главным образом, за счет дисциплинарных и канонических норм, которые ни в 553 г., ни в 680–681 гг. из-за сложных догматических дискуссий специально не обсуждались.

лицом имперских чиновников и военных. Последним папой, посетившим Константинополь[106], был Константин (708–715), который прибыл в столицу Империи по приглашению восстановленного на престоле императора Юстиниана II. Впрочем, визит его (с октября 710 г. по октябрь 711 г.), несмотря на четко озвученные императорские пожелания (об утверждении трулльских канонов, проигнорированных прежними папами Сергием I, Иоанном VI, Иоанном VII и Сизиннием), завершился фактически ничем[107].

Гораздо больше умы пап с самого начала VIII в., как кажется, занимали заботы сугубо западные. Это касалось и продолжающихся контактов с англосаксонскими правителями (в 709 г. по следам Кэдваллы в Рим для пострига прибыли Кенред Мерсийский и Оффа Эссекский[108]), и дальнейшего распространения веры (в рамках миссии Винфрида-Бонифация с 719 г.), и отношений с лангобардами. Последние, как и прежде, отличались крайней нестабильностью, обусловленной как специфическими географическими условиями, так и религиозно-политической

---

[106] Следующий папский визит на берега Босфора был организован лишь при Павле VI (1963–1978).

[107] Liber Pontificalis… T. I. P. 391. Новый государственный переворот в Византии произошел через месяц после возвращения папы в Рим.

[108] *Беда Достопочтенный*. Церковная история… С. 174 (V, XIX).

ситуацией (несмотря на все усилия Рима в среде варваров все еще сохранялось арианство и даже элементы язычества (!)). Так что в первые годы столетия папе (Иоанну VI) стоило немалых сил и средств унять натиск со стороны беневентского герцога Гизульфа I, вторгшегося в Кампанью[109]. Следующий папа, Иоанн VII, счел за лучшее обезопасить себя дипломатическим путем и заключил с лангобардским королем Аripертом II (702–712) мирный договор. Одновременно с этим соглашением под контроль римских епископов были возвращены некоторые земельные владения церкви, расположенные в районе Коттийских Альп и отторгнутые в ходе завоевания византийской Лигурии королем Ротари (636–652) шестьюдесятью годами ранее[110]. Такое восполнение имущественных потерь было для папского престола как нельзя кстати, поскольку к концу VII в. папы уже лишились части своих патримониев в результате арабских завоеваний в Северной Африке, а имения на Балканском полуострове постоянно тревожили своими набегами авары и славяне. Между тем, траты римской кафедры отнюдь не уменьшались: понтифики по-прежнему опекали неимущих обитателей Рима, содержали столичный клир и церковную

---

[109] Liber Pontificalis… T. I. P. 383; *Павел Диакон*. История лангобардов… С. 193 (VI, 27).

[110] Liber Pontificalis… T. I. P. 385.

администрацию, занимались строительством и реставрацией церквей, монастырей и кладбищ, — а начиная с правления Сизинния вдобавок всерьез задумались о необходимости ремонта римских городских стен[111].

Однако мир вокруг папского престола царил недолго. В 717 г. соглашение, неукоснительно соблюдаемое и преемником Ариперта II Лиутпрандом (712–744), и папами Константином и Григорием II (715–731), оказалось нарушено. Против остатков «греческих» владений на Тирренском побережье и в Пентаполе выступили одновременно герцог Беневента Рамуальд II и герцог Сполето Фароальд II. Переговоры с участием Григория II, перемежавшиеся боевыми действиями, затянулись на несколько лет (717–725 гг.). А в 726 г. в Италию пришло известие из Константинополя, еще больше обострившее и осложнившее папско-лангобардские отношения. Задавшись целью укрепить свою власть, а заодно ограничить привилегии и богатства церкви и облегчить взаимодействие с мусульманским миром, император Лев III Исавр (717–741) издал серию постановлений о запрете почитания икон и всех возможных изображений святых. Начавшееся таким образом Иконоборчество (или Иконоклазм)

---

111 См.: Ibidem. P. 388. Восстановление римских укреплений заняло примерно полтора десятилетия и, несмотря на стесненность в средствах, вполне успешно завершилось при Григории III (Ibidem. P. 420).

вызвало однозначное неприятие со стороны Рима. Папа Григорий II немедленно собрал церковный синод, осудил уничтожение священных изображений и направил к константинопольскому двору два послания («Litteras vestrae», «Accepimus vestri»)[112]. Лангобарды же, в свою очередь, увидели в ситуации возможность для окончательного вытеснения византийцев с Апеннинского полуострова. Впрочем, к союзу между ними и св. Престолом это не привело — при всем недовольстве политикой конкретного императора Григорий по-прежнему (по примеру своего великого тезки) демонстрировал верность Империи. Лишь в 729 г., после провала всех интриг экзарха Евтихия (пытавшегося привлечь лангобардов для расправы с римскими «упрямцами») между папой и Лиутпрандом было достигнуто перемирие, закрепленное передачей римской кафедре города Сутри с прилежащей территорией[113].

Со смертью Григория II, прекратившей действие перемирия, обстановка в Италии накалилась с новой силой. Следующий папа — Григорий III (731–741) — попытался сыграть на противоречиях и конфликтах между самими лангобардскими правителями (королем и герцогами), попутно продолжая осуждать церковную

---

[112] Sancti Gregorii II Romani pontificis epistolae et canones // PL. T. LXXXIX. Col. 511–524 (XII, XIII).

[113] *Павел Диакон*. История лангобардов… С. 203 (VI, 49).

политику Льва III и тем самым провоцируя его на новую агрессию. И хотя основные планы императора по принуждению римской кафедры к покорности с треском провалились (вместе с крушением византийского флота в Адриатике), ответный удар не заставил себя ждать. В 733 г., получив постановления очередного римского собора (731 г.), Лев Исавр конфисковал папские патримонии в Калабрии, Сицилии и Иллирии, а затем и вовсе передал эти области в юрисдикцию константинопольского патриарха. Для св. Престола эта потеря оказалась более чем ощутимой — ведь юг Италии и сицилийские имения в течение долгого времени представляли собой один из основных источников папского дохода. Вдобавок фактически сведены к нулю были многолетние (развивавшиеся с IV в.) усилия понтификов по поддержанию своей канонической власти на Балканах. Политика Григория III в отношении лангобардов также не принесла сколь-нибудь заметного успеха — попытки папы заручиться поддержкой своевольных герцогов Беневента и Сполето в большинстве своем лишь раздражали короля Лиутпранда и подталкивали его к новым нападениям на Римскую область и Равеннский экзархат[114]. Франки же, в лице майордома Карла Мар-

[114] Уже в 727 г. лангобарды захватили ряд городов в Эмилии и обе части (приморскую и внутреннюю) византийского Пентаполя; а с 730-х гг. начали регулярно угрожать Равенне.

телла, на папские мольбы о помощи («Ob nimium dolorem», 739 г.) по существу не откликнулись[115]…

В создавшейся ситуации преемник Григория III, Захария (741–752) — последний из «восточных» пап и первый, кто не обратился за подтверждением своего сана ни в Константинополь, ни в Равенну[116], — вынужден был действовать с исключительной осмотрительностью. Отказавшись от союзов с лангобардскими герцогами (прежде всего с мятежным Тразимундом II из Сполето), он заключил новый мирный договор с Лиутпрандом (742 г.) и таким образом не только устранил на несколько лет военную угрозу Риму, но и сумел вернуть под свой контроль некоторые утраченные ранее церковные имения и города Римского дуката (Амелию, Орте, Бомарцо и пр.)[117]. Долгожданным миром папе удалось воспользоваться в полной мере: он постарался восстановить по мере возможности финансовое

---

[115] См.: Sancti Gregorii III Romani pontificis scripta quae extant. Epistolae // PL. T. LXXXIX. Col. 583 (VI); Liber Pontificalis… T. I. P. 420. Майордом Карл Мартелл в это время был всецело поглощен борьбой с арабами в Провансе и к тому же связан с лангобардскими правителями союзническими и родственными связями. Так что посольства папы преуспели только в передаче ему различных священных реликвий. Ответное посольство в Рим также имело сугубо ритуальный характер.

[116] Право утверждения результатов папских выборов было передано равеннскому экзарху в понтификат Бенедикта II (684–685).

[117] Liber Pontificalis… T. I. P. 428–429.

положение св. Престола, частично реорганизовал оставшиеся у римской кафедры патримонии, создав в окрестностях Рима так называемые domusculta — укрупненные поместья, предназначенные для обеспечения именно римского духовенства. Рассудительность и осторожность Захарии позволили ему, вопреки всевозможным опасениям, поддерживать сравнительно мирные отношения и с Константинополем — даже несмотря на то, что по Империи прокатилась очередная смута (741–742 гг.), а на престол взошел наследник Льва Исавра, ярый иконоборец Константин V Копроним (741–775). Более того, видя отсутствие какой-либо явной конфронтации между римской кафедрой и экзархом (все тем же Евтихием), имперское правительство в 740-е гг. снизошло до того, чтобы пожаловать понтифику земельные владения в районе Нормы и Нинфы (на юге Лация)[118].

Таким образом вторая половина понтификата Захарии (740-е — 750 г.) протекала в обстановке относительного затишья. И лишь на исходе его правления в жизни римской кафедры случились события, которым уже в скором времени предстояло фактически «перевернуть» историю не только папства, но и почти всей Западной Европы. В определенном смысле пред-

---

[118] Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 184 (n. 1739).

посылкой к этим событиям стало то деятельное участие, которое папы с начала VIII в. проявляли по отношению к европейским миссионерам — и в первую очередь к Бонифацию (Винфриду), в течение многих лет проповедовавшему христианство среди саксов, тюрингов, фризов и пр. Его активность в регионах к востоку от франкских границ (а значит в зоне непосредственных интересов франкского королевства) неуклонно возрастала: в 722 г. он был рукоположен в епископы, в 731 г. получил из рук Григория III архиепископский паллий, а чуть позже и полномочия папского легата в землях франков (738 г.) и, наконец, в 747 г. был провозглашен архиепископом Майнца и примасом Германии[119]. Поэтому не приходится удивляться, что именно этого влиятельного и энергичного духовного деятеля и его учеников сын Карла Мартелла, майордом Пипин Короткий (741–751) выбрал в качестве помощников для осуществления своего амбициозного замысла — присвоения франкского престола.

Согласно источникам, в 750 г.[120] Пипин (успешно объединивший к тому времени всю территорию королевства) направил к папскому двору посольство с участием сподвижника Бонифация

---

[119] См.: Vitae Sancti Bonifatii archiepiscopi Moguntini / recogn. W. Levison // MGH. SS rer. Germ. T. LVII; Sancti Zachariae Romani pontificis epistolae et decreta // PL. T. LXXXIX. Col. 953–954.

[120] По другим данным в 751 г.

Бурхарда Вюрцбургского. В специальном послании, переданном папе Захарии, содержался вопрос «о королях франков, которые происходили из королевского рода и назывались королями, но не имели в королевстве никакой власти кроме той, что их именем подписывались хартии и привилегии; королевской же власти у них вовсе не было, но они делали все, что желал майордом <…> Папа Захария апостольской властью дал им ответ: ему кажется лучше и полезнее, чтобы назывался и был королем тот, кто имеет в королевстве власть, нежели тот, кто ложно зовется королем. Так упомянутый понтифик повелел королю и народу франков, чтобы Пипин, пользующийся королевской властью, назывался королем и был возведен на королевский престол. Так и было сделано. Помазание совершил святой архиепископ Бонифаций в городе Суассон [в ноябре 751 г. — *И. П.*]. Хильдерик же, ложно именуемый королем, был пострижен в монахи и отослан в монастырь»[121].

Соучастие в смене власти у франков оказалось для папского престола делом весьма выгодным — и, как показали дальнейшие события, весьма своевременным. Еще в 749 г. лангобардский

---

[121] Малые Лоршские анналы / Пер. с лат., коммент., статья И. И. Аникьева // Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники / Сост. и общ. ред. А. И. Сидоров. СПб., 2019. С. 75–76; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 188.

престол в Павии занял наследник Фриульского герцогства Айстульф (749–756), сторонник крайне агрессивной политики по отношению к оставшимся византийским владениям в Италии. В 751 г. он полностью захватил территорию Равеннского экзархата (изгнав последнего экзарха Евтихия), а затем, в нарушение лиутпрандова мира (742 г.), обратился против Рима. Впавшему в панику новому папе Стефану II (III) (752–757) в этих условиях не оставалось ничего иного, как попросить о помощи новообретенных союзников-франков. В середине ноября 753 г., после неудачных переговоров с Айстульфом, которых настойчиво требовал Константинополь, он отважился на беспрецедентный для римских епископов шаг — преодолев Альпы, выехал в Галлию с тем, чтобы лично встретиться с королем Пипином[122].

Чувствуя себя, по-видимому, в долгу перед предыдущим папой, Пипин Короткий (получивший к тому же повторное помазание на царство и титул «римского патриция»[123]) почти без промедления откликнулся на просьбы Стефана[124].

---

[122] Liber Pontificalis… T. I. P. 444–448; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 190.

[123] Помазание Пипина и его сыновей состоялось в монастыре Сен-Дени 28 июля 754 г. (Ibidem. P. 191).

[124] Опасный и долгий переезд через Альпы, осуществленный в начале зимы, подорвал здоровье папы, так что все начало 754 г. ему со свитой пришлось провести в аббатстве Сен-Дени.

192 Уже в конце лета 754 г. он выступил в поход на Италию и разбил войско Айстульфа, принудив того к обещанию вернуть захваченные земли экзархата и Пентаполя (первый Павийский договор). Однако стоило франкской армии удалиться обратно за Альпы, как лангобарды разорвали все соглашения и вновь двинулись на Рим. Новые папские мольбы о помощи, составленные на этот раз от имени самого ап. Петра (!), прозвучали уже в начале 756 г. (послание «Petrus vocatus apostolus»[125]). А в июне того же года войско Пипина опять нанесло поражение силам Айстульфа (второй Павийский договор). При этом территории, возвращенные вероломным лангобардским правителем (Равенна и города экзархата, Пентаполь, Эмилия и пр.), оказались в обход византийских интересов переданы «в дар» св. Петру и римской церкви[126]. Так с легкой руки франкского короля на карте средневековой Европы практически в одночастье возникла не просто сеть церковных по-

---

[125] Caroli Magni imperatoris codicis diplomatici sectio tertia. Monumenta dominationis pontificiae, sive Codex Carolinus // PL. T. XCVIII. Col. 121–126; Stephani II Romani pontificis epistolae et decreta // PL. T. LXXXIX. Col. 996–1007; *Задворный В. Л.* История римских пап. Том III: Григорий I — Сильвестр II. М., 2019. С. 108–111.

[126] См.: Ludovici I imperatoris pactum cum Paschali papa // PL. T. XCVII. Col. 681–686; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 222 (n. 1936); Liber Pontificalis… T. I. P. 453.

местий и ферм, служащих прокорму римского «клира и мира», а вполне самостоятельное, достаточно четко очерченное государственное образование под контролем римской епископской кафедры — Патримоний св. Петра (или Папское государство).

Так длившееся более полутора столетий постепенное и осторожное сближение с варварским франкским королевством и увенчавший его «Пипинов дар» положили начало новой эпохе в истории папства и западной церкви[127] — эпохе развития новых экклезиологических и теократических идей, эпохе наращивания папского политического влияния, эпохе тесных связей и взаимодействия св. Престола с европейскими светскими властями. Между тем, постоянные контакты с Восточной империей, когда-то служившей основным гарантом существования римского епископа, необратимо уходили в прошлое. Преемник Стефана II, папа Павел I (757–767) о своем избрании оповещал уже не константинопольский двор, а франкский[128].

---

[127] Вдобавок именно сближение с франками и его письменное оформление, по-видимому, стали тем «спусковым механизмом», который подтолкнул процесс фабрикации одного из известнейших подложных актов канонического права — так называемого «Константинова дара».

[128] Sancti Pauli I Romani pontificis epistolae // PL. T. LXXXIX. Col. 1135–1137; Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia… T. I. P. 193 (n. 1936).

Заключение

Таким образом, за первые семь с половиной столетий нашей эры римская церковь и ее руководство пережили весьма примечательную эволюцию. Из небольшого кружка верующих, гонимого и презираемого, практически ежечасно подвергающегося опасности и зависимого от сиюминутного настроения властей, она понемногу превратилась в достаточно сплоченный и обеспеченный коллектив с четкой структурой, простой и относительно прочной системой управления (ordines sacri и ordines minores). Обретая шаг за шагом все большее влияние внутри общины, ее предводители — римские епископы — начали скрупулезно собирать доказательства своего априорного руководящего статуса, рассыпанные по текстам Св. Писания и Предания, и на этом основании убеждать лидеров прочих церковных сообществ в своем неизменном организационном и вероучительном авторитете. Уже на этом этапе одним из главных козырей в их руках

стало исключительное постоянство в сохранении и воспроизведении богословских постулатов — а значит, умелое «отсечение» (и в конечном счете искоренение) всех тех идейных течений, которые со временем все чаще клеймились как *ереси*.

Переломным и для кафедры св. Петра стала эпоха Константина Великого, поставившая ее в исключительно выгодное положение. С одной стороны, христианская церковь, доказавшая полезность властям, не только была легализована, но и начала путь к монопольному господству над умами поданных империи. С другой — после переноса центра светской власти в Константинополь папский престол в перспективе обретал ресурс для проведения автономной от нее политики. На начальном же этапе существования христианства как государственной религии, сблизившись (но не слившись) с государственной властью Империи, римское церковное руководство обрело еще бóльшие возможности — отныне к его услугам были выверенная система римского права, имперский «административный ресурс», а при необходимости и государственный репрессивный аппарат (чем епископы смогли в полной мере воспользоваться уже на рубеже IV–V вв.). Впрочем, не исключено, что именно это чрезмерное врастание в римский административный и государственный «быт» предопределило большинство

сложностей, с которыми папству предстояло столкнуться в период распада и частичного разрушения Империи.

Тесная связь с имперским наследием как в политическом, культурном, так и в экономическом плане в конечном счете привела св. Престол в зависимость от восточных (византийских) императоров, которые относились к церковным структурам столь же прагматично и функционально, как некогда и Константин Великий — хотя и не всегда располагали сходной харизмой и ресурсами. Лишь к рубежу VI–VII вв. изменения в восприятии как нового варварского окружения, так и собственных полномочий позволили папам осознать самоценность своего властного института, — а в перспективе и его возможную независимость от каких-либо светских сил. Разумеется, в процессе этого «освобождения» и возвышения вряд ли стоит видеть какую-либо продуманную и долговременную стратегию — лишь незначительное число римских епископов, одаренных мыслителей и талантливых дипломатов и организаторов, способно было целенаправленно режиссировать крупные политические шаги, осознавая их долгосрочные последствия в масштабах средиземноморского мира или Европы. Однако на стороне большинства пап — независимо от их стратегического чутья — неизменно оставался уже известный беспроигрышный прием,

заключавшийся в методичном накоплении и сохранении их наследия — всего того авторитета, «кирпичиками» в созидании которого стали литературные труды и организационные усилия Дамаса I, Льва Великого, Геласия I, Гормизда, Григория Великого, Сергия I, Григория II, Захарии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПЭ — Православная энциклопедия. М., 2000– (продолжающееся издание)

EP — Enciclopedia dei Papi. [Roma], 2000. 3 t.

MGH — Monumenta Germaniae Historica inde ab anno Christi 500 usque ad annum 1500. Hann.; Berlin, 1826– (продолжающееся издание)

MGH. AA — Auctores antiquissimi. 1877–1919. 15 Bd.

MGH. Epistolae — Epistolae. 1887–1939. 8 Bd.

MGH. SS rer. Germ — Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis recusi. 1826–2020. 83 Bd.

MGH. SS rer. Langobard. — Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum. 1878.

PG — Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1857–1866. 167 tt.

PL — Patrologiae cursus completus. Series latina / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844–1865. 221 t.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. с лат. М., 2005.

Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. З. Ю. Метлицкой. СПб., 2010.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. В. В. Эрлихмана. СПб., 2003.

Григорий Великий. Послание святителя Григория Великого Берте, королеве Кента / Вступ. ст., пер. с лат., коммент. Ю. М. Прогуновой, Н. Ю. Гвоздецкой // Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2013. № 5. С. 175–178.

Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. В. Д. Савуковой. М., 2023.

Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии. Казань, 1908. Т. 6.

Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии. Издание третье. Казань, 1910. Т. 1.

Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги I–VI / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. И. В. Кривушина. СПб., 2010.

Евсевий Памфил. Церковная история / [Предисл., коммент. С. Ершова]. СПб., 2005.

Иаков Ворагинский. Золотая легенда / Пер. с лат. М., 2017–2018. Т. I–II.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб., 2000.

Ириней Лионский, *св*. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Пер. с лат. П. Преображенского; Пер. с нем. Н. И. Сагарды. СПб., 2008.

Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том первый: Анналы. Малые произведения / Изд. подг. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. Л., 1969.

Лактанций. О смертях преследователей / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и пр. В. М. Тюленева. СПб., 1998.

Малые Лоршские анналы / Пер. с лат., коммент., статья И. И. Аникьева // Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники / Сост. и общ. ред. А. И. Сидоров. СПб., 2019. С. 68–95.

Павел Диакон. История лангобардов / Пер. с лат. Ю. Б. Циркина. СПб., 2008.

Павел Орозий. История против язычников. Книги I–VII / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. В. М. Тюленева. СПб., 2004.

Письма Плиния Младшего. Книги I–X / Изд. подг. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. М., 1982.

Послание св. Климента к коринфянам // Задворный В. Л. История римских пап. Том I: От св. Петра до св. Симплиция. М., 1995. С. 20–71.

Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева; вступ. ст. З. В. Удальцовой. М., 1950.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч., ст., коммент. А. А. Чекаловой. М., 1993.

Светоний Транквилл, *Гай*. Жизнь двенадцати цезарей / Изд. подг. М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман. М., 1966.

Сократ Схоластик. Церковная история / Сост. и коммент. И. В. Кривушина; отв. ред. М. А. Тимофеев. М., 1996.

Сульпиций Север. Сочинения / Пер. с лат., ст., коммент. А. И. Донченко. М., 1999.

Феодорит, еп. Кирский. Церковная история / Пер. с греч. М., 1993.

Acta synhodorum habitarum Romae A. CCCCXCVIIII. DI. DII // MGH. AA. T. XII. P. 393–455.

Caroli Magni imperatoris codicis diplomatici sectio tertia. Monumenta dominationis pontificiae, sive Codex Carolinus // PL. T. XCVIII. Col. 9–893.

Chronica patriarcharum Gradensium // MGH. SS rer. Langobard. T. I. P. 392–397.

Concilium Aquilejense contra Quintam synodum coactum anno Domini DLIII // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1763. T. IX. Col. 659–660.

Concilium Arelatense I // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. II. Col. 463–512.

Concilium Carthaginense contra Pelagianos I // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1760. T. IV. Col. 289–292.

Concilium Diospolitanum // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1760. T. IV. Col. 311–320.

Concilium generale Anglicum Hedtfeldae celebratum // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1765. T. XI. Col. 175–180.

Concilium Lateranense Romanum… // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1764. T. X. Col. 863–1188.

Concilium Mediolanense // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. III. Col. 233–252.

Concilium Primum Constantinopolitanum generale secundum // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. III. Col. 521–574.

Concilium Romanum II sub Damaso // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. III. Col. 455–464.

Concilium Romanum III sub Damaso // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. III. Col. 477–482.

Concilium Romanum in quo Heraclii Ecthesis a Severino pontifice damnata // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1764. T. X. Col. 679–680.

Concilium Romanum primum sub Felice III contra Acacium Constantinopolitanum & Petrum Fullonem // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1762. T. VII. Col. 1105–1110.

Concilium Romanum, quo CXXV episcopi Orthodoxam Fidem confirmarunt, Monothelitarum haeresim condemnarunt, atque legationem Constantinopolim ad synodum oecumenicum decreverunt, anno domini DCLXXX sub Agathone papa // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1765. T. XI. Col. 185–188.

Concilium Romanum sub Bonifacio III // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1764. T. X. Col. 501–502.

Concilium Romanum sub Damaso // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. III. Col. 447–450.

Concilium Romanum sub Joanne IV celebratum anno redemptoris nostri DCXL quo Ecthesis Heraclii & Monothelitarum haeresis condemnantur // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1764. T. X. Col. 697–700.

Concilium Romanum sub Melchiade // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. II. Col. 433–442.

Concilium Sardiciense generale // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. III. Col. 1–124.

Consularia Italica // MGH. AA. T. IX. P. 249–339 (Anonymi Valesiani pars posterior).

Corpus Juris Civilis. Volumen tertium: Novellae / Recogn. R. Schoell; opus Schoellii morte interceptum absolvit G. Kroll. Editio quarta. Berolini, 1912.

Epistolae Arelatenses genuinae // MGH. Epistolae. T. III. P. 1–83.

Epistolae Hilari Papae // PL. T. LVIII. Col. 11–32.

Epistolae Romanorum Pontificum genuinae et quae ad eos scriptae sunt a S. Hilaro usque ad Pelagium II / Ed. A. Thiel. Brunsbergae, 1868. T. I: A S. Hilaro ad S. Hormisdam.

Epistolae Simplicii Papae // PL. T. LVIII. Col. 35–62.

Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab a. CCCLXVII ad a. DLIII datae Avellana quae dicitur collectio / Ed. O. Gventher. Pragae; Vindobonae; Lipsiae, 1895–1898. Pars I–II.

Excerpta ex Ecclesiastica Historia Theodoris Lectoris // PG. T. LXXXVI. Col. 165–216.

Gelasii Papae I epistolae et decretal // PL. T. LIX. Col. 13–190.

Gregorii I Papae Registrum epistolarum. Tomus I. Libri I–VII / Ed. P. Ewald et L. M. Hartmann // MGH. Epistolae. T. I.

Gregorii I Papae Registrum epistolarum. Tomus II. Libri VIII–XIV / Ed. L. M. Hartmann // MGH. Epistolae. T. II.

Joannes Diaconus. Liber de Ecclesia Lateranense // PL. T. CXCIV. Col. 1543–1560.

Joannis Cassiani De Incarnatione Christi contra Nestorium haereticum // PL. T. L. Col. 9–272.

Liber Diurnus Romanorum Pontificum / Gesamtausg. von H. Foerster. Bern, 1958.

Liber Pontificalis / Texte, introduction et commentaire par l'Abbé L. Duchhesne. Paris, 1886–1892. T. I–II.

Liberatus Carthaginensis diac. Breviarium causae Nestorianorum et Eutychianorum, collectum a Liberato archidiacono Ecclesiae Carthaginensis // PL. T. LXVIII. Col. 969–1052.

Liberius Papa. Epistolae et dicta // PL. T. VIII. Col. 1349–1410.

Ludovici I imperatoris pactum cum Paschali papa // PL. T. XCVII. Col. 679–686.

Marcellini V. C. Comitis Chronicon // MGH. AA. T. XI. P. 37–108.

Pelagii Papae I epistolae // PL. T. LXIX. Col. 393–422.

Pelagii Papae II epistolae et decreta // PL. T. LXXII. Col. 703–760.

Prosperi Tironis epitoma chronicon // MGH. AA. T. IX. P. 341–499.

Regesta Pontificum Romanorum ab condita Ecclesia ad annum post Christum natum MCXCVIII / Ed. Ph. Jaffé; editionem secundam correctam et auctam… curaverunt S. Loewenfeld, F. Kaltenbrunner, P. Ewald. Leipzig, 1885–1888.

Rescriptum Honorii Augusti ad Bonifacium Papam I // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1760. T. IV. Col. 393.

S. Augustinus, *Hipponensis episcopus*. Epistolae. Classis III // PL. T. XXXIII.

S. Aurelii Augustini Hipponensis episcopi de Gestis Pelagii liber unus // PL. T. XLIV. Col. 319–360.

S. Aurelii Augustini Hipponensis episcopi de Gratia Christi et de peccato originali libri due // PL. T. XLIV. Col. 359–415.

S. Bonifacii I Papae epistolae et decreta // PL. T. XX. Col. 745–792.

S. Clementis episcopi Romani epistola ad Corinthios I // PG. T. I. Col. 199–248.

S. Innocentii I Papae epistolae et decreta // PL. T. XX. Col. 463–636.

S. Optati Milevitani libri VII / ed. C. Ziwsa. Pragae; Vindobonae; Lipsiae, 1893 (Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. XXVI).

S. Siricii Papae epistolae et decreta // PL. T. XIII. Col. 1131–1196.

Sancta Synodus Sexta Generalis, Constantinopolitana Tertia // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1765. T. XI. Col. 189–922.

Sancti Ambrosii Mediolanensis episcopi Expositio Evangelii secundum Lucam libris X. comprehensa // PL. T. XV. Col. 1527–1850.

Sancti Damasi opuscula. Carmina // PL. T. XIII. Col. 375–424.

Sancti Damasi opuscula. Epistolae // PL. T. XIII. Col. 347–376.

Sancti Gregorii Magni Romani pontificis XL Homiliarum in Evangelia libri duo // PL. T. LXXVI. Col. 1075–1312.

Sancti Gregorii Magni Romani pontificis Homiliarum in Ezechielem Prophetam libri duo // PL. T. LXXVI. Col. 785–1072.

Sancti Gregorii Magni Romani pontificis Moralium libri, sive Expositio in librum b. Job // PL. T. LXXV. Col. 509–1162; T. LXXVI. Col. 9–782.

Sancti Gregorii Magni Romani pontificis Regulae pastoralis liber, ad Joannem episcopum civitatis Ravennae // PL. T. LXXVII. Col. 13–128.

Sancti Gregorii Magni vita, a Joanne Diacono scripta libris quatuor // PL. T. LXXV. Col. 59–242.

Sancti Gregorii Magni vita, auctore Paulo Diacono monacho cassinensi // PL. T. LXXV. Col. 41–60.

Sancti Gregorii Papae Dialogorum libri IV de vita et miraculis partum Italicorum et de aeternitate animarum // PL. T. LXXVII. Col. 149–429.

Sancti Gregorii II Romani pontificis epistolae et canones // PL. T. LXXXIX. Col. 495–534.

Sancti Gregorii III Romani pontificis scripta quae extant. Epistolae // PL. T. LXXXIX. Col. 575–588.

Sancti Leonis Magni romani pontificis epistolae // PL. T. LIV. Col. 593–1218.

Sancti Pauli I Romani pontificis epistolae // PL. T. LXXXIX. Col. 1135–1198.

Sancti Zachariae Romani pontificis epistolae et decreta // PL. T. LXXXIX. Col. 917–960.

Sanctum Concilium Nicaenum primum generale // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. II. Col. 635–704.

Stephani II Romani pontificis epistolae et decreta // PL. T. LXXXIX. Col. 993–1030.

Synodus Romana I sub Symmacho papa // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1762. T. VIII. Col. 229–238.

Synodus Romana IV sub Symmacho alias Palmaris appellata // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1762. T. VIII. Col. 261–272.

Ughelli F. Italia Sacra, sive de episcopis Italiae et insularum adiacentium. Tomus quintus. Romae, 1653.

Victor Tununensis ep. Victoris Chronicon, continuans ubi Prosper desinit // PL. T. LXVIII. Col. 941–962.

Vita, epistolae et decreta Anastasii Papae II // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1762. T. VIII. Col. 185–198.

Vita, epistolae et decreta Joannis Papae IV // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1764. T. X. Col. 679–698.

Vita, epistolae et decreta Liberii papae // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1759. T. III. Col. 195–230.

Vita, epistolae et decreta Theodori Papae I // Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio Sacrorum

Conciliorum nova et amplissima collectio / Joannes Dominicus Mansi… evulgavit. Florentiae, 1764. T. X. Col. 702–708.

Vitae Sancti Bonifatii archiepiscopi Moguntini / recogn. W. Levison // MGH. SS rer. Germ. T. LVII.

Zosimi Papae epistolae et decreta // PL. T. XX. Col. 639–686.

Литература

Алляр П. Гонения на христиан при Диоклетиане и торжество христианской церкви / Пер. с фр. М., 2018.

Аман А.-Г. Повседневная жизнь первых христиан. 95–197 / Пер. с фр. и предисл. В. Д. Балакина. М., 2003 (Живая история. Повседневная жизнь человечества).

Афанасьев Н. Н. Церковные соборы и их происхождение. М., 2003.

Бабина А. А. Образ святого-епископа в «Житии св. Германа Осерского» // Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2018. № 10. С. 5–22.

Беркхов Л. История христианских доктрин / Пер. с англ. СПб., 2000.

Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. I–II: Введение в церковную историю. История Церкви в период до Константина Великого. Минск, 2008.

Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. III–IV: История Церкви в период Вселенских соборов. Минск, 2008.

Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л., 1929.

Буркхард Я. Век Константина Великого / Пер. с англ. М., 2003.

Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики (1917–1966 гг.). Л., 1968.

Введение в историю Церкви. Часть 1: Обзор источников по общей истории Церкви: Учебное пособие / Под ред. В. В. Симонова. СПб., 2012.

Введение в историю Церкви. Часть 2: Обзор историографии по общей истории Церкви: Учебное пособие / Под ред. В. В. Симонова. СПб., 2015.

Гергей Ё. История папства / Пер. с венгр. М., 1996.

Голдсуорти А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи / Пер. с англ. М., 2014.

Грант М. Римские императоры / Пер. с англ. М., 1998.

Грацианский М. В. «Акакианская» или все же «Феликианская» схизма? Проблема обоснованности одного историографического клише // Византийский временник. 2016. Т. 75. № 100. С. 44–63.

Грацианский М. В. Исторический и идейный контекст послания папы Геласия I «Famuli vestrae pietatis» // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 85–112.

Грацианский М. В. Кризис авторитета римской церкви в понтификаты Зосима (417–418) и Бонифация (418–422) // Византийский временник. 2021. Т. 105. С. 40–59.

Грацианский М. В. Папа Геласий I (492–496) и его экклезиологические воззрения // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. № 3 (65). С. 25–41.

Грацианский М. В. Папа Сириций (384–399) и римская экклезиология в эпоху после окончания арианских споров // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. № 88. С. 11–29.

Грацианский М. В. Св. император Юстиниан и спор о Трёх главах (540–553) // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 17. С. 5–26.

Грацианский М. В. Haeres Petri sive Vicarius Petri: обоснование исключительных властных прерогатив римского епископа папой Львом Великим // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. № 89. С. 27–48.

Грацианский М. В., *Мигальников А. В.* Полемические письма папы Григория Великого о титуле «Вселенский» Константинопольского патриарха // Причерноморье в Средние века. Сборник статей / Под ред. С. П. Карпова. СПб., 2021. С. 9–67.

Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия) / Пер. с нем. М., 2008.

Деко А. Апостол Павел / Пер. с фр.; вступ. слово В. Я. Курбатова. М., 2005. (ЖЗЛ).

Дюшен Л. История древней церкви / Пер. с фр. под ред. И. В. Попова и А. П. Орлова. М., 1912–1914. Т. I–II.

Задворный В. Л. История римских пап. Том I: От св. Петра до св. Симплиция. М., 1995.

Задворный В. Л. История римских пап. Том II: От св. Феликса II до св. Пелагия II. М., 1997.

Задворный В. Л. История римских пап. Том III: Григорий I — Сильвестр II / Вступ. слово архиеп. П. Пецци. М., 2019.

Задворный В. Л. Сочинения Римских понтификов эпохи поздней Античности и раннего Средневековья (I–IX вв.). М., 2011.

Захаров Г. Е. «Апостольский» и «имперский» дискурс в развитии идеи римского первенства в IV в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 4 (65). С. 9–26.

Захаров Г. Е. «Апостольский престол» в творениях свт. Либерия Римского и свт. Афанасия Великого // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 4 (47). С. 62–69.

Захаров Г. Е. «...Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами»: Экклезиологическая проблематика в истории арианских споров. М., 2014.

Захаров Г. Е. Папские легаты в эпоху арианских споров: раннехристианские истоки средневекового института // Средние века. 2016. Т. 77. № 3–4. С. 36–52.

Захаров Г. Е. Римский собор 382 г. в контексте церковно-политической деятельности и экклезиологических взглядов свт. Дамаса Римского и свт. Амвросия

Медиоланского // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. № 80. С. 9–28.

Захаров Г. Е. Tomus Damasi: исторический контекст и богословское содержание // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 112–123.

Иванова Е. Ю. Историко-культурные аспекты распространения христианства в Ирландии и предпосылки формирования ирландской монастырской культуры // Ученые записки РГСУ. 2009. № 4 (67). С. 191–198.

Иванцов-Платонов А. М. Ереси и расколы первых трех веков христианства. Часть первая. М., 1877.

Казаков М. М. Папа Либерий между Западом и Востоком // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2015. № 1 (1). С. 41–47.

Казаков М. М. Христианизация Римской империи в IV в.: Дисс. … д. и. н. М., 2003.

Каргальцев А. В. Гонения Валериана и мученичество Киприана Карфагенского // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 4. С. 124–130.

Каргальцев А. В. Гонения Деция и церковь середины III в.: мученики и власти // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1 (51). С. 153–165.

Каргальцев А. В. «Достоинство исповедников — отлучиться от отступников». Церковный раскол Новациана // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2017. № 6. С. 150–167.

Каргальцев А. В. Религиозная политика Септимия Севера в свете антихристианских гонений // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2018. № 7. С. 156–173.

Карпов К. В. Доктрины предопределения в средневековой философской теологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32. № 1. С. 228–250.

Карсавин Л. П. Святые отцы и учители Церкви (раскрытие православия в их творениях) / Предисл. и коммент. С. В. Мосоловой. М., 1994.

Карташев А. В. Вселенские соборы. СПб., 2002.

Комлева З. В. Свобода воли и предопределение у Аврелия Августина в его полемике с пелагианами: Дисс. … канд. филос. наук. М., 2000.

Копылов И. А. «Арианский фактор» во взаимоотношениях Рима и варварской периферии // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 17 (118). С. 54–72.

Корелин М. С. Падение античного миросозерцания. Культурный кризис в Римской империи. СПб., 2005.

Королев А. А. Образы римских мучеников в первые века христианства // Средние века. 2016. Т. 77. № 3–4. С. 9–35.

Королев А. А. Пастырь, собственник, правитель: к интерпретации папской риторики в VIII веке // Средние века. 2017. Т. 78. № 4. С. 49–71.

Корсунский А. Р., *Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

Краутхаймер Р. Три христианские столицы. Топография и политика / Пер. с англ. СПб., 2000.

Кутепов Н. П. Раскол донатистов. Казань, 1884.

Лебедев А. П. Вселенские соборы IV и V веков: Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004.

Лебедев А. П. Вселенские соборы VI, VII и VIII веков: С приложениями к «Истории Вселенских соборов». 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004.

Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2003.

Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2003.

Лебедев П. Н. «Страсти свв. Перпетуи, Фелициаты и их сомучеников» и вопрос о преследовании христиан в Римской империи при Септимии Севере // Новый исторический вестник. 2021. № 4 (70). С. 94–112.

Левинская И. А. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000.

Лозинский С. Г. История папства. М., 1986.

Лортц Й. История церкви, рассмотренная в связи с историей идей. Т. I: Древность и средние века / Пер. с нем. М., 1999.

Мамонтов А. Л. Константин и донатистский раскол: первые шаги императора (313–314 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 86. С. 9–24.

Марей Е. С. Город святых апостолов: образ Рима в письмах Григория Великого // Шаги/Steps. 2018. Т. 4. № 2. С. 120–138.

Мецгер Б. Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения / Пер. с англ. М., 2002.

Мигальников А. В. Полемика между святителем Григорием Двоесловом и константинопольскими патриархами вокруг титула «Вселенский» // Сретенское слово. 2022. № 3. С. 46–59.

Митрофанов А. Ю. История церковных соборов в Италии (IV–V вв.). М., 2006.

Михайлов П. Б. Духоборчество // ПЭ. Т. 16. С. 368–372.

Морев М. П. Маркион из Синопы: первый реформатор христианства: Автореф. дисс. … к. и. н. Саратов, 2002.

Мышцын В. Н. Устройство христианской Церкви в первые два века. Сергиев Посад, 1909.

Новая Кембриджская история Средних веков. 500–700 гг. / Под ред. П. Форакра; Пер. с англ. М., 2020–2022. Т. 1. Часть 1–2.

Норкин К. В. Становление церковного первенства Арля в Галлии и римские папы (398–432 гг.) // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 53–69.

Общая история Церкви: Учебное пособие. В 2 т. / [Сост., отв. ред. В. В. Симонов]. М., 2017. Т. 1: От зарождения Церкви к Реформации, I–XV века. Кн. 1: Богословское и организационное становление Церкви, I–III века.

Пантелеев А. Д. Религиозная терпимость и нетерпимость в Риме во II–III вв. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2006. Вып. 5. С. 405–418.

Парфенов В. Н. Власть, христиане и вероотступники в переписке Плиния Младшего с императором Траяном // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2020. № 14. С. 261–272.

Пономарев А. В. Гностицизм // ПЭ. Т. 11. С. 627–638.

Поснов М. Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Киев, 1917.

Потехина И. П. Богатство и бедность Святого Петра. Административно-финансовая система средневекового папства (VI — XIV вв.). СПб., 2018.

Предтеченский С. Развитие влияния папского престола на дела западных церквей до конца IX века. Казань, 1891.

Прозоров В. Б. Властные институты, должности и звания в Римской церкви с V в. до конца XVII в. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С. 280–301.

Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий / Пер. с нем. СПб., 2004.

Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования / Пер., коммент., вступ. ст. и общ. ред. А. Д. Пантелеева. СПб., 2017.

Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.

Рудоквас А. Д. К вопросу о характере гонений Лициния // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 1996. Вып. 2. № 9. С. 94–97.

Самойлов Д. А. Рескрипты Траяна и Адриана и деятельность первых апологетов христианства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 3. С. 198–210.

Свенцицкая И. С. Ранее христианство: страницы истории. М., 1987.

Сильвестрова Е. В. Первый титул шестнадцатой книги Кодекса Феодосия // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2009. № 2 (26). С. 7–20.

Соколов В. Занимательная история Древней Церкви. От гонений к триумфу. М., 2016.

Спасский А. А. Историческая судьба сочинений Аполлинария Лаодикийского с кратким предварительным очерком его жизни. Сергиев Посад, 1895.

Спасский А. А. История догматических движений в эпоху Вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени). Тринитарный вопрос (история учения о св. Троице). Сергиев Посад, 1914.

Старостин Д. Н. От Поздней Античности к Раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). М.; СПб., 2017.

Таевский Д. А. Христианские ереси и секты I–XXI веков. Словарь. М., 2003.

Тимофеев М. А. Церковно-миссионерская деятельность папы Григория Великого (590–604 гг.): Автореф. дисс. … к. и. н. М., 1996.

Ткаченко А. А. Донатизм // ПЭ. Т. 15. С. 654–657.

Ткаченко А. А. Ипполит Римский // ПЭ. Т. 26. С. 202–222.

Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.

Усков Н. Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. Германские земли II/III — середины XI в. СПб., 2001.

Федоров С. Е., *Паламарчук А. А.* Средневековая Шотландия. СПб., 2014.

Федосов Д. Г. Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. СПб., 2014.

Фокин А. Р. Латинская патрология. Том 1: Период первый. Доникейская латинская патрология (150–325 гг.). М., 2005.

Холл С. Дж. Учение и жизнь ранней Церкви / Пер. с англ. Новосибирск, 2000.

Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви III–XX вв. / Пер. с фр. СПб., 2002.

Циркин Ю. Б. Император Деций: попытка возрождения Рима // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2009. Вып. 8. С. 313–328.

Шафф Ф. История христианской церкви. Том I: Апостольское христианство, 1–100 г. по Р. Х. / Пер. с англ. СПб., 2010.

Шафф Ф. История христианской церкви. Том II: Доникейское христианство, 100–325 г. по Р. Х. / Пер. с англ. СПб., 2010.

Шафф Ф. История христианской церкви. Том III: Никейское и посленикейское христианство. От Константина Великого до Григория Великого, 311–590 гг. по Р. Х. / Пер. с англ. СПб., 2011.

Шафф Ф. История христианской церкви. Том IV: Средневековое христианство. От Григория I до Григория VII, 590–1073 гг. по Р. Х. / Пер. с англ. СПб., 2008.

Шахнович М. М. Изучение истории Западного христианства в России в XIX — начале XX века // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX века. Архивные материалы и исследования / Отв. ред. М. М. Шахнович, Е. А. Терюкова. СПб., 2018. С. 71–77.

Шмалий В. В. Арианство // ПЭ. Т. 3. С. 221–225.

Якименко А. В. Учение Аполлинария Лаодикийского в контексте природно-личностной онтологии // Успехи современной науки. 2017. Т. 8. № 3. С. 97–102.

Anatolios Kh. Discourse on the Trinity // The Cambridge History of Christianity. Vol. II: Constantine to c. 600 / Ed. by A. Casiday, F. W. Norris. Cambridge, 2014. P. 431–459.

Arianism: Roman Heresy and Barbarian Creed / Ed. by G. M. Berndt, R. Steinacher. Ashgate, 2014.

Barnes T. D. Christians and pagans in the reign of Constantius // Entretiens sur l'Antiquité Classique. T. XXXIV: L'Église et l'Empire au IVe siècle. Vandoeuvres; Genève, 1989. P. 310–337.

Barrett A. A. Saint Germanus and the British Missions // Britannia. 2009. Vol. 40. P. 197–218.

Blockley R. C. The dynasty of Theodosius // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. XIII: The Late Empire, A. D. 337–425 / Ed. by A. Cameron, P. Garnsey. Cambridge, 1998. P. 111–137.

Brakke D. Self-differentiation among Christian groups: the Gnostics and their opponents // The Cambridge History of Christianity. Vol. I: Origins to Constantine / Ed. by M. M. Mitchell, F. M. Young. Cambridge, 2006. P. 245–260.

Burtchaell J. T. From Synagogue to Church. Public services and offices in the earliest christian communities. Cambridge, 1992.

Chadwick H. The Early Church. L.; NY, 1993.

Champlin E. Saint Gallicanus (consul 317) // Phoenix. 1982. Vol. 36. N. 1. P. 71–76.

Clarke G. W. The Origins and Spread of Christianity // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. X: The Augustan Empire, 43 B. C. — A. D. 69 / Ed. by A. K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge, 1996. P. 848–872.

Clarke G. W. Third Century Christianity // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. XII: The Crisis of Empire, A. D. 193–337 / Ed. by A. K. Bowman, P. Garnsey, A. Cameron. Cambridge, 2005. P. 589–671.

Delogu P. Rome in the Ninth Century: the economic system // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium / Ed. by J. Henning. Berlin, 2007. Vol. I: The Heirs of the Roman West. P. 105–122.

Di Berardino A. Marcellino // EP. T. I. P. 303–307.

Duffy E. Saints and Sinners. A History of the Popes. New Haven, 2006.

Edwards M. Christianity, A. D. 70–192 // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. XII: The Crisis of Empire, A. D. 193–337 / Ed. by A. K. Bowman, P. Garnsey, A. Cameron. Cambridge, 2005. P. 573–588.

Edwards M. The first Council of Nicaea // The Cambridge History of Christianity. Vol. I: Origins to Constantine / Ed. by M. M. Mitchell, F. M. Young. Cambridge, 2006. P. 552–567.

Fortescue A. The Early Papacy to the Synod of Chalcedon in 451. San Francisco, 2008.

Fowden G. Polytheist religion and philosophy // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. XIII: The Late Empire, A. D. 337–425 / Ed. by A. Cameron, P. Garnsey. Cambridge, 1998. P. 538–560.

Frend W. H. C. Martyrdom and Persecution in the Early Church: A Study of Conflict from the Maccabees to Donatus. Cambridge, 1965.

Frend W. H. C. Persecutions: genesis and legacy // The Cambridge History of Christianity. Vol. I: Origins to Constantine / Ed. by M. M. Mitchell, F. M. Young. Cambridge, 2006. P. 503–523.

Gamble H. Y. Marcion and the 'canon' // The Cambridge History of Christianity. Vol. I: Origins to Constantine / Ed. by M. M. Mitchell, F. M. Young. Cambridge, 2006. P. 195–213.

Griffin M. The Flavians // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. XI: The High Empire, A. D. 70–192 / Ed. by A. K. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. Cambridge, 2000. P. 1–83.

Griffin M. Nerva to Hadrian // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. XI: The High Empire, A. D. 70–192 / Ed. by A. K. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. Cambridge, 2000. P. 84–131.

Hall S. G. Ecclesiology forged in the wake of persecution // The Cambridge History of Christianity. Vol. I: Origins to

Constantine / Ed. by M. M. Mitchell, F. M. Young. Cambridge, 2006. P. 470–483.

Hall S. G. Institutions in the pre-Constantinian *ecclēsia* // The Cambridge History of Christianity. Vol. I: Origins to Constantine / Ed. by M. M. Mitchell, F. M. Young. Cambridge, 2006. P. 415–433.

Hallenbeck J. T. Pavia and Rome: the Lombard Monarchy and the Papacy in the Eighth Century. Philadelphia, 1982.

Holloway R. R. Constantine and Rome. New Haven, 2004.

Hunt D. The Church as a public institution // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. XIII: The Late Empire, A. D. 337–425 / Ed. by A. Cameron, P. Garnsey. Cambridge, 1998. P. 238–276.

Jalland T. The Church and the Papacy. An Historical Study. New York, 1944.

Jones A. H. M. Constantine and the Conversation of Europe. Toronto, 1978.

Jorge A. M. The Lusitanian Episcopate in the 4th Century: Priscillian of Avila and the Tensions between Bishops // e-Journal of Portuguese History. 2006. Vol. 4. No. 2.

Kelly J. N. D. The Oxford Dictionary of Popes. Oxford, 2006.

Kidd B. J. The Roman Primacy to A. D. 461. NY, 1936.

Lauer P. Le palais de Latran: étude historique et archéologique. Paris, 1911.

Leone A. Christianity and paganism, IV: North Africa // The Cambridge History of Christianity. Vol. II: Constantine to c. 600 / Ed. by A. Casiday, F. W. Norris. Cambridge, 2014. P. 231–247.

Liebeschuetz J. H. W. G. Religion // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. XI: The High Empire, A. D. 70–192 / Ed. by A. K. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. Cambridge, 2000. P. 984–1008.

Löhr W. Western Christianities // The Cambridge History of Christianity. Vol. II: Constantine to c. 600 / Ed. by A. Casiday, F. W. Norris. Cambridge, 2014. P. 9–51.

Madigan K. Medieval Christianity. A New History. New Haven; London, 2015.

Mann H. K. The Lives of Popes in the Middle Ages. St. Louis, 1906–1932.

Mathisen R. W. Ricimer's Church in Rome: how an Arian Barbarian prospered in a Nicene World // The Power of Religion in Late Antiquity / Eds. A. Cain, N. Lensky. Farnham, 2009. P. 307–325.

May G. Monotheism and creation // The Cambridge History of Christianity. Vol. I: Origins to Constantine / Ed. by M. M. Mitchell, F. M. Young. Cambridge, 2006. P. 434–451.

McKitterick R. Rome and the Invention of the Papacy. The Liber Pontificalis. Cambridge, 2020.

Moorhead J. The Laurentian Schism: East and West in the Roman Church // Church History. 1978. Vol. 47, No. 2. P. 125–136.

Neil B. Leo the Great, L.; NY, 2009.

Newman J. H. The Arians of the Fourth Century. London, 1871.

Noble T. F. X. The Republic of St. Peter. The Birth of the Papal State, 680–825. Philadelphia, 1991.

Norris F. W. Greek Christianities // The Cambridge History of Christianity. Vol. II: Constantine to c. 600 / Ed. by A. Casiday, F. W. Norris. Cambridge, 2014. P. 70–117.

Odahl C. M. Constantine and the Christian Empire. New York, 2004.

Partner P. The Lands of St. Peter. The Papal State in the Middle Ages and the Early Renaissance. Berkeley, 1972.

Partner P. Notes on the Lands of the Roman Church in the Early Middle Ages // Papers of the British School at Rome. 1966. Vol. 34. P. 68–78.

Pennington K. The growth of church law // The Cambridge History of Christianity. Vol. II: Constantine to c. 600 / Ed. by A. Casiday, F. W. Norris. Cambridge, 2014. P. 386–402.

Piazzoni A. M. Storia delle elezioni pontificie. Casale Monferrato, 2003.

Picotti G. B. Sulle relazioni fra re Odoacre e il senato e la Chiesa di Roma // Rivista Storica Italiana. Ser. V. 1939. Vol. IV. Fasc. III. P. 363–386.

Pietri C. Aristocratie et sociètè cléricale dans l'Italie chrétienne au temps d'Odoacre et de Théodoric // Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité. 1981. T. 93. N. 1. P. 417–467.

Pietrini S. Una testimonianza sul potere normative del preafectus pretorio // Studi in onore di Antonio Metro / A cura di C. Russo Ruggeri. Milano, 2010. Vol. IV. P. 563–580.

Potter D. Constantine the Emperor. Oxford, 2013.

Rees B. R. Pelagius: Life and Letters. Woodbridge, 1998.

Reynolds R. E. The Organisation, Law and Liturgy of the Western Church, 700–900 // The New Cambridge Medieval History. Volume II: c. 700 — c. 900 / Ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 587–621.

Richards J. The Popes and the Papacy in the Early Middle Ages, 476–752. London, 1979.

Roberto U. Il terzo sacco di Roma e il destino dell'Occidente (luglio 472) // La trasformazione del mondo romano e le grandi migrazioni. Nuovi popoli dall'Europa settentrionale e centro-orientale alle coste del Mediterraneo. Atti del Convegno internazionale di studi / A cura di C. Ebanista e M. Rotili. Napoli, 2012. P. 9–18.

Schäferdiek K. Germanic and Celtic Christianities // The Cambridge History of Christianity. Vol. II: Constantine to c.600 / Ed. by A. Casiday, F. W. Norris. Cambridge, 2014. P. 52–69.

Scheibelreiter G. Church Structure and Organisation // The New Cambridge Medieval History. Volume I: c. 500 — c. 700 / Ed. by P. Fouracre. Cambridge, 2005. P. 675–709.

Smith A. St. Augustin of Canterbury in History and Tradition // Folklore. 1978. Vol. 89. No. 1. P. 23–28.

Spearing E. The Patrimony of the Roman Church in the Time of Gregory the Great. Cambridge, 1918.

Thomas C. Christianity in Roman Britain to A. D. 500. Berkeley; Los Angeles, 1981.

Tilley M. A. The Bible in Christian North Africa: the Donatist World. Minneapolis, 1997.

Van Dam R. Bishops and society // The Cambridge History of Christianity. Vol. II: Constantine to c. 600 / Ed. by A. Casiday, F. W. Norris. Cambridge, 2014. P. 343–366.

Vera D. Massae fundorum. Forme della grande proprietà e poteri della città in Italia fra Costantino e Gregorio Magno // Mélanges d'École française de Rome. 1999. T. 111. No. 2. P. 991–1025.

Vinzent M. Rome // The Cambridge History of Christianity. Vol. I: Origins to Constantine / Ed. by M. M. Mitchell, F. M. Young. Cambridge, 2006. P. 397–412.

Wessel S. Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome. Leiden, 2008.

Wieland F. Die genetische Entwicklung der sogenannten Ordines minores in den drei ersten Jahrhunderten. Rom, 1897.

Williams R. Arius: Heresy and Tradition. London, 2001.

Wood I. The Mission of Augustin of Canterbury to the English // Speculum. 1994. Vol. 69. No. 1. P. 1–17.

Young F. M. Monotheism and Christology // The Cambridge History of Christianity. Vol. I: Origins to Constantine / Ed. by M. M. Mitchell, F. M. Young. Cambridge, 2006. P. 452–469.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Глава I. Папы в период господства Римской Империи 9

§ 1. Римская церковь до провозглашения Миланского эдикта 9

§ 2. Церковь и папство в последние века Античности 41

Глава II. Папы в эпоху «темных веков» 99

§ 1. Между Византией и варварами (конец V — конец VI в.) 99

§ 2. На пути к светской власти: папский престол в конце VI — середине VIII в. 148

Заключение 195

Список сокращений 199

Библиография 200

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus novus»

Потехина Ирина Павловна

ОТ РИМСКИХ ЕПИСКОПОВ
К РИМСКИМ ПАПАМ
(I — середина VIII в.)

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *В. Ю. Трофимов*
Корректор *Н. К. Исупова*
Технический редактор *О. В. Новикова*

Подписано к использованию 01.06.25
Формат 12,5×18,5 см
Гарнитура Minion Pro

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: https://eurasiabooks.com/
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: https://www.intermediator.ru
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

ЕВРАЗИЯ PARVUS LIBELLUS NOVUS

История папства — специфического властного института, в течение долгого времени контролировавшего не только огромные массы верующих, но и значительную часть политических, экономических, социальных и культурных процессов, протекавших внутри католического мира, — уже не одно столетие занимает умы исследователей и читателей. Особого внимания в этом контексте заслуживают период поздней Античности и первые столетия Средневековья. Именно в это время, на волне крушения римской государственности начинает постепенно оформляться папская теократическая доктрина, закладываются основы притязаний Святого престола на духовную власть в мировом масштабе.
Этой сложной эпохе и посвящается предлагаемая книга.